

Учредитель и издатель:
Пермский государственный национальный исследовательский университет

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Ван Кэвэнь**, кандидат культурологии, зав. кафедрой русского языка,
директор Центра русского языка (Наньчанский университет, КНР)
- Даниела Попович Николич**, доктор филологических наук, профессор кафедры сербской литературы и сравнительного литературоведения (университет в Нише, Сербия)
- Лапаева-Ристовска Наталья**, кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики Университета им. святых Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония)
- Ван Минь**, доцент кафедры русского языка Шаньдунского женского института (Цзинань, КНР)
- Ху Сяосюэ**, кандидат филологических наук, доцент Шаньдунского университета (Вэйхай, КНР)
- Ши Хуншэн**, профессор, директор Центра по изучению России Аньхойского университета (Хэфэй, КНР)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кондаков Б.В. , (гл. ред.), д. филол. н., проф.	Бурдина С.В. , д. филол. н., проф.
Русинова И.И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц.	Данилевская Н.В. , д. филол. н., доц.
Абашев В.В. , д. филол. н., доц.	Ерофеева Е.В. , д. филол. н., доц.
Арустамова А.А. , д. филол. н., доц.	Ерофеева Т.И. , д. филол. н., проф.
Баженова Е.А. , д. филол. н., доц.	Мишланов В.А. , д. филол. н., проф.
Бакланова И.И. , к. филол. н., доц.	Подюков И.А. , д. филол. н., проф.
Белоусов К.И. , д. филол. н., проф.	Полякова Е.Н. , д. филол. н., проф.
Боронникова Н.В. , к. филол. н., доц.	Шляхова С.С. , д. филол. н., проф.

Адрес учредителя, издателя и редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail редакции: irusinova@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Образование, политика, культура

<i>Абдулов Р.Р.</i>	Образ «культурной революции» в Китае в восприятии советских людей (по материалам СМИ).....	4
<i>Вань Нин, Гао Шуай</i>	Современные методы преподавания русского языка как иностранного для учащихся среднего звена (на примере «он-лайн» уроков в школе «Тхайханшаньлу» г. Циндао, КНР).....	10
<i>Пермякова О.В., Ильина Е.А.</i>	Адаптация студентов-иностранцев.....	16
<i>Черепанова Л.Л., Кожевникова А.И.</i>	Идеология «нового гламура» в пермских журналах: глянецовый формат политической повестки.....	20

Язык и культура

<i>Вань Нин, Гао Шуай</i>	Представления об автомобилях в русских и китайских рекламных текстах.....	27
<i>Карпова Т.Б., Янь Сяои</i>	Эвфемизмы в русском и китайском языках: универсальное и национальное.....	35
<i>Кротова-Гарина А.В., Шкураток Ю.А.</i>	Коми-пермяцкое <i>вежливеч</i> / <i>вежливец</i> : история и семантика.....	42
<i>Пигалева М.В.</i>	Прецедентные феномены, репрезентирующие концепт «искусство», в русской языковой картине мира.....	48
<i>Пономарев Н.Ф.</i>	Фейковые новости в информационной войне...	54
<i>Русинова И.И.</i>	Синтаксические модели устойчивых сочетаний с глаголом <i>знать</i> в русских мифологических текстах Пермского края.....	65

Сун Цзясюань	Названия лекарственных травянистых растений в китайском и русском языках: мотивационный аспект.....	72
Федорова И.К.	Перевод кулинарного рецепта в аспекте концепций европейского и китайского переводоведения.....	78
Литература и культура		
Антипина З.С.	«Лицо города Молотова» в мемуарах Георгия Сильницкого: советская жизнь глазами русского репатрианта.....	88
Князева Е.А.	Анаграмма в цикле О. Седаковой «Тристан и Изольда».....	93
Масальцева Т.Н.	Художественная публицистика в пермской газете «Звезда» периода «оттепели».....	98
Моисеева А.А.	Андерсеновские аллюзии в стихотворении Н.С. Гумилева «Китайская девушка».....	104
Роготнев И.Ю.	Пушкинские двустишия на перевод «Илиады»: регистры филологического анализа	112
Филимонова В.А.	Традиции поэзии Н. Гумилева в лирике М. Визи	124
Фу Ся, Сухоева Д.А.	Герой и среда в романах И.А. Гончарова и Ба Цзиня.....	130
Четина Е.М.	Художественный мир Анатолия Кима (к юбилею писателя).....	139

ОБРАЗОВАНИЕ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

УДК 327(470+510)

Абдулов Рамиль Равилевич
студент исторического факультета
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ram.abdulov2010@yandex.ru

ОБРАЗ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КИТАЕ В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ (по материалам СМИ)

В статье исследуется проблема восприятия «Великой пролетарской культурной революции» в Китае в советском массовом сознании, отраженном в материалах СМИ данного времени. Реконструируются типичные стереотипы сложившихся представлений о происходивших событиях в Китае, оценки советско-китайских отношений, а также образ лидера КНР Мао Цзэдуна. Рассматриваются особенности интерпретации событий «культурной революции» в местной пермской печати.

Ключевые слова: КНР, СССР, советско-китайские отношения, культурная революция, Мао Цзэдун.

Советско-китайские отношения в XX веке развивались в рамках различных моделей, во второй половине они носили весьма противоречивый характер. Одержав победу в гражданской войне 1949 г., китайские коммунисты стали для советского народа главным союзником в борьбе против империалистического Запада. Такое восприятие формировалось в первую очередь за счёт советского аппарата пропаганды. События, происходившие в Китае, широко освещались в советских СМИ, особенно в газетах. Именно через газеты внедрялся образ Китая как важнейшего союзника в деле построения социализма.

В мае 1966 г. в КНР начинается «великая пролетарская культурная революция». В стране повсеместно проводилась борьба с оппозиционными силами на всех уровнях: от партийных служащих до простых граждан. Создав идею конфронтации стран и внедряя её в общественные массы посредством СМИ, китайское руководство решало поставленную задачу – отвлечь людей от внутренних противоречий.

К тому времени в Китае уже появились предпосылки создать в лице СССР образ противника Китайской Народной Республики. Официальная позиция китайской коммунистической партии была такова, что СССР во времена Н.С. Хрущева отказался от коммунистических идеа-

лов, перейдя на иной путь. Показательным стал также XX съезд КПСС, критика культа Сталина, что дало возможность китайским коммунистам выступить против советских деятелей. Помимо всего прочего, как отмечает А.Б. Широкоград, «с начала 1930-х годов между СССР и Китаем накопилось много нерешенных пограничных проблем. В 1950-х годах, во время дружественных отношений, с проблемами этими худо-бедно мирились, но после ухудшения отношений в начале 1960-х годов они стали серьезно отравлять обстановку» [Широкоград 2004].

С помощью средств массовой информации гражданам КНР внушалась идея об экспансии со стороны СССР. Сложившаяся ситуация требовала от советского руководства выступить с официальной позицией в отношении политики Китая.

Тема китайской «Культурной революции» в советских СМИ не была изучена комплексно. Проблема рассматривается, особенно в контексте советско-китайских отношений, в работах Ю.М. Галеновича [Галенович 2001], А.Б. Широкограда [Широкоград: 2004]. Сам Китай становился одним из объектов имагологических исследований «образа врага» у А.С. Сенявского и Е.С. Сенявской [Сенявский, Сенявская 2006], Д. Вайса [Вайс 2008], а также А.В. Лукина [Лукин 2007], который рассматривал динамику развития образа Китая в глаза российского общества. Проблема изучения «культурной революции» в советской прессе поднималась в статьях Е.В. Каменской [Каменская 2014]

В данной работе сделана попытка рассмотреть динамику развития образа КНР в средствах массовой информации, попытаться реконструировать образ КНР, а также Мао Цзэдуна, которые складывались в советских СМИ, оценить их влияние на советско-китайские отношения. В частности, за основу были взяты материалы федеральной газеты «Известия» и региональной газеты «Звезда».

Рассматривая образ Китая в газетах после отставки Н.С. Хрущёва, мы видим, что конфронтационные отношения к КНР не находят в прессе прямого, непосредственного выражения. К началу «культурной революции» в 1966 г. вектор отношений постепенно изменился. В целом это были лишь небольшие заметки, находившиеся под заголовком «короткие сообщения». Упоминались события бомбардировки Тонкинского залива (например, в «Известиях» за 1966 г.).

В 1968 году советские газеты проявляли высокую активность по отношению к событиям, происходящим в Китае. Саму политику «культурной революции» обозначали как «раскольническую деятельность» («Известия» 1968, «Звезда» 1968). Китай идейно отходил от тех позиций, которых придерживался СССР, в частности, во внешнеполитическом курсе. Вся вина полностью возлагалась на Мао Цзэдуна и его ок-

ружение, которые как в федеральных, так и региональных СМИ обозначались, как «группировка Мао», «клика», «маоисты», «Мао и его приспешники». Подобными клише объяснялась политическая борьба внутри самой КПК, разногласия внутри руководства страны. В статье Е.В. Каменской объясняется, что это уже стало своего рода газетным клише, применяемым пропагандой [Каменская 2014]. Ранее подобная лексика применялась в 1930-е годы в целях внутривнутриполитической борьбы.

Особо стоит отметить, что Мао Цзэдун часто противопоставлялся китайскому народу. В советских газетах «Великий кормчий», который своими «идеями» насаждал политику «культурной революции», стал человеком, подрывающим идеи социализма и тёплых советско-китайских отношений. В каждой второй статье подчеркивается, насколько абсурдными являются действия Мао Цзэдуна и как это ведёт к кризису внутри страны. На карикатурах Б. Ефимова, в которых высмеивается политика КНР по отношению к СССР, лицо китайского солдата прикрито цитатником Мао, будто солдат слепо следует словам «Великого кормчего».

Сама политика «охоты на ведьм», проходившая в 1960-е годы в Китае, не могла не напомнить читателям о ситуации, которая была в 1930-е годы в СССР, когда происходило насаждение идей государства через различные каналы связи, а оппозиционные силы подавлялись различными методами. Однако при этом параллель между событиями в СССР и КНР никак не проводилась.

Деятельность сторонников Мао советская пресса объясняла так: «В бригады «пропаганды идей Мао Цзэ-дуна» входят не только полуграмотные рабочие и солдаты, но и во многих случаях совершенно неграмотные. Это отсталая часть китайского рабочего класса и армии, солдаты рекрутируются по преимуществу из деревни» («Известия», 1968). В газетах никогда не говорилось о том, что весь китайский народ стал противником, критике подвергались лишь те, кто фанатично поддерживает Мао, что объясняется недалёковидностью данной части населения. Впоследствии в советской прессе фанатично настроенную часть Китая, которая слепо выполняет приказы, будут называть «хунвэйбины». Это слово войдёт в лексикон и приобретет переносное расширительное значение.

1969 год позволил советской пропагандистской машине развернуть полномасштабную кампанию против Мао. В течение всего месяца в газетах, особенно федеральных, выходили статьи под заголовками «Гневный протест советского народа», «Позор маоистским авантюристам» («Известия»). Для создания впечатления широкого недовольства прессой привлекались люди из различных регионов Советского Союза, а также разных социальных слоев, например, студенты, рабочие заводов и

местные чиновники. Примечательно, что в региональной газете «Звезда» накал эпитетов снижен, хотя также используются в заголовках слова «предательство» и «авантюризм». Чаще всего для обозначения китайских военных, которые участвовали в событиях на о. Даманск, применялась фраза «китайские нарушители». Кроме этого, постоянно подчеркивается, что «авантюризм клики Мао» привёл к разногласиям двух народов, которые ранее были братскими.

Необходимо также отметить, что особым маркером для выявления взаимоотношений между КНР и СССР был день создания Китайской Народной Республики. В 1969 г. в газете «Известия» было опубликовано сдержанное поздравление А. Громько МИДу Китая, которое не имело никакой эмоциональной окраски. Региональная газета «Звезда», наоборот, посвятила 20-летию КНР 1/6 от всей полосы. В поздравлении большая часть текста посвящена тому, насколько близки два народа и как важно нормализовать отношения во имя общей идеи: «Мы глубоко убеждены, что осуществление такой политики обеими сторонами отвечает чаяниям советского и китайского народов...» («Звезда», 1969).

Подобное отношение обусловлено ещё свежими воспоминаниями о периоде «большой дружбы», многие китайцы, приезжавшие в Молотовскую область на стажировку, заводили семьи. Во время высылки китайцев в 1960-х годах те, кто обзавелся семьей, оставались в Молотове. Поэтому можно сделать вывод о том, что в какой-то степени региональная газета «Звезда» проявила уважение по отношению к оставшимся здесь представителям китайского народа.

В течение всей «культурной революции» в Китае частота освещения данных событий в советской прессе была не очень большой. К 1970-м годам Советский Союз встал на путь разрядки, это событие стало наиболее важным на страницах газет. По отношению к Китаю стали употребляться заголовки «Очередная “утка” по-пекински», также изредка освещалась политическая борьба внутри КПК, появлялись статьи, в которых вновь критиковали Мао, называя маоизм «резервом империализма». Смерть Мао Цзэдуна отразилась в газетах лишь сухой констатацией факта: было сказано лишь, что в посольстве Китая в Москве послы и советско-китайские общества дружбы расписались в траурной книге.

Рассмотрев материалы прессы, можно прийти к следующему выводу: «культурная революция» на страницах СМИ показана односторонне, однако и сама ситуация с КНР была достаточно непростой. Официальные лица не рассматривали налаживание отношений с Китаем как приоритетную задачу, на тот момент более важными районами для осуществления внешней политики СССР являлись Вьетнам, Чехословакия и ГДР.

Журналистская позиция была в большой степени обусловлена влиянием политики. Представители творческих профессий использовали вошедшее в обиход слово «хунвэйбины» и выражали с его помощью пороки китайской политической системы. В песне «Возле города Пекина ходят-бродят хунвейбины...» В. Высоцкий в вольном стиле говорит о событиях, которые потрясли Китай, о том, как Мао разрушил устои общества руками фанатично настроенных последователей – хунвэйбинов.

Советский народ не имел полного доступа к достоверной информации, однако у людей возникало ощущение затянувшегося конфликта, население желало нормализовать отношения с восточным соседом, что также часто звучит в региональной прессе Молотовской области. Если говорить об «образе врага» относительно Китая, то советская пресса не ставила перед собой такой задачи. Враждебность была направлена на Мао и тех, кто поддерживал его политику, поэтому в статьях часто возникали слова о надежде на возвращение сотрудничества советского и китайского народов.

Итак, образ КНР и «культурной революции» в основном базировался на официальных материалах средств массовой информации. Стоит также отметить, что в материалах СМИ происходило смещение акцента на конкретные события. Сама «культурная революция» комплексно никак не освещалась. В результате советские читатели не могли представить полной картины политической и социально-экономической ситуации в КНР.

Библиографический список

Вайс Д. Паразиты, падаль и мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24).

Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX в.: граница. Москва: Изограф, 2001. 410 с.

Гончаров С. Н. Китайцы в России – кто они // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 05.04.2019).

Каменская Е.В. «Культурная революция» в Китае во второй половине 1960-х годов на страницах советской прессы и в восприятии населения // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 4. С. 159-167.

Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М., 2007. 598 с.

Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имэджинология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История», 2006. №2 (6).

Широкоград А.Б. Россия и Китай: Конфликты и сотрудничество М.: Вече, 2004. 448 с.

Abdulov R. R.

Student of Historical Faculty

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

THE IMAGE OF THE “CULTURAL REVOLUTION” IN CHINA IN THE PERCEPTION OF THE SOVIET PEOPLE (according to media materials)

The article examines the problem of the perception of the “Great Proletarian Cultural Revolution” in China in the Soviet mass consciousness, as reflected in the media materials of the time. The typical stereotypes of the existing ideas about the events in China, the assessments of the Soviet-Chinese relations, as well as the image of the PRC leader Mao Zedong, are being reconstructed. The features of the interpretation of the events of the “cultural revolution” in the local press of Perm are considered.

Key words: China, USSR, Soviet-Chinese relations, cultural revolution, Mao Zedong.

Вань Нин

старший преподаватель
Шаньдунский женский институт (КНР)
wanning_perm@163.com

Гао Шуай

старший преподаватель
Шаньдунский женский институт (КНР)
gao-cool@163.com

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕГО ЗВЕНА
(НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН-УРОКОВ В ШКОЛЕ
«ТХАЙХАНШАНЬЛУ» г. ЦИНДАО, КНР)**

В статье обобщается опыт проведения дистанционных уроков русского как иностранного для китайских школьников. Анализируются трудности, связанные как с системой образования и сложившимися в Китае лингводидактическими традициями, так и с особенностями строя русского и китайского языков.

Ключевые слова: русский как иностранный, методика обучения, система образования, фонетика

Данная работа посвящена анализу опыта преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в рамках проекта по проведению онлайн-уроков по русскому языку для учащихся младшей школы «Тхайханшаньлу» (太行山路), г. Циндао, Китай. Проект был запущен в 2016–2017 учебном году в рамках реализации Соглашения между школой «Тхайханшаньлу» и МАОУ «Гимназия № 2» г. Перми по образовательному и культурному обмену. Согласно совместному плану, было проведено 10 уроков по 45 минут по каналу интернет-связи с использованием технологий видеоконференции Skype. Возраст обучаемых – 10–11 лет (пятый год обучения средней школы младшей ступени).

В качестве целей проекта предполагалось оценить качество дистанционного образования в условиях межкультурной коммуникации, его преимущества и недостатки, а также выявить актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного для учащихся младших школ.

Для написания работы были использованы материалы, полученные в ходе включенного наблюдения за изучением китайского языка в школе

«Тхайханшаньлу» г. Циндао и в МАОУ «Гимназия № 2» г. Перми, возраст обучающихся – 7–12 лет (младшая школа).

Следует отметить, что большинство пособий по изучению РКИ подготовлены для учащихся вузов и старших классов (см., например: [Чеснокова 2015; Лебединский.Гончар 2011; Русский язык как иностранный 2011]), в то время как для детей младшего и среднего возраста таких пособий написано намного меньше. Между тем, мировые тренды в развитии образования показывают рост популярности изучения вторых иностранных языков после английского. Русский, как один из 6 мировых языков, также изучают во многих странах, в первую очередь, в Китае [Русский становится..., 2017].

Опыт проведения занятий со школой «Тхайханшаньлу» выявил несколько актуальных моментов, характерных для преподавания РКИ для детей китайцев младшего и среднего возраста. Выявленные особенности позволяют более глубоко взглянуть на проблемы методики преподавания русского языка как иностранного студентам из КНР. На особенности преподавания русского языка как иностранного для китайцев, безусловно, влияет несколько факторов, заложенных на уровне системы образования. На них хочется остановиться подробнее.

1. Китайские классы

Из-за многочисленности населения в Китае исторически сложилась система обучения в больших по численности группах. В среднем, еще 10–12 лет назад в одном классе в Китае занималось до 50 учеников. Данная ситуация характерна и для современных школ, хотя они стремятся к уменьшению численности учебных групп. Для участия в проекте был выделен отдельный класс, который разделили на две группы по 20 человек, т.е. в самом классе обучалось на тот момент 40 учеников. В Европе, где для изучения иностранных языков формируются группы по 7–8 человек, или в России, где группы достигают 10–15 человек, ситуация с обучением складывается иная, поскольку учителю проще держать внимание учеников и применять лично-ориентированный подход в обучении. После проведения первого занятия мы обнаружили, что фактически участие в уроке принимали до 10 учеников за первыми партами, остальные дистанцировались от участия в занятии. Чтобы преодолеть сложившуюся непростую ситуацию, мы планировали следующие занятия таким образом, чтобы вовлечь в их проведение всех обучающихся. Для этого учитель всегда проводил занятия стоя, очень много упражнений давалось на коллективное групповое повторение. Как оказалось, эту практику в обучении активно используют и китайские преподаватели. Особенно интенсивно данная практика применялась нами на занятиях по фонетике.

Сегодня часто можно видеть китайских студентов и даже магистров, которые приходят на занятие, занимают сразу задние места и фактически не участвуют в образовательном процессе. Мы рассматриваем это как следствие системы образования в школе.

2. Отношение к иностранцам

Россиянин, как и любой другой европеец, является для китайцев носителем другой культуры и представителем другой расы. С учетом формирования с детства почтительно-уважительного отношения к взрослым и осторожного отношения ко всему новому и неизвестному, китайские школьники отнеслись к преподавателю-европейцу с недоверием и вполне ощутимым страхом (что, в общем, является и особенностью психологии для данного возраста). Даже повторив с учениками в группе какое-то фонетическое упражнение несколько раз, при индивидуальном ответе школьники в 100% случаев замолкали и не могли повторить то, что только что повторяли в группе.

Кроме этого, следует отметить, что китайцы с 1991 года изучают английский язык в школах начиная со второго класса. К 5 классу у них уже имеется набор необходимых для общения фраз. Отвечая на вопросы учителя, который разговаривал с ними по-китайски на уроке русского языка, они не могли избежать использования фраз на английском, типа *yes, no, hello* и т.д. Только доверительное общение, улыбка и долгие, продолжительные вступления на китайском языке позволили преодолеть данный психологический барьер. Во время командировки в Китай в эту школу два года назад мы посетили несколько занятий и следили, как ведут себя учителя-китайцы. Используя их манеру общения (многократное повторение односложных, прикрикивание на учеников с «военным» тоном), мы также смогли создать комфортную для учеников среду.

3. Система образования в Китае

При работе с китайцами нужно иметь в виду особенности самой системы образования и обучения языку. В современном мире китайский язык является одним из шести мировых, занимает первое место по количеству носителей как родного (на китайском языке разговаривает каждый пятый житель планеты) и третье место по распространенности. Китайский язык занимает также пятое место в мире по количеству изучающих его как иностранный, при том, что политика по его «продвижению» реализуется лишь с 2004 года. С каждым годом в мире появляется всё больше школ. В 2016 году на праздновании 10-летия Институтов Конфуция было объявлено, что сегодня в 120 странах мира работает более 700 Институтов и Классов Конфуция, а число зарегистрированных слушателей превышает 500 тыс. человек [Deepening Cooperation... 2018].

Особенности китайского языка, его сложность, связанная с необходимостью запоминать по 1000-1500 иероглифов для элементарного общения [Курдюмов 2005: 97], приводят к тому, что в Китае обычный ребенок учится читать письменный язык с 10-11 лет, при этом уже активно общаясь на бесписьменном языке. Сама методика обучения также не похожа на российскую и общеевропейскую. Обучение происходит хаотично, от иероглифа к иероглифу [Лелюх 2015]. На каждом занятии ученики изучают несколько новых иероглифов, способы и случаи их употребления, не видя их при этом в системе. Поэтому язык для них предстает не как четкая система с морфологией и синтаксисом, а как большое количество отдельных знаков-символов, которые надо заучивать. Эта система обучения приводит к тому, что, изучая иностранные языки, китайские школьники экстраполируют свой опыт восприятия китайского языка на иностранные. Поэтому начало обучения с теоретических структур языка ими тяжело воспринимается, но при этом они хорошо запоминают каждое слово в отдельности. Этот нюанс также необходимо учитывать при обучении китайцев русскому и другим иностранным языкам.

После рассмотрения особенностей китайцев и влияния на них их системы образования рассмотрим опыт работы со школой «Тхайханшаньлу». У нас было 10 уроков, в течение которых необходимо было дать ученикам общие представления о русском языке и научить нескольким наиболее понятным фразам. Курс включал в себя знакомство с фонетикой и слогами в русском языке, при этом на каждом занятии заучивались некоторые наиболее распространенные слова и фразы русского языка (по темам: «Приветствие, вежливые фразы», «Знакомство», «Дом и члены семьи», «Покупки», «Путешествие», «Россия», «Русская кухня», «Город Пермь»).

Понимая, что китайцы знакомы только с латинским алфавитом, мы разработали собственную систему транскрипции русских фраз и выражений с использованием латинских букв, чтобы ученики могли читать и повторять, одновременно использовалось написание на кириллице и иероглифическое значение (таким образом, каждое слово или фраза писались трижды). В некоторых случаях для простоты усвоения школьниками материала мы подбирали слова из русского языка, латинская транскрипция которых могла полностью совпадать с распространенными китайскими слогами, чтобы дети могли читать знакомые им слоги. Например, описывая ученика, который озорничает и не слушает учителя, мы использовали слово *хулиган* (кит. hu li gan). Ученики очень быстро усвоили это слово, и даже после занятия кричали фразу «Я хулиган» как

шутку. В дальнейшем учеников, которые невнимательно слушали или озорничали, мы также называли словом «хулиган».

При объяснении фонетики мы также столкнулись с трудностями объяснения и перевода. Дело в том, что в китайском языке нет различия глухих и звонких согласных, их заменяют согласные с придыхом и без придыха. Даже взрослые китайцы не различают звонкость на слух [100 китайских слов 2013: 17]. Поэтому объяснить школьникам, что это такое, очень непросто даже путем многократного повторения. Школьники заменяют звонкие и глухие на привычные для них придыхательные и непридыхательные. Но в этом случае, например, слова *папа* и *баба* звучат для них совершенно одинаково. Слово *папа* они пытаются произнести как [пха пха], а *баба* как [па па]. Более того, в китайских учебниках по изучению русского языка данная тема объясняется весьма обтекаемо. Даже с привлечением носителя языка мы смогли только попросить китайцев воспроизводить звуки, которые мы изображали. Это получалось не всегда. Сложности были также с объяснением звука [р], которого нет в китайском языке [Кондрашевский 2012: 3–5].

Строй гласных звуков китайского языка объяснить было проще, поскольку для большинства русских гласных звуков есть аналоги в китайском, близкие по звучанию.

В целом, анализируя опыт реализации проекта, мы пришли к выводу, что обучение русскому языку как иностранному для китайцев является более сложным в силу ряда особенностей, которые закладываются в китайцев со школьного возраста и дают о себе знать даже на вузовском уровне. Разработка методики преподавания РКИ для детей младшего и среднего возраста позволит более эффективно преподавать русский язык, начиная с младших классов, что, в свою очередь, создаст условия для успешного преподавания РКИ студентам из КНР.

Библиографический список

- 500 китайских слов / сост. Воропаев Н.Н., Ма Тяньюй. М.: АСТ, 2013. 270 с.
- Deepening Cooperation, Developing through Innovation, Working Together to Build a Community with a Shared Future for Mankind [Электронный ресурс]. Ханьбань. URL.: http://english.hanban.org/article/2017-12/13/content_711581.htm (дата обращения: 01.02.2018).
- Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический курс китайского языка: в 2 т. М.: Восток-Запад, 2012. 312 с.
- Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: Цитадель-трейд, 2005. 596 с.
- Лебединский С.И., Гончар Г.Г. Русский как иностранный, учебник для студентов первого курса. М., 2011. 402 с.;

Лелюх Ю.В. Эффективны методы запоминания китайских иероглифов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5-4. С. 586-588;

Русский становится самым популярным языком в Китае [Электронный ресурс]: Россия-24. URL.: <https://www.youtube.com/watch?v=-RC3aU-ADx0> (дата обращения: 13.12.201).

Русский язык как иностранный: элементарный уровень: учебное пособие / колл. авторов. Томск, 2011. 378 с.

Чеснокова М.П. Методика преподавания русского как иностранного: учеб. пособие. М.: МАДИ, 2015. 132 с.

Wan Nin

Senior Lecturer

Shandong Women's University

Gao Shuai

Senior Lecturer

Shandong Women's University

MODERN METHODS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN FOR MIDDLE STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF ONLINE LESSONS WITH THE "THAIKHANSHANLU" SCHOOL OF QINGDAO, PRC)

The article summarizes the experience of conducting distance learning lessons of Russian as a foreign language for Chinese pupils. The difficulties associated with both the educational system and the linguodidactic traditions prevailing in China, as well as with the peculiarities of the structures of the Russian and Chinese languages, are analyzed.

Key words: Russian as a foreign language, teaching methodology, education system, phonetics

Пермякова Оксана Владимировна
доцент кафедры лингводидактики
факультета современных иностранных языков и литератур
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ok.2002@mail.ru

Ильина Екатерина Александровна
аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ilinaea@psu.ru

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

В статье рассматривается понятие адаптация в отношении к иностранным студентам в период их обучения в вузе. Акцентируется внимание на социально-культурной адаптации и ее роли в жизни иностранцев.

Ключевые слова: адаптация, высшее образование, иностранный студент, социально-культурная адаптация.

Современное высшее образование развивается в перманентно изменяющихся условиях межкультурного диалога, а зачастую и полилога. Формируются, крепнут и набирают обороты связи и варианты сотрудничества с университетами всего мира. Интернациональный характер образования ставит новые задачи при организации учебного процесса.

Интернационализация современного высшего образования актуализирует проблему адаптации иностранных студентов к условиям высшего учебного заведения в незнакомой стране для успешной коммуникации в социально-бытовой и академической сфере. Примерно двое из ста обучающихся в высшей школе в мире на настоящий момент – иностранные студенты, среди которых в количественном отношении традиционно преобладают граждане развивающихся стран.

Адаптация иностранных студентов представляет собой многофакторный процесс вхождения, развития и становления личности студента-иностранца в образовательном пространстве университета. В ходе данного разнохарактерного процесса взаимодействия личности и новой социокультурной среды иностранные студенты, в силу специфических этнических и психологических особенностей, вынуждены преодолевать

различного рода социальные, психологические, культурологические и языковые барьеры, осваивать новые виды деятельности, постигать азы иных форм поведения.

Как известно, адаптация – понятие многозначное. Во-первых, это процесс приспособления к ситуации в связи с изменениями её характеристик. Во-вторых, это результат данного процесса, то есть приспособленность к изменившимся обстоятельствам жизни. В-третьих, это действия субъекта адаптационного процесса, связанные с его работой над собой в целях приспособления. Наконец, в-четвёртых, это работа с объектом адаптации, которую осуществляют люди, его окружающие. Существует несколько форм адаптации. Так в процессе социальной адаптации происходит согласование условий социальной среды и возможностей человека, его ожиданий и потребностей. В связи с тем, что обучение студентов происходит в группах, их личностная адаптация (привыкание к новым условиям внешней среды) непосредственно связана с их положением в коллективе, причём личность, группа и среда активно воздействуют друг на друга. Культурная же адаптация означает освоение культурных ценностей и особенностей проживания в целях формирования комфортного уровня жизни. В ситуации обучения в чужой стране к вышеперечисленным аспектам адаптации добавляется адаптация в образовательном процессе, то есть перестройка личности в рамках включения в новую социальную роль иностранного студента. Процесс адаптации может протекать быстрее или медленнее, что отражается и на качестве жизни иностранных студентов, и на их учебных успехах. Ситуация дезадаптации сопровождается неприятием норм и ценностей социальной среды, смешением целей и видов деятельности человека, сужением круга его общения и отказом от решения проблем и т.д.

Социально-культурная адаптация является многоуровневым, динамичным процессом, обладающим определённой последовательностью и особенностями протекания, поэтому процесс адаптации необходимо разделить на несколько этапов: превентивный (до приезда в страну), начальный (первый месяц пребывания в стране) и основной (все дальнейшее время пребывания в стране). К превентивному этапу относится знакомство абитуриента с информацией о вузе через его представителей, посредством Интернета и т.п. Особую роль в эффективности адаптации на этом этапе играет сайт вуза с благожелательным к пользователю интерфейсом и профессионализм его представителей или посредников в контактах между вузом и абитуриентом. Начальный этап, который длится примерно один-полтора месяца, даёт иностранному студенту возможность начать вхождение в новую языковую, социокультурную и учебную среду, усвоить основные нормы интернационального коллектива,

выработать собственный стиль поведения, преодолеть физиологический, психологический, языковой и другие барьеры. Однако стабильность и комфортность поведения будут повышаться далее на протяжении всего основного этапа, то есть всего времени пребывания в стране. Динамика этого процесса зависит от многих факторов: от социально-бытовых условий до психологического климата в группе. В данном случае мы намеренно не говорим о социально-культурной ситуации за пределами вуза, так как возможность её изменения находится за пределами компетенции вузовского педагогического коллектива. Обучение иностранных студентов проводится в межнациональных учебных группах, что облегчает вхождение студента в жизнь вуза и в образовательный процесс (он находится в ситуации «я как все», которая повышает его уровень самооценки). Общение с представителями других стран и повседневная учебная деятельность оказывают существенное влияние на адаптационные процессы и формирование личности студента, поведение которого становится рациональным, он правильно осознаёт и оценивает внутригрупповую ситуацию и вырабатывает адекватные ориентиры по отношению к групповым нормам, целям и ценностям, а также верную поведенческую тактику, соответствующую групповым требованиям и ожиданиям.

Основой организации культурно-образовательного пространства современного вуза является реализация принципов поликультурного образования и использование международного опыта социально-педагогической поддержки иностранных студентов с учетом специфики условий российских вузов. Особенность поликультурного образования заключается в его направленности на сохранение студентами иностранцами собственной культурной идентичности при одновременном принятии новых социокультурных, образовательных и воспитательных требований. Важнейшими условиями эффективной адаптации студентов иностранцев являются: а) коллективное взаимодействие всех субъектов образовательного процесса, направленное на эффективную адаптацию этих студентов в культурно-образовательном пространстве вуза; б) рефлексия как основа осмысления студентами-иностранцами, студентами-представителями принимающего общества причин успехов и неудач обучения, развития личности студента, осознания его творческих возможностей на фоне имеющегося культурно-исторического опыта; в) использование социально-педагогического портрета студента иностранца, отражающего качества наиболее характерные для представителей того или иного региона, с учетом которых выстраивается модель, а в дальнейшем и система средств адаптации этих студентов в культурно-образовательном пространстве вуза. Эффективность адаптации ино-

странных студентов в культурно-образовательном пространстве вуза определяется на основе комплексной и многоуровневой системы оценки развития их ключевых компетенций, включающей оценку студентами-иностранцами своего уровня развития ключевых компетенций, оценку студентами-представителями принимающего общества студента-иностранца как полноправного субъекта студенческого сообщества, а также оценку преподавателями иностранного студента как полноправного субъекта образовательного процесса.

Библиографический список

Витковская М.И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН). // «Вестник РУДН. Серия «Социология». – М., 2003.

Росляков А.Е. Процесс адаптации студентов в условиях вуза. // «Психология и эргономика». 2003. № 4.

Свиридов Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи. 2002. № 1.

Шапкин С.А., Дикая Л.Г. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации / Психологический журнал, том 17. 1996. № 1.

Щуревич Г.А., Зинковский А.В., Пономарев Н.И. Адаптация молодежи к высшей школе. СПб., 1994.

O. V. Permyakiva

Associate Professor at the Department of Linguodidactics
Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University

E. A. Pina

Postgraduate Student of Philological Faculty
Perm State University

ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

The article deals with the concept of adaptation in relation to foreign students during their studies at the University. Attention is focused on social and cultural adaptation and its role in the life of foreigners.

Key words: adaptation, higher education, foreign student, social and cultural adaptation.

Черепанова Лариса Львовна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
cherkaf@gmail.com

Кожевникова Анастасия Ильинична
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kozhevnikovanastya@mail.ru

ИДЕОЛОГИЯ «НОВОГО ГЛАМУРА» В ПЕРМСКИХ ЖУРНАЛАХ: ГЛЯНЦЕВЫЙ ФОРМАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

В работе исследуются типологические изменения глянцевого журналов последнего десятилетия, представлен феномен политической повестки федеральных и пермских глянцевого журналов, выходящих в 2010-х годах. Для анализа применяется система «маркеров» (признаков) политизации повестки журналов; устанавливается зависимость повестки журналов от политических и экономических условий; уточняется толкование ряда понятий, по-новому осмысливается феномен «идеологии глянца».

Ключевые слова: глянец журнал, политическая повестка, политизация, повестка дня, путинский гламур.

Понятие «глянец журнал» как обозначение типологической принадлежности издания давно устоялось, однако, отвечая на запросы целевой аудитории, журналы этого типа изменяются. Эти изменения отражаются на повестке «глянцевого журналов». В частности, в некоторых типах «глянца» появляется политическая повестка. Такие глянец журналы представляют собой новую, по сравнению с другими видами прессы, платформу для политического высказывания в соответствии с особенностями типологии изданий и форматом «глянца». Особый эстетический код, подход к освещению материалов на тему политики также требует изучения.

Под «глянцевым» изданием мы понимаем журнал – бумажный или электронный, выполненный в особой эстетике праздника, с высоким качеством полиграфии, имеющий узкую аудиторную направленность, ши-

рокий охват тем и выполняющий «модоформирующую» функцию по отношению к своей аудитории [Голышко-Вольфсон 2005].

Многие исследователи глянцевого журнала связывают их с особой «идеологией гламура» и наделяют такими характеристиками, как «форма эскапизма» и очищенная от конфликтов повестка [Боннер-Смеюха 2010: 209–214]. Глянec считается той частью официальной культуры, которая тотально избегает политики [Гудова, Ракипова 2010]. Особенности повестки дня глянцевого журнала традиционно связывались с предпочтениями целевой аудитории, склонной к потреблению информации об элитном стиле жизни. Долгое время глянцевые журналы делились по гендерному признаку на мужские и женские издания, обращались к определенному спектру ограниченных тем. Эти типологические характеристики были присущи и региональным изданиям, которые во многом начинали копировать федеральные журнальные бренды. Однако затем представление о том, что такое элитный стиль жизни и кто является его ключевыми представителями, стало меняться.

Ещё 10 лет назад журналисты и писатели Дмитрий Быков, Линор Горалик, Лев Рубинштейн отмечали, что наметилась тенденция политизации повестки в глянце [Фанайлова 2008]. Рефлексия на тему этого процесса проявляется, прежде всего, в СМИ. Например, в 2010 году об этом, связывая политизацию глянцевого журнала с социально-политическими условиями, говорил в интервью писатель и журналист Дмитрий Быков: «Нынешняя мода на глянец, в том числе и политический глянец, – это не столько реакция на избыточное давление со стороны государства, не столько нонконформизм, сколько следствие, если угодно, превышенного болевого порога общества» [Быков 2010]. В интервью упоминались прежде всего глянцевые журналы с федеральной повесткой: «Esquire» и «Сноб».

Эта сторона функционирования глянцевого журнала не исследована. С целью выявления признаков политизации повестки журналов за исследуемые периоды (2011–2012 и 2016–2017 годы) использован контент-анализ. Рассмотрим выводы, к которым привёл анализ полученных данных.

В результате проведённого анализа текстов журналов «Esquire», «Сноб», «Афиша» установлено, что политизация повестки глянцевого журнала в России возникает на стыке двух моделей: «путинского гламура» (термин предложен Николаем Усковым, главным редактором российских версий журналов “GQ” и “Forbes”) и «нового гламура» [Половинко 2018]. Благоприятная финансово-экономическая ситуация, сложившаяся благодаря высоким ценам на энергоносители, сопровождавшаяся подъемом экономики и политической стабильностью, способст-

вовала формированию модели так называемого «путинского гламура». Журналы этого периода отличались очищенной от социальных конфликтов повесткой, привлекавшей аудиторию идеей «доступности роскоши». Основным потребителем глянцевого журналов была целевая аудитория, принадлежавшая (или стремившаяся принадлежать) к среднему классу, сформировавшемуся в 2000-е годы. Эти журналы называли проводником официальной идеологии [Зверева 2006].

Экономический кризис 2008 года и смещение ценностей целевой аудитории среднего класса в сторону политической и гражданской активности способствовали формированию «нового гламура». Внимание глянцевого журналов переключается на образы Ксении Собчак, Бориса Немцова, Алексея Навального. В результате анализа текстов федеральных глянцевого журналов выявлены признаки политизации их повестки. Это проявилось в обращении журналов к политическим персонам и событиям, которые стали знаками типологических изменений «глянца» в области содержания. Выявляя признаки политизации, мы обращали внимание на наличие в текстах прямых упоминаний персон, деятельность которых связана с политикой, названий партий, политических событий. Назовем их «маркеры политизации текстов». Выявленные признаки политизации текстов были применены в качестве критериев анализа текстов пермских глянцевого журналов.

Политизация повестки пермских глянцевого журналов наиболее активно происходила в период 2011–2012 годов, что проявлялось в обращении журналов к политическим персонам и событиям регионального и федерального уровня. Политическая повестка обнаружена в выпусках четырёх глянцевого журналов Перми: «Malina», «Собака.рф», «Стольник», «Компаньон magazine» за 2011–2012 годы [Кожевникова 2018].

В этот период наибольшее количество упоминаний, повлиявших на политизацию журналов, связано с «Пермским культурным проектом», который считался частью официальной политики губернатора Олега Чиркунова (должность на момент публикации) [Суворова, Черепанова 2013: 131–139]. Частотность этих информационных поводов была высокой в оба исследуемых периода. Однако в разные периоды с проектом ассоциировали разных людей: в 2011–2012 годах это были губернатор Пермского края Олег Чиркунов, депутат и заместитель председателя гордумы г. Перми Аркадий Кац, галерист и основатель музея современного искусства PERMM Марат Гельман; в 2016–2017 годах в связи с этим проектом упоминали уже только Олега Чиркунова.

Упоминания имен Олега Чиркунова и Марата Гельмана встречались в материалах разных жанров примерно в одинаковом соотношении. Такое равенство в упоминаниях ещё раз подчеркивает, как в журналах

Перми развивалась линия политизации «Культурного проекта», его связи с губернатором: упоминания Олега Чиркунова и Марата Гельмана находились как в актуальной новостной повестке, так и в размышлениях интервьюируемых о ситуации в регионе.

Среди событий наибольшее число упоминаний получили «Марши протеста», то есть волны акций против результатов выборов в Госдуму на рубеже 2011–2012 годов, и проект «Пермь – культурная столица Европы». При этом если «Марши протеста» дважды назвали в вопросах сами журналисты (вопрос «А вы ходили на митинги?»), то «Культурный проект» герои публикации всегда упоминали без наводящих вопросов. Почти во всех случаях перечисленные события не являются главной темой обсуждения, в тексте их только упоминают. Поэтому их участие в формировании повестки дня журналов можно обозначить как косвенный признак политизации повестки. Исключение составляет публикация в журнале «Компаньон magazine» интервью оппозиционного политика Владимира Рыжкова о протестном движении 2011–2012 годов.

В журнале «Собака.рпм» материалы с упоминаем политических персон и событий опубликованы в рубрике «Портреты» в жанре интервью небольшого объема (полоса) и в новостных рубриках: «Новости» и «Матрица». Последняя представляет собой краткие новости (до двух предложений), расположенные по иерархии «высокое искусство» и «попса», нередко в них появлялась информация о событиях Пермского культурного проекта. При очевидной взаимосвязи политики и искусства в регионе новости о пермской паблик-арт программе почти всегда оказывались внизу этой «матрицы».

В журнале «Компаньон magazine» политизация повестки представлена в основном в колонках и интервью. Так, в 2011–2012 годах в журнале активно публиковали колонки Евгения Сапиро, который в 1990-е годы был первым заместителем главы администрации Перми, председателем Законодательного собрания Пермского края и министром региональной и национальной политики РФ. В своих текстах он, как правило, иронизирует над властью федерального уровня, но не критикует представителей пермского истеблишмента.

В период 2016–2017 годов уровень политизации повестки заметно снижается. Так, количество упоминаний политических персон снизилось с 28 (в 2011–2012 годах) до 20. Субъектами информации, ньюсмейкерами стали в большей степени учёные, нежели политики. Прежде всего, выбыли из повестки местные политики, утратившие популярность и положение во власти. Частота упоминания политических событий также была более низкой. Вместе с тем спектр политических событий, представленных в повестке, был разнообразнее, чем в 2011–2012 годах.

Подведем итоги. Тенденция политизации повестки в журналах модели «нового гламура», отмеченная с 2008 по 2012 годы, нашла отражение в работе не только федеральных, но и региональных глянцевого журналов, в том числе пермских.

Политизация повестки глянцевого журналов реализуется посредством обращения к информации, прямо или косвенно адресующей к сфере политики. Это продиктовано смещением интересов среднего класса, основной аудитории глянцевого журналов, в сторону гражданской и политической активности. На пересечении идеологии доступной роскоши гламура и событий протестной активности появляется новый тип героя «глянца», построенный на основе медиаобразов политических и гражданских лидеров.

После 2012 года отмечается деполитизация повестки дня глянцевого журналов. С большой долей вероятности это связано с утратой актуальности политической сферы для аудитории СМИ. По мнению Валерия Мазанова, бывшего редактора журнала «Компаньон magazine» (г. Пермь), «мода» на упоминание гражданских активистов, митингов 2011–2012 года «За честные выборы» или «Маршей протеста», частота которых была высокой в период 2011–2012 годов, прошла.

Этот обязательный для «глянца» – «модный» – аспект подразумевает иной подход к подаче материалов, в том числе связанных с политикой. Эстетика «нового гламура» предполагает превращение «активной жизненной позиции» в нечто тиражируемое, что возможно «потребить». Это отразилось в текстах и самом подходе к освещению информационных поводов. Например, в федеральном издании Cosmopolitan появилась статья «Здесь ловить нечего: 7 мест, в которых точно не нужно знакомиться с мужчиной». Одно из предлагаемых автором мест – митинг: «Вот где встречаются современные герои с твердым характером и четкой гражданской позицией. Они тратят время, нервы и листы ватмана, чтобы ты жила в справедливом мире. Но не спеши заносить в календарь ближайшие марши» [Здесь... 2017].

В региональных изданиях такой подход к освещению материалов также нашел отражение. В том числе поэтому основное внимание редакций пермских глянцевого журналов с политической повесткой было сосредоточено на символах. Например, на арт-объектах программы публичного искусства – подразделении «Пермского культурного проекта», одной из целей которого было сделать из Перми европейский модный город. Политика заговорила о моде и стала частью повестки «глянца».

Подведем итог. Особенности политической повестки региональных глянцевого журналов связаны с уникальностью региона. В целом изменения в повестке дня глянцевого журналов обнаруживаются как в

федеральных, так и в региональных изданиях. Это свидетельствует, с одной стороны, об их типологической мобильности, с другой – обнаруживает устойчивую зависимость глянцевого журнала от социального статуса их целевой аудитории – среднего класса, претерпевающего изменения в зависимости от политического курса страны.

Библиографический список

Боннер-Смеюха В.В. Особенности развития глянцевого женского журнала. Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2010. № 1. С. 209–214.

Быков Д. Глянец как форма политической борьбы [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2011. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Glyanec-kak-forma-politicheskoy-bor-by> (дата обращения: 05.11.19).

Голышко-Вольфсон Д. Агрессивно-пассивный гламур [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2005. № 60. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/60/glamur> (дата обращения: 05.11.19).

Гудова М.Ю., Ракипова И.Д. Женские глянцевые журналы: хронотоп воображаемой повседневности. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. 238 с.

Зверева В. Позывные гламура. Гламур: культурная экспансия или новая идеология [Электронный ресурс] // Искусство кино. 2006. №11. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2006/11/n11-article3> (дата обращения: 08.11.2019).

Здесь ловить нечего: 7 мест, в которых точно не нужно знакомиться с мужчиной [Электронный ресурс] // Cosmo.ru. URL: https://www.cosmo.ru/sex-love/he_and_you/zdes-lovit-nechego-7-mest-v-kotoryh-tochno-ne-nuzhno-znakomitsya-s-muzhchinoy/ (дата обращения: 20.02.19).

Кожевникова А. Дополненная реальность: особенности представления региональной повестки в глянцевых журналах [Электронный ресурс] // Проблемы филологии глазами молодых исследователей. Пермь, 2017. С. 114–116. http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/problemy_filologii-2017-2.pdf (дата обращения: 20.02.19).

Половинко В. Кто ласкает Кремль//Новая газета. 25 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/07/24/77267-glyantsevyu-kreml> (дата обращения: 20.02.19).

Суворова К.А., Черепанова Л.Л. Арт-объект красные человечки на «ментальной карте» Пермского края // Артикульт. 2013. 10(2). С. 131–139.

Фанайлова Елена. Путинский гламур [Электронный ресурс] // Радио свобода. 20.01.2008. URL: <https://www.svoboda.org/a/431248.html> (дата обращения: 20.02.19).

L.L. Cherepanova

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

A.A. Kozhevnikova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

**IDEOLOGY OF “NEW GLAMOR” IN PERM JOURNALS:
GLOSSY FORMAT POLITICAL AGENDA**

The article presents the results of a study of typological changes in glossy magazines in 2010. Signs of politicization of the agenda are revealed in federal and Perm glossy magazines. The study used a system of “markers” (signs) of politicizing the agenda of magazines; the interpretation of a number of concepts is being clarified, the phenomenon of “gloss ideology” is reinterpreted.

Key words: glossy magazine, political agenda, politicization, agenda, Putin's glamor.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1:811.58:629.33:656.1

Вань Нин

старший преподаватель
Шаньдунский женский институт (КНР)
wannig_perm@163.com

Гао Шуай

старший преподаватель
Шаньдунский женский институт (КНР)
gao-cool@163.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АВТОМОБИЛЯХ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается роль рекламы в процессе межнационального общения. Анализируются особенности восприятия русскими и китайцами автомобильных рекламных текстов. Выявляются национальные различия в отношении к концепту «автомобиль». Выявленные различия обосновываются спецификой картин мира русских и китайцев.

Ключевые слова: глобализация, межкультурная коммуникация; рекламный текст; картина мира; особенности восприятия, языковые особенности.

Исследования межкультурной коммуникации сегодня весьма актуальны, поскольку наряду с обычными средствами общения возникли и активно развиваются такие как телевидение, интернет, мобильная связь, способные вовлекать в процессы взаимодействия самую широкую аудиторию, объединяя не только разные слои населения одной страны, но и представителей разных стран и континентов. Эти технические достижения второй половины XX–начала XXI вв. привели к образованию особого коммуникативного пространства – *массмедиа*, или *медиадискурса*.

На страницах международного научного журнала «Стил» исследователь С.Г. Чемеркин справедливо пишет: «Глобализационные процессы, непосредственно связанные с демократизацией общества, дали мощный толчок другой стилевой разновидности текстов – публицистическим, а развитие цифровых технологий существенно ускорило такую динамику» [Чемеркин 2012: 221]. По его мнению, «глобализация способствовала изменению всех стилевых и жанровых разновидностей, трансформировав их значимость в формировании нормы» [там же: 222].

И не последнюю роль в этом процессе играет реклама, давно уже ставшая международным феноменом, оказывающим серьёзное влияние на формирование и динамику так называемого национального стиля [Клущина 2012: 19–33].

Реклама, как известно, представляет собой коммуникативно-социальный феномен, «определяющий и в какой-то степени регулирующий все сферы общественной и личной жизни» [Симонова 2010: 5]. Сегодня это один из значимых видов материальных носителей знаний человека о мире, поскольку рекламные тексты передают «различные типы маркетинговой информации, направленной на достижение понимания между продавцами и покупателями на рынке. Реклама не только информирует о продукции, но и одновременно трансформирует её в некий образ, который становится в сознании покупателя неотделимым от фактических сведений о качествах рекламируемого товара» [там же].

Специфика рекламы заключается также в её гуманитарном характере: она детерминирует социальное поведение человека в том смысле, что побуждает реализовать фундаментальную для личности потребность в самоутверждении и самоидентификации. И далеко не только в рамках соответствующей человеку социальной группы, но также в контексте межнациональных связей, т.е. помогает каждому ощутить себя частью мирового сообщества. Это особенно справедливо для автомобильной рекламы, благодаря которой каждый, например русский, может почувствовать себя «чуть-чуть немцем», сидя в «BMW», американцем – в автомобиле марки «Kraiser» или настоящим россиянином, управляя «Ладой».

Многие исследователи подчёркивают такую социально значимую особенность рекламы, как её способность отражать своеобразие национальной картины мира [см.: Белоусова 2006; Детинкина 2010; Ивченко 2010 и др.]. В эпоху стирания жёстких границ между этносами это качество рекламы обретает особую важность не только как источник сведений о жизни других народов и стран, но и как важные и обязательные строевые компоненты межнациональной (= планетарной) коммуникации и культуры, т.е. обретает статус *элементов общечеловеческого культурного пространства*, входит в это пространство – наряду с другими феноменами культуры – в качестве составляющих его единиц.

Важно уточнить, что речь идёт о рекламе как одном из средств такого социального взаимодействия, которое способно влиять на изменение и формирование ценностных ориентаций в повседневной жизни людей разных стран, а следовательно, способно создавать, с одной стороны, зоны пересечения культур разных народов – так называемые *зоны культурного совпадения* (общности, единства); с другой стороны, спо-

собно нести информацию о специфике восприятия и понимания разными народами одних и тех же артефактов, т.е. создавать так называемые *зоны культурного несовпадения* (расхождения), или культурной самобытности в рамках рекламного дискурса.

В связи со сказанным интересно проанализировать, какие ключевые смыслы автомобильных рекламных текстов являются наиболее ценными, а какие остаются менее значимыми в сознании носителей русской и китайской картин мира. Такой сопоставительный анализ позволит обнаружить как зоны «культурного совпадения», так и зоны «культурного несовпадения», что облегчит рекламодателям процесс гармоничного конструирования рекламной деятельности в рамках международной автомобильной экономики.

Нами было опрошено 200 респондентов: по 100 человек с русской и китайской стороны. При этом мы придерживались гендерного паритета, поэтому в каждую сотню вошли по 50 мужчин и 50 женщин. Средний возраст опрошенных составил 25–35 лет (в целом в опросе участвовали люди от 17 до 50 лет); социальное положение респондентов разное – это студенты, рабочие, служащие (гос- и офис-служащие, работники бюджетной сферы), предприниматели, домохозяйки.

Респондентам были предложены анкеты с пятью одинаковыми вопросами:

1. Какими качествами, по вашему мнению, должен обладать хороший автомобиль?
2. Сведения о чем вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?
3. Какие слоганы из текстов автомобильной рекламы вы помните?
4. Повлияет ли на ваше решение о приобретении автомобиля его марка?
5. Повлияет ли на ваше решение о приобретении автомобиля его название?

Эти вопросы выявили зоны совпадения и зоны несовпадения в оценке автомобиля и его важнейших качеств русскими и китайцами.

Так, например, среди ответов на первый вопрос (Какими качествами должен обладать хороший автомобиль?) в русских анкетах преобладают ответы: *комфорт* – I место; *разгон с места до 100 км. / мощность двигателя / скорость (динамичность)* – II место; *надёжность, выносливость* – III место. Китайские анкеты демонстрируют иные представления о важнейших качествах автомобиля: *безопасность* – I место; *дизайн («стильный вид»)* – II место; *комфорт* – III место. Таким образом, приоритетными качествами автомобиля для русских являются комфорт,

мощность и надёжность, для китайцев – безопасность, внешний вид (эстетика оформления) и комфорт.

Как видно, зоной совпадения в русских и китайских представлениях об основных качествах автомобиля является *комфорт*, причём для русских – это первое требование к автомобилю, для китайцев оно лишь на третьем месте среди важнейших. По всем же остальным качествам представления опрошенных о хорошем автомобиле не совпадают: для русских важны его *мощность* и *надёжность* (=выносливость), для китайцев – *безопасность на дороге* (=прочность стали и стёкол) и *внешний дизайн*.

Выявленная разница в автомобильных приоритетах двух народов представляется вполне естественной, поскольку у китайцев и русских разная автомобильная история, разный жизненный опыт в обладании машинами и их эксплуатации.

Весь советский период и до сих пор отечественный автопром, мягко говоря, не обращал большого внимания на удобное оформление салона автомобиля, на надёжность его технического устройства, на долговечность работы его деталей (запчастей). Русскому водителю долгое время пришлось быть вынужденным аскетом и, кроме того, постоянно заниматься ремонтом своего автомобиля, доделкой и переделкой воплощённых в нём инженерных решений; поэтому для русского водителя *комфорт* и *надёжность* составляют ядро ценностей автомобиля. Что касается мощности (она на 2-ом месте), то её важность для русского автомобильного сознания тоже объяснима: в России мало хороших дорог, а зимой много снега – без автомобиля с мощным мотором можно проехать далеко не везде, даже в пределах городского ландшафта.

Интересно распределились оценки качества хорошего автомобиля в зависимости от гендерных характеристик респондентов. Так, среди **русских автолюбителей-мужчин** важнейшими оказались такие качества, как *комфорт*, *мощность двигателя* и *надёжность, выносливость*; среди **автолюбителей-женщин** наиболее предпочтительными названы *мощность двигателя* и *комфорт*, затем *внешний дизайн* и далее *надёжность, выносливость*. Если учесть, что перечисленные качества расположены по степени убывания их важности, то становится очевидным, что русские мужчины, как знающие цену комфорту и надёжности машины, не задумываются, в отличие от женщин, над её внешним дизайном (хотя в нашем материале есть и мужские ответы, связанные с выбором этого качества, но они никогда не входят в зону трёх важнейших автомобильных ценностей, а находятся на их периферии).

Для **китайских автолюбителей-мужчин** в число важнейших качеств входят (по степени убывания важности) *безопасность* автомобиля,

его *внешний (стильный) дизайн, комфорт в управлении*; **китайские автолюбители-женщины** называют *внешний (стильный) дизайн, безопасность, комфорт в управлении*. Как видим, с китайской точки зрения, ценности автомобиля не меняются в зависимости от гендерных характеристик его потребителей. Меняется лишь степень их значимости: для мужчин важнее всего *безопасность*, для женщин – *внешний вид*, тогда как *комфорт* и у тех, и у других на надёжном третьем месте.

Ответы на второй вопрос анкеты (Сведения о чем вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?) выявили несколько иную картину.

В **русских анкетах** первое место разделили сведения о *цене* и *технических характеристиках машины*; второе место занимает информация о *мощности двигателя*; на третьем месте – *комфорт салона*. В **китайских анкетах** на первом месте такое качество, как *безопасность*, на втором месте – *экономичность расхода топлива*, третью позицию занимают сведения о *технических характеристиках автомобиля*.

Такие данные свидетельствуют о том, что текст рекламного сообщения русский потребитель начинает оценивать с цены товара и его технических характеристик; немаловажным для него оказывается и комфортное оформление салона, но это, как показывает материал, уже дело третье. Иное восприятие рекламного сообщения у китайского потребителя: не задумываясь о цене, он интересуется прежде всего безопасностью и экономичностью машины, которые позволяют ему уже более или менее спокойно воспринять сведения о технических особенностях предлагаемого товара.

В ответах на второй вопрос так же, как и в ответах на первый вопрос, можно отметить некоторые особенности, связанные с гендерными характеристиками респондентов.

Так, например, для **русских мужчин** в содержании рекламных текстов наиболее значимой оказывается информация о *цене* автомобиля (1-ое место) и его *мощности* (2-ое место), а уж затем его *марка* (3-е место); для **русских женщин** более приоритетной оказывается информация о *мощности* (1-ое место), затем сведения об *удобстве* и *комфорте* (2-ое место), на последнем же месте стоит вопрос о *цене* и *надёжности* автомобиля. Подобный расклад «голосов» объясняется, видимо, тем, что русские мужчины почти полностью – покупатели авто (ср. место вопроса о цене в их анкетах), тогда как женщины почти полностью только пользователи (ср. место о цене автомобиля в их анкетах).

Китайские мужчины выделяют в рекламе прежде всего сведения об *экономичности расхода топлива* (1-ое место), затем о *безопасности* (2-ое место) и уже в третью очередь о *технических характеристиках*;

китайские женщины сведения о *безопасности* ставят на первое место, сведения об *экономичности* – на второе, а уже затем обращают внимание на *технические характеристики* рекламируемого автомобиля. Как видно, китайские женщины единодушны со своими мужчинами, ибо ценность рекламных сведений для них одинакова, меняется местами лишь экономичность с безопасностью, уходя с первого места у мужчин на второе у женщин.

Интересные выводы позволяет сделать анализ ответов на третий вопрос (Какие слоганы из текстов автомобильной рекламы вы помните?). Выяснилось, что в России наиболее известными и узнаваемыми являются слоганы зарубежных автомобильных концернов «Toyota» (*Управляй мечтой! Все в твоих руках! Превосходя ожидания!*) и «Audi» (*Das Auto!*). Эти же фирмы, судя по анкетным данным, наполняют и рекламный рынок Китая, где самыми популярными являются слоганы «Toyota» (*Где есть дорога, там обязательно Toyota!*) и «Audi» (*Прорыв науки и техники! Будущее воодушевляет!*). Однако в Китае активна и реклама концерна «Mercedes» со слоганом *Ведет за собой время!*. Эти данные позволяют сделать три важных вывода: 1) в России «не прижилась», не стала общественно значимой реклама автомобилей марки «Mercedes», очевидно, из-за высокой стоимости товара, тогда как четвертая часть китайских потребителей назвала слоган этой компании; 2) серьезной гендерной дифференциации в ответах на третий вопрос нет: русские мужчины и женщины, с одной стороны, и китайские мужчины и женщины, с другой стороны, назвали почти одни и те же слоганы; 3) русские респонденты демонстрируют бóльшую осведомленность в рекламном дискурсе, так как позицию «Затрудняюсь ответить» отметили только 33 человека, в то время как в китайских анкетах таких набралось 60 человек; при этом рекламные слоганы лучше знают русские мужчины (из них только 15 «затруднились ответить»), чем женщины, среди которых «затруднились ответить» 25 человек. Та же картина и среди китайских респондентов: не ответили на этот вопрос 23 мужчины и 40 женщин.

Что касается четвертого (Повлияет ли на ваше решение о приобретении автомобиля его марка?) и пятого (Повлияет ли на ваше решение о приобретении автомобиля его название?) вопросов, то среди ответов на них нет какой-либо существенной разницы: носители и китайского, и русского рекламных дискурсов с большим перевесом ответили «да» на оба вопроса.

Завершая анализ, отметим, что восприятие рекламных текстов, выделение в них ценностей, и среди них – приоритетных, происходит далеко не одинаково у представителей разных наций. Здесь многое зависит

от особенностей менталитета – культурных и бытовых традиций, социально-экономических особенностей жизни, прошлых и настоящих исторических событий, влияющих на картину мира носителей того или иного языка и т.п. В результате эмоционально-психическое восприятие одного и того же артефакта, обнаруживая **зоны культурного несовпадения**, может приводить к неодинаковым, а возможно, и противоположным физическим или материальным реакциям / действиям со стороны представителей разных национальностей. Поэтому всякое рекламное сообщение фирмы-производителя или фирмы-продавца, которые выходят на международное торговое пространство, должно непременно учитывать особенности национального мировосприятия своего адресата, ибо то, что жизненно необходимо для русского, – для китайца вторично. И наоборот. Это убедительно демонстрирует проведённый нами анализ рекламных текстов автомобильной тематики.

Разные ценностные приоритеты того или иного народа, фиксируемые в рекламных слоганах посредством слова, являются, безусловно, ценностными ориентирами для экономической деятельности в автомобильной отрасли: чтобы успешно производить автомобили, надо успешно их продавать; чтобы успешно продавать, необходимо успешно рекламировать; чтобы успешно рекламировать, создатель рекламного текста должен ориентироваться на ценностные ментальные установки того сообщества, в рамках которого этот текст распространяется.

Библиографический список

Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 16 с.

Детинкина В. В. Рекламный дискурс как способ создания социального мифа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 24 с.

Ивченко М. В. Функционально-семантические и лингвокультурологические особенности вербализованного концепта «волшебство» в сказачном и рекламном дискурсах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2010. 22 с.

Клушина Н. И. Русский национальный стиль и его реализация в текстах современных СМИ // *Stylistyka XXI. Opole* (Польша), 2012. С. 119–128.

Симонова А. К. Реклама в процессе детерминации социального поведения личности: автореф. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010. 19 с.

Чемеркин С. Г. Формирование литературной нормы в контексте современной стилевой дифференциации // *Международный журнал «Стил»*. № 11. Белгород, 2012. С. 219–228.

Wan Nin

Senior Lecturer

Shandong Women's University

Gao Shuai

Senior Lecturer

Shandong Women's University

CAR REPRESENTATION IN RUSSIAN AND CHINESE ADVERTISING TEXTS

The article discusses the role of advertising in the process of interethnic communication. The features of the perception of Russian and Chinese automobile advertising texts are analyzed. National differences are revealed in relation to the concept of "car". The revealed differences are substantiated by the specifics of the world paintings of Russians and Chinese.

Key words: globalization, intercultural communication; advertising text; picture of the world; features of perception, language features.

Карпова Татьяна Борисовна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
tatyana_2000@mail.ru

Янь Сяои
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
jzyy678@163.com

ЭВФЕМИЗМЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

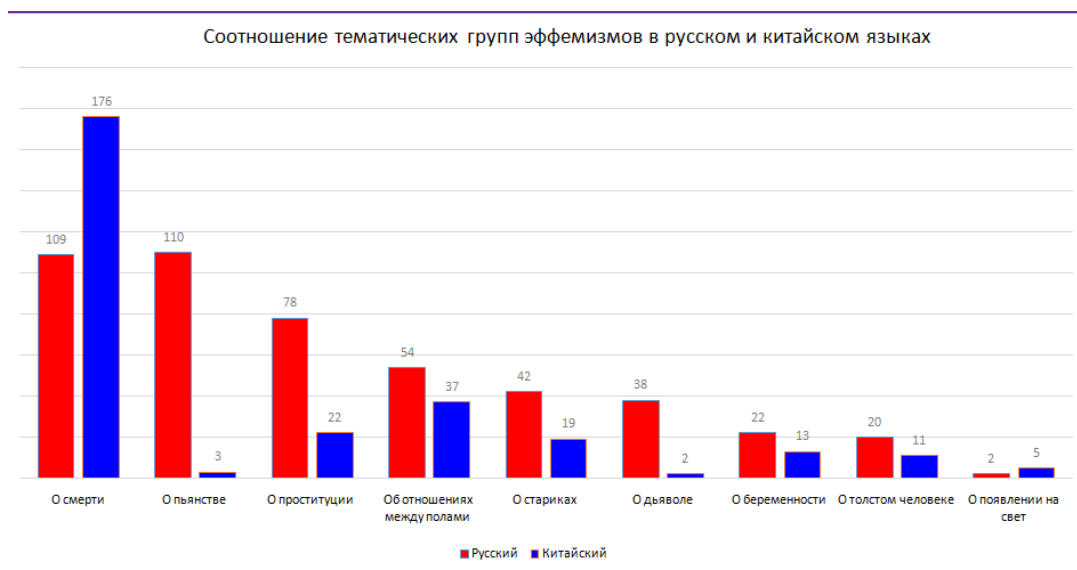
В статье представлены результаты сравнения русских и китайских эвфемизмов девяти тематических групп: выявлены единицы как с универсальными, так и национальными смыслами, что дает основание говорить о значительном влиянии на их использование особенностей русской и китайской лингвокультур.

Ключевые слова: лингвокультурология, эвфемизмы, тематические группы эвфемизмов, универсальное и национальное

На современном этапе развития языков, включая русский и китайский языки, явление эвфемизации можно оценить как одно из активных и ярких, противостоящих тенденции к общему «снижению стиля», а потому способствующих гармонизации языка. Действительно, недаром эвфемизмы метафорически называют фиговым листком языка и горьким лекарством в красивой обертке: они явно облагораживают речь современного человека, делают ее менее грубой и вульгарной, а потому находятся в зоне особого внимания специалистов [см., напр., работы русских и китайских лингвистов: Шмелев 1979; Крысин 1996; Чжан Цзиньюй 2000; Ли Цзюньхуа 2004, 2010; Ковшова 2007; Москвин 2001, 2017; Юань Лиин 2012; Цай Вэй 2014 и др.].

Нами были отобраны и изучены эвфемизмы девяти тематических групп (*Об отношениях между мужчиной и женщиной; О беременности; О дьяволе; О появлении на свет; О проституции; О пьянстве; О смерти; О стариках; О толстом человеке*) по трем словарям эвфемизмов [Чжан Гунгуй 1996; Ван Яцзюнь 2005; Сеничкина 2008]. В девяти тематических группах нами обнаружено всего **763** единицы, из них 475 русских эвфемизмов и 288 – китайских.

В представленном ниже графике видно соотношение выявленных нами тематических групп эвфемизмов в русском и китайском языках.

Как видно из графика, все девять выбранных нами тематических групп эвфемизмов есть в обоих языках. Однако в семи из девяти групп эвфемизмов выявлено больше эвфемизмов в русском языке. В китайском языке большее количество эвфемизмов зафиксировано только в двух группах: первой (самой многочисленной) группе (*О смерти*) и последней (самой малочисленной) – (*О появлении ребёнка на свет*).

Самые неравнозначные соотношения количества эвфемизмов по двум языкам мы обнаружили в двух тематических группах русского и китайского материала соответственно: *О пьянстве*: 110 и 3 единицы (97% и 3%); *О дьяволе*: 38 и 2 (95% и 5%), что несомненно связано с особенностями русской лингвокультуры.

Далее последовательно представим универсальные (с совпадающими значениями) и национальные (с несовпадающими значениями) эвфемизмы.

Сначала приведем некоторые примеры **УНИВЕРСАЛЬНЫХ** эвфемизмов (даны от большего количества совпадений к меньшему):

Эвфемизмы о смерти (25 единиц с общим значением). Как уже было сказано выше, это самая многочисленная тематическая группа. Очевидно, это связано с тем, что данная тема всегда и у всех народов была табуированной, человек всегда боялся смерти и даже самого этого слова. Мы обнаружили, что обе нации имеют следующие общие взгляды на смерть: **Смерть, это – конец жизни телесной** (ср. русские (*Кончено, Отдать концы, Кончиться, Испустить дух, Смежить очи, Все конечно*) и китайские (*尽 (Кончиться), 咽 (Испустить дух), 瞑 (Смежить*

очи) эвфемизмы); **После смерти телесной продолжает жить душа** (ср. русские (*Дух вон, Душа (душенька) с телом расстается, Душа отлетела*) и китайские (迁神/迁形 (*Душа отошла в небытие*), 登仙 (*Вступить в сонм бессмертных*), 神游 (*Душа вышла на прогулку*) и т.д.) эвфемизмы; **Смерть – это конец земных забот, начало спокойной жизни** (ср. русские (*Отойти к лучшей жизни, Обрести покой, Уйти на покой, На спокой удалиться*) и китайские (登 (*Поднимать край лотоса*), 离尘 (*Уйти из грешного мира*), 归道山 (*Отправиться на гору бессмертных*), 回老家 (*Возвращаться к родным пенатам*), 长眠 (*Вечный покой*) эвфемизмы).

Эвфемизмы о стариках (6 единиц с общим значением). Общая черта эвфемизмов о стариках в двух лингвокультурах заключается в общих компонентах значений эвфемизмов этой тематической группы, связанных с концом года, дня, а также с седыми волосами (ср. русские (*Возраст осени, Вечер жизни, Закат жизни (дней), Осень жизни, Выбелить* (о седине), *Засеребрились волосы (виски, косы, пряди), Иней волос*) и китайские (薄暮 (*К вечеру*), 人生的秋 (*Осень жизни*), 日落之年 (*Год заката*), 白首 (*Белые волосы*), 霜发 (*Волосы инея*) эвфемизмы).

Эвфемизмы о состоянии беременности (2 единицы с общим значением). Совпадения связаны, во-первых, с общим представлением об изменении фигуры будущей матери (ср., напр., русский эвфемизм *Округлился живот* и китайские 大肚 (*Большое брюхо*), 重身/双身 (*Двойное тело*) и под.; а во-вторых, с ожиданием ребенка (ср.: *Ожидать (ждать) ребенка, Готовиться стать матерью* и 满怀期待 (*В полном ожидании*), 准备摇篮 (*Готовить колыбель*)).

Далее покажем русские и китайские эвфемизмы, не совпадающие по значению с эвфемизмами языка, с которым было проведено сопоставление, то есть **НАЦИОНАЛЬНЫЕ** эвфемизмы. Сначала сравним списки национальных эвфемизмов разных тематических групп (от многочисленных к малочисленным):

Русские нац. эвфемизмы	Китайские нац. эвфемизмы
<i>О пьянстве</i> (110 единиц)	<i>О смерти</i> (151 единица)
<i>О смерти</i> (109 единиц)	<i>Об отношениях между полами</i> (36)
<i>О проституции</i> (78 единиц)	<i>О проституции</i> (19 единиц)
<i>Об отношениях м/ полами</i> (54)	<i>О стариках</i> (13 единиц)
<i>О стариках</i> (42 единицы)	<i>О беременности</i> (12 единиц)
<i>О дьяволе</i> (38 единицы)	<i>О толстом человеке</i> (10 единиц)
<i>О беременности</i> (24 единицы)	<i>О появлении на свет</i> (5 единиц).
<i>О толстом человеке</i> (19 единиц)	<i>О пьянстве</i> (3 единицы)
<i>О появлении на свет</i> (2 единицы).	<i>О дьяволе</i> (1 единица)

Среди национальных русских эвфемизмов изученных нами групп на первом месте оказалась тематическая группа *О пьянстве*. При этом она дробится на микротемы, что вместе с многочисленностью эвфемизмов (110 единиц) говорит о явной «проработанности» данной темы в рамках русской лингвокультуры. Назовем эти микротемы и приведем примеры эвфемизмов по каждой из них: **постоянно пьющий человек** (*Алкоголик, Асоциальная категория населения, В питии усердный, Клюквенный нос* (нос пьяницы), *Поклонник (угодник) Бахуса, Поклонник Вакха, Пьющий, Пьяница, Употребляющий*); **пьяный** (*Подогретый, В неподобающем виде, В нетрезвом виде (состоянии), В состоянии алкогольного опьянения, Нарядный, Нетрезвый*); **немного выпить** (*Веселенький, В подпитии, Навеселе, На кураже, На взводе, Под газом, Под градусом, Поддатый, Под мухой, Под хмельком, Смочить горло*); **много выпить** (*Белку поймать, Белочка накрыла, Готов (готовый, готовенький), До зеленого змия, Перебрать, Хлебнуть лишнего*); **выпивать** (*Вспрыскивать, Ерофейничать, За галстук (за воротник) закладывать (заливать, пропускать, трахать), Клюкать, Лечиться, Пить горькую, Приговорить бутылочку, Принять на грудь, Раздавить бутылочку, Сообразить на троих*); **алкоголь, водка** (*Горчайшая, Ерофеич, Горячительные (увеселительные, крепкие, спиртные) напитки, Горячительное, Огненная вода, Дары Вакха, Живая вода, Жидкая валюта, Заряд, Зеленый змий, Злая водица, Литровка, Литрочка, Маленькая (бутылка 0,25), Медицинский раствор, Питие, Эликсир*). Как видно из примеров, эвфемизмы этой группы не только передают нюансы самого состояния опьянения (от легкого опьянения до стадии запоя), но и представляют полную палитру стилистически разнородных эвфемизмов данной тематической группы (от разговорных (*Клюкать, Трахать* и под.) до слов высокого стиля (*Дары Вакха, Угодник Бахуса* и под.) и лексики научной и официально-деловой (*Алкоголизм, Асоциальная категория населения, В состоянии сильного алкогольного опьянения* и под.). В любом случае эвфемизмы на эту тему, несмотря на то что в определенной степени реализуют свое предназначение (позволяют уйти от нежелательных прямых высказываний), все же не несут необходимой нейтральности, а остаются весьма оценочными словами.

Среди национальных китайских эвфемизмов самой многочисленной оказалась группа *О смерти*. Национальными, присущими только китайской лингвокультуре, являются эвфемизмы о смерти людей разных сословий (от императора, важного чиновника до простого человека), разного возраста и разного пола. См., напр., эвфемизмы о смерти **императора**: 大讳 (*Государственное табу*), 宾 (*Отправиться на небеса в качестве гостя*), 驾 (*Слишком поздно запряжены дворцовые колесницы*

(государь скончался), 弃群臣 (*Бросить министров*), 上宾 (*Почётный гость в небесах*), 大忧 (*Большая печаль*); о смерти **чиновника**: 不禄 (*Не получать более жалованья*), 薨, 薨逝, 薨谢, 薨陨 (*Скончаться, почитать* (о князе, крупном чине); о смерти **девушки** 蕙损兰摧 (*Душистые травы повредились, Орхидея сломалась*), 香消玉殒 (*Аромат исчез и яшма потускнела*), 玉碎香埋 (*Яшма разбилась*), 玉碎珠沉 (*Яшма разбилась, Погрузилась на дно жемчужина*); о смерти **в молодом возрасте** (不育 (*Невозможно поставить на ноги ребёнка*), 短岁 (*Недолговечный*), 夭折 (*Смерть несовершеннолетних*), 朝露 (*Утренняя роса*). Здесь есть также особая группа эвфемизмов **Смерть на войне**: 光荣 (*Честь*), 马革裹尸 (*Тело было погребено в шкуре коня*), 就 (*Умереть за правое дело*), 捐躯 (*Пожертвовать собой*), 以身许国 (*Отдать самого себя Родине*).

Существенные различия обнаружены нами в русских и китайских эвфемизмах об отношениях между полами. Так, если в русской лингвокультуре есть довольно много эвфемизмов «сниженного» характера о неверности мужчины и женщины (*Интрижка на стороне, Ходить налево и др.*), о легкости вступления в интимную близость (*Блудить, Грешить, Заниматься сексом, Щуры-муры, Снюхаться и под.*), то китайские эвфемизмы на эту тему окрашены другими красками: большинство из них имеет положительную семантику, часто это слова поэтические, возвышенные (比翼鸟 (*Сказочная птица с одним крылом и одним глазом, способная лететь только в паре с другой такой же птицей*); 并蒂莲 (*Два цветка лотоса на одном стебле*); 连理枝 (*Растение с взаимно переплетающимися ветками или корнями*); 同心鸟 (*Единодушные птицы*); 鱼水和谐 (*Полная гармония, как между рыбой и водой*).

В китайском языке даже эвфемизмы о женщинах легкого поведения нередко представляют собой наименования цветов и других растений. Напр.: 墙花路草 (*Степной цветок и уличная трава*), 粉花 (*Розовый цветок*), 卖花 (*Продавать цветы*) и под. Это связано с историей Китая, с законенными (до сравнительно недавнего времени) полигамными отношениями, когда состоятельный мужчина мог иметь несколько женщин.

Национальным колоритом обладают многие китайские эвфемизмы о беременности женщины. Большинство единиц этой тематической группы связаны со снами женщины – будущей матери. Напр.: 梦兰 (*Видеть покойника (орхидею) во сне*), 梦日 (*Видеть солнце во сне*), 梦月 (*Видеть луну во сне*), 梦熊 (*Видеть медведя во сне*) и т.д. Возможно, это связано с существующим в Китае поверьем: в первые три месяца беременности о своем положении нельзя рассказывать никому, кроме родителей и мужа.

Если в тематической группе *О появлении на свет* нами зафиксировано всего два русских эвфемизма (*Аист принес* и *В капусте нашли*), то в китайском языке их обнаружено довольно много, причем как традиционных (鹤叼来 (*Журавль принёс*), 石头缝里蹦出来 (*Выскочил из камня / из книги «Путешествие на запад»*)), так и появившихся совсем недавно (充话费送的 (*Подарок за покупку мобильного телефона*), 捡来的 (*路边*), 垃圾桶 (*Подобрали из мусорного ведра / на улице*). Многие китайцы, в отличие от русских, до сих пор предпочитают своим детям не раскрывать тайну их появления на свет, а по-прежнему используют эвфемизмы.

Таким образом, сравнение эвфемизмов пусть даже немногих тематических групп позволило нам увидеть как общие (универсальные), так и различные (национальные) их значения, обусловленные общими и национальными свойствами русской и китайской лингвокультур.

Библиографический список

Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. Москва: Гнозис, 2007. 320 с.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. Москва, 1996. С.384–408.

Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. (3). С. 59–70.

Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Москва: URSS, 2017. 262 с.

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Шмелёв Д.Н. Эвфемизм // Русский язык. Москва: Энциклопедия, 1979.

Цай Вэй. Сравнительное изучение различий и сходств русского и китайского эвфемизмов // Литературное образование. 2014, (7). С.53–54.

Чжан Цзинюй. Прагматическая функция эвфемистического выражения и преподавание китайского языка как иностранного. 2000, (3). С. 32–36.

Ли Цзюньхуа. Об определении эвфемизма. Сянтань: Сянтаньская университетская литература и журналистика. 2004, (6). С.162–165.

Ли Цзюньхуа. Исследование китайских эвфемизмов. Пекин: Китайская социальная пресса, 2010.

Ван Яцзюнь. Словарь практических эвфемизмов. Шанхай: Шанхайский словарь прессы, 2005.

Юань Лиин. Кросс-культурное сравнительное изучение русского и китайского эвфемизмов. Чанчунь: Издательство университета Цзилинь, 2012.

Чжан Гунгуй. Словарь китайских эвфемизмов. Пекин: Пресса Пекинского университета языка и культуры, 1996.

Tatyana B. Karpova

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

Yan Xiaoyi

Bachelor of Philological Faculty
Perm State University

**EUPHEMISMS IN RUSSIAN AND CHINESE:
THE UNIVERSAL AND THE NATIONAL**

Russian and Chinese euphemisms of nine thematic groups are compared in the article: units with both universal and national meanings are identified, which gives grounds to speak about a significant influence on their use of the peculiarities of Russian and Chinese linguocultures.

Key words: linguoculturology, euphemisms, thematic groups of euphemisms, universal and national meanings of euphemisms.

Кротова-Гарина Анастасия Владимировна
инженер кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
anastasia.garina@ya.ru

Шкураток Юлия Анатольевна
доцент кафедры русского языка и стилистики,
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
shkuratok@mail.ru

КОМИ-ПЕРМЯЦКОЕ *ВЕЖЛИВЕЧ* / *ВЕЖЛИВЕЦ*: ИСТОРИЯ И СЕМАНТИКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект
№ 18-012-00750 «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков: опыт
лексикографического описания»*

Статья описывает историю появления в коми-пермяцком языке названия колдуна *вежливеч* / *вежливец* и изменение его семантики.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, *вежливеч* / *вежливец*, колдун.

Исследователь народной медицины коми-пермяков Г. И. Мальцев, классифицируя людей, занимающихся лечением народными средствами, выделяет в особую группу так называемых *вежливецев*: «Знахарей у пермяков можно разделить на три группы: первая – вежливицы; вторая – костоправы, повитухи, травницы (лекари и лекарки). Они занимались преимущественно оказанием медицинской помощи, применяя при этом различные магические приемы, и занимали своеобразное срединное положение. К третьей группе относятся знахари, колдуны, туны, лёк туны (сильные колдуны), еретники. Они в своей практике осуществляли различные религиозно-магические обряды, связь с потусторонним миром, вызывали души умерших родственников. К ним обращались в случае болезней, которые вызваны, по народным представлениям, действием сверхъестественных сил, и неизлечимых обычными средствами: порче, киле, икоте (шеве), сглазе и др.» [Мальцев 2019: 118].

Выделение *вежливецев* в особую группу, по всей видимости, в данном случае продиктовано той значимой ролью, которая отводилась

этим магическим специалистам и которая описана в работах этнографов XIX – начала XX века (Н. А. Рогов, И. Н. Смирнов, В. М. Янович).

Н. А. Рогов пишет, что «колдуна всегда почитали больше всех из поезжан свадебного поезда... Колдун должен быть силен в колдовстве, должен уметь отворачивать злой умысел нехорошего человека или врага, другого вежливец (колдуна), чтобы тот не превратил свадебный поезд в зверей или птиц» [Рогов 1858: 137]. По описанию И. Н. Смирнова, вежливец «может испортить человека прикосновением, дуновением, взглядом. <...> [они] обладают способностью оборачиваться разными животными сами и оборачивать других» [Смирнов 1891: 287].

Кроме того, *вежливец* мог писать «кабалу» (письмо) лешему: «Пишется оно в экстренных случаях, когда у мужика теряется лошадь или другая крупная скотина заблудится в лесу. В этих случаях потерявший идет к вежливицу и сообщает ему о своем несчастье». Вежливец проводил обряд «черешлан» и лечил людей народными средствами: «Помимо черъэшвана у пермяков масса лекарств, получаемых ими от вежливцев (колдунов). Средства эти в большинстве случаев самые невинные, самые безобидные. Особенным почетом и особенно славою пользуются те знахари, которых слепая судьба наградила громовою стрелою» [Янович 1903: 14, 16].

Таким образом, по записям конца XIX – начала XX веков в коми-пермяцкой традиционной культуре *вежливец* – это и колдун, который ограждал молодых от порчи во время свадебного обряда, в то же время он мог напускать порчу на людей и скот, оборачиваться животными, это и знахарь, лечащий народными средствами, в том числе с применением магии, это и отправитель обряда «черешлан», помимо этого, как магический специалист, *вежливец* мог писать «кабалу» лешему, чтобы вернуть потерявшуюся скотину, и т. д. Это означает, что *вежливец* по своим функциям может быть определен сразу во все три группы классификации Г. М. Мальцева.

Основным «функциональным отличием» *вежливица*, делающим его выше остальных лекарей и колдунов, по мнению Г. И. Мальцева, является переход границы миров, *вежливец* – своеобразный посредник между Богом и человеком. Исходя из этого предположения, исследователь пытается этимологизировать это слово, сопоставляя с коми-пермяцким «веж – желтый, веж – святой – коми-пермяцкое фольклорное, вежалісь – священник, шаман, веж – цвет лика Бога») [Мальцев 2019: 118].

Несмотря на то что в коми-пермяцком языке существует словообразовательное гнездо с корнем *веж*- ‘святой’ (*вежай* ‘крестный отец’, *вежань* ‘крестная мать’, *вежалун* ‘воскресенье; праздник’, *вежава*

‘святая вода’ и др.) [КПРС: 60], предложенное этимологическое решение не может быть признано удовлетворительным ни по структурным соображениям (лексема *вежливец* содержит два русских суффикса *-лив-* и *-ец*, необъяснимых на коми-пермяцкой почве), ни по ареальным. Слово *вежливец* широко известно русским говорам, с пометой «перм.» оно подается в «Словаре русских народных говоров» в двух значениях: 1) *вѣжливец* – ‘почетное название колдуна на свадьбе, являющегося [часто] и распорядителем свадьбы’ (Шадр. Перм., 1898), 2) ‘знарок свадебного ритуала, ведущий свадьбу’ (Шадр. Перм., 1852, Перм., Урал.), с оттенком ‘дружка’ отмечен в (Оренб. 1851, Соликам. Перм.) [СРНГ 4: 95–96]. Эти же два значения выделены у слова *вѣжливец* составителями «Словаря русских говоров Среднего Урала. Дополнения» [СРГСУ–Д: 58]. В значении ‘дружка, ведущий свадьбу; старший шафер на свадьбе’ лексема фиксируется в вятских говорах: *Митя был вежливецем на свадьбе у Нюрки. Вежливец-от – самый главный на свадьбе* [ОСВЯТГ 2: 27].

Слово *вежливец* как название колдуна на свадьбе известно и пермским памятникам письменности. Кунгурский документ 1705 г. сообщает: *Аника Детлев на той свадьбе у него Родиона был в вежливцах а для обороны де с собою на тое свадьбу чтоб ево Родиона и жену ево сторонние люди не испортили имал громовую стрелу да святую траву* [СЛПП 1: 68]. С пометой «перм.» и «сиб.» подает слово *вѣжливец* В. И. Даль, сообщая при этом, что *вежливец* – «почетное звание колдуна, знахаря, который на всех свадьбах занимает первое место, оберегает свадьбу, особенно молодых, от порчи и распоряжается всем; он бывает нестерпимо груб и сидит за столом в шапке» [Даль I: 810].

Во второй половине XIX века *вежливец* неоднократно упоминается в публикациях этнографического характера. Описывая свадебный обряд обвинских крестьян, И. Назукин пишет: «Седьмые [сани] – так называемый вежливец. Его обязанности состоят в том, чтобы наблюдать за порядком следования процессии: как из дома жениха до невесты, так и от оной до церкви. Он, перед отправкою жениховой свиты к невесте, когда уже все сядут в сани, установит лошадей, как должно следовать в путь, потом берет икону и, читая разные молитвы, обходит с ней вокруг процессии один раз, употребляя иногда кое-какие пустяшные наговоры, а сверх того, в отвращение всяких неблагоприятностей, лепит в гривы лошадям воск и тому подобное, по вечеру провожает новобрачных на постель» [Назукин 1875: 26–27].

И. Кожин описывает обязанности *вежливца* в Шадринском уезде Пермской губернии следующим образом: «Тогда же назначается день для смотра, в который приезжают те же лица, т. е. сватовщица, жених,

его отец и мать, но уже с родственниками; сюда же привозят, ко дню свадьбы, вежливец для отвращения от будущих новобрачных злых людей. <...> За сим жених со свахами и боярами садится в передний угол, а вежливец начинает дарить отца, мать и всех родственников невесты, девушек же угощает пряничками, орешками» [Кожин 1860: 318–319]. Редакция сочла необходимым дать следующий комментарий: «Вежливыми назывались люди, знакомые с злым духом. Испорченное от слова ведать, – знать нечистых духов. В нынешнее время обходятся чаще без этих людей, и если где они и сохранились в Перм. губ., так это разве что в глуши, в отдаленных местах от города» [Там же].

В русском языке слово *вежливец*, образованное от древнерусского *вежливый* ‘знающий’, первоначально означало магического специалиста «широкого профиля», человека, обладающего сверхъестественными знаниями. Впоследствии в результате сужения семантики оно стало использоваться только для обозначения колдуна, «специализирующегося» на отправлении свадебного ритуала, дружки.

Записи конца XIX и начала XX веков свидетельствуют о том, что заимствованная в коми-пермяцкий язык в качестве названия колдуна на свадьбе (по всей видимости, вместе со свадебным обрядом и свадебной терминологией) лексема *вежливеч/вежливец* снова претерпевает обратное изменение семантики и уже обозначает магического специалиста с «широкими функциями», колдуна, знахаря, отправителя обряда «черешлан» и т. п.

В связи с разрушением традиционного свадебного обряда в пермских русских говорах во второй половине XX века слово уже почти не фиксируется, несколько дольше оно сохраняется в коми-пермяцких диалектах.

В «Коми-пермяцко-русском словаре» под ред. Р. М. Баталовой и А. С. Кривошековой-Гантман лексема отсутствует, а в «Коми-пермяцком орфографическом словаре» *вежливеч* подается с пометой «устаревшее» [КПОС: 48]. В оньковских говорах фиксируется *vežvel'eč* ‘колдун, шаман’ [Баталова 1990: 173].

Некоторые носители коми-пермяцкого языка, родившиеся в 1930-х годах, описывают, как во времена их молодости приглашали на свадьбу колдунов, но не всегда могут вспомнить слово *вежливеч/вежливец* в значении ‘почетное название колдуна на свадьбе, являющегося [часто] и распорядителем свадьбы’: [*Вежливец – сія кин сэтшио́мыс?*] *Вежливец, а вот свадьбаэзвас, видно, сэтшио́ммес вöввисö, а, поди, ня и вöисö, ме оз тöд.* ([*Вежливец – это кто такой?*] *Вежливец, а вот на свадьбах, видимо, такие [люди] были, а, может, они [колдуны] и были, я не знаю*) (Поносова Куд.) [ПМ 2018]; [*Сэтшио́м морттэсö, тöдиссесö, тожо*

корывывисö? (о свадьбе)] А вот корлывлöмась. Вежливец пö сия. Вот кор свадьбаыс мый пантась, дак думайт пö кежны. [А вежливецыс, сия свадьбавас мый кервис?] Öнджа, руководитис. ([Таких людей, «знающих», тоже звали? (о свадьбе)] А вот звали. Вежливец, мол, это. Вот когда со свадьбой да что да встречаешься, так отойди. [А вежливец, он на свадьбе что делал?] Это самое, руководил) (Поносова Куд.) [ПМ 2018]; Свадьбанас еретник пö вайöтвывывöмась нагдадь. Вот сийö кывывви. [А вежливец слово тийö эдö кывывö?] Эг. [Вежливецсö кыввин?] Но сийö кывви тай: вежливец, а ме мыйöн тöда, сия кытшиöm, мый сия – вежливец? (На свадьбу еретника, мол, приводили нарочно. Вот это я слышала. [А слово вежливец вы не слышали?] Нет. [Вежливец слышали?] Но это-то я слышала: вежливец, а я откуда знаю, это кто, что это – вежливец?) (Конанова Куд.) [ПМ 2018].

Известно носителям коми-пермяцкого языка старшего возраста и другое значение – ‘знаток свадебного ритуала, ведущий свадьбу’: *Вот сийö мужикöс корасö, поди, вот, шуасö: эта пö вежливец. <...> Свадьбавас тай, но, кинöскö корöны артистöс да мый да, а сэк вежливецчез шуввисö. <...> Керкуас понасö вот невестаыс пырны, вот сур-браганас кор петöны, сия вежливецыс невестаыскöt öтваöн женикыскöt. <...> Вот кыз тай öни, кыз нö сийö шуöны? Но, свадьбасö чуötöны, вот сия сидз жö вежливецыс чуötвыввис. (Вот этого мужика позовут, может, вот скажут: это, мол, вежливец. <...> На свадьбах-то, ну, кого-то зовут артистов да что да, а тогда вежливец называли. <...> В дом станут вот невеста заходить, вот когда с пивом и брагой выходят, этот вежливец с невестой вместе и с женихом. <...> Вот как теперь, как же его называют? Ну, свадьбу [которые] проводят, вот он, вежливец, так же проводил) (Конанова Куд.) [ПМ 2018].*

Таким образом, коми-пермяцкое слово *вежливец* являет собой заимствование из русского языка, где оно, изначально образованное от прил. *вежливый* ‘знающий’ обозначало человека со сверхъестественными свойствами. Впоследствии слово стало употребляться только по отношению к колдуну, «специализирующемся» на свадебном обряде, знатоку свадебного ритуала, дружке. После заимствования в коми-пермяцкий язык слово *вежливец* претерпело обратный процесс: записи этнографов конца XIX – начала XX века свидетельствуют, что *вежливец* стало обозначать магического специалиста широкого профиля, не только колдуна на свадьбе, но и любого колдуна, знахаря, отправителя обряда «черешлан» и т. п. В XX веке слово *вежливец* ушло из русских говоров, *вежливец* постепенно стало забываться и носителями коми-пермяцкого языка.

Библиографический список с сокращениями

- Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990. 206 с.
- Даль – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1. А–З, 1903. 1743 с.
- Кожин И. Обряды бракосочетания между крестьянами Шадринского уезда // Перм. губ. ведомости. 1860. № 26. С. 318–319.
- КПОС – Коми-пермяцкий орфографический словарь / Сост. Р. М. Баталова и др. 2-е изд., испр., доп. Кудымкар: Перм. кн.: Коми-Перм. отд-ние, 1992. 278 с.
- КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 621 с.
- Мальцев Г. И. Народные врачеватели у коми-пермяков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 1. С. 117–129.
- Назукин И. Свадебные обряды у обвинских крестьян (Пермской губ. Соликамс. и Оханс. уездов) // Перм. губ. ведомости. 1875. № 74, 77, 79, 80.
- ОСВятГ 1–2 – Областной словарь вятских говоров. Киров, 2012.
- ПМ – полевые материалы лаборатории лексикологии и лексикографии ПГНИУ, зап., расш. и пер. А. В. Кротовой-Гариной.
- Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков: [в 2 ч.] / Николай Рогов; [предисл. к переизд. А. В. Черных, Т. Г. Голева]. Стер. изд. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное изд-во; Пермь: Тип. купца Тарасова, 2008. 221 с.
- СЛПП 1 – Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. / Е. Н. Полякова. Пермь: Ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та, 2010.
- Смирнов И. Н. Духовное творчество пермяков // Известия общества археологии, истории и этнографии при Импер. Казанском ун-те. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 2. – 289 с.
- СРГСУ-Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- СРНГ 4 – Словарь русских народных говоров / Под. ред. Ф. П. Сороколетова, Ф. П. Филина. Выпуск 4. В–Военки. Л.: Изд-во «Наука», 1969. 356 с.
- Янович В. М. Пермяки. Этнографический очерк / Оттиск из журнала «Живая старина». СПб.: Типография МВД, 1903. 122 с.

A. V. Grotova-Garina

Engineer of Theoretical and Applied Department
Perm State University

Yu. A. Shkuratok

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Associate Professor of Theoretical and Applied Department
Perm State University

KOMI-PERMYAK VEZHLYVECH/VEZHLYVETS: HISTORY AND SEMANTICS

The article describes the history of the Komi-Permyak name of the sorcerer vzhlivech/vezhlivets and changes in semantics.

Key words: Komi-Permyak language, vzhlivech/vezhlivets, wizard.

Пигалева Мария Владиславовна,
ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
pigaleva-m@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ КОНЦЕПТ «ИСКУССТВО», В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются прецедентные феномены, выявленные в результате ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «искусство». Информантами выступили русские студенты. Эксперимент демонстрирует репрезентацию искусства в русской языковой картине мира, а также отображает определенные закономерности в формировании ассоциаций на стимул «искусство».

Ключевые слова: искусство; прецедентный феномен; языковая картина мира; ассоциативный эксперимент.

Современная антропоцентрическая парадигма обуславливает в лингвистике интерес исследователей к взаимосвязи языка и культуры и, следовательно, к языковой картине мира. В изучении картины мира язык принимает участие в нескольких важных процессах, и, прежде всего, это сохранение и распространение знания об окружающей действительности: полученные отдельными индивидами сведения о мире становятся частью коллективного опыта.

«Языковая картина мира лингво- и этноспецифична, т.е. отражает особый статус мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от других языков» [Апресян 2006: 35]. Реконструкция языковой картины мира представляется важной задачей лингвистической семантики. Как и язык, искусство является неотъемлемым компонентом культуры, в котором находят свое воплощение национальные особенности народа. В связи с этим концепт «искусство» представляется одним из наиболее значимых в любой из языковых картин мира. В данном исследовании мы обратимся к одной из частей лексико-семантического поля «Искусство», представленной прецедентными феноменами на русском языке.

Искусство возникло на ранних этапах развития общества, отделившись от практической деятельности, и в настоящее время оно рассматривается как важный инструмент познания мира и средство духов-

ного развития людей. Специфической чертой искусства является его неили надутилитарный характер. В Философском энциклопедическом словаре представлено следующее определение искусства: «первоначальное обозначение всякого мастерства более высокого и особого сорта (“искусство мышления”, “искусство ведения войны”); в общепринятом специальном смысле – обозначение мастерства в эстетическом плане и созданных благодаря ему произведений – произведений искусства, которые отличаются, с одной стороны, от творений природы (понятийная пара: искусственный – естественный), с другой – от произведений науки, ремесла, техники, причем границы между этими областями человеческой деятельности очень нечетки, так как в величайших достижениях в этих областях участвуют также и силы искусства» [Философский энциклопедический словарь 2010]. Таким образом, в этом определении зафиксированы важные для понимания феномена искусства значения: искусство как мастерство и искусство как создание культурных артефактов, отличных от творений природы или технических устройств.

С семиотической точки зрения, искусство – это специфический язык, созданный для передачи художественно-эстетической информации; в культурологии оно рассматривается как элемент культуры. Фиксирование значимой информации происходит с помощью текстов. При изучении культуры понятие текста меняется: «сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный» [Лотман 1992: 132]. Так, можно говорить о том, что любое произведение искусства (танец, скульптура, картина) – это текст, получивший неязыковое выражение и подлежащий интерпретации. Важным свойством текста является интертекстуальность, которая понимается как «текстовая категория, отражающая соотношенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [Стилистический энциклопедический словарь 2011: 104]. Для подобных текстов, известных широкому кругу лиц и отражающих определенным образом языковое сознание носителей разных культур, существует специальный термин – прецедентные феномены.

Прецедентные феномены представляют особую лингвистическую ценность для анализа картины мира. Это тексты, известные широкому кругу лиц и отражающие определенным образом языковое сознание носителей разных культур. К неотъемлемым свойствам прецедентных феноменов относятся узнаваемость, постоянная воспроизводимость в речи и актуальность в сознании носителей языка. Мы опираемся на работы московской лингвокультурологической школы, и, в частности, на иссле-

дования В.В. Красных, в которых предлагается следующая классификация прецедентных феноменов:

- **прецедентный текст**, рассматриваемый как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности (произведения художественной литературы, тексты песен, реклам и т. д.), сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Захаренко и др. 1997: 83];

- **прецедентная ситуация** – «эталонная ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в коммуникативную базу» [там же: 83];

- **прецедентное высказывание** – «законченная самодостаточная речевая единица, сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу» [там же: 83];

- **прецедентное имя** – индивидуальное имя, связанное с широко известными текстами, которые чаще всего относятся к прецедентным (Обломов, Хлестаков и т. д.); это сложный знак, при употреблении которого имеется в виду не столько упоминаемое имя или явление, сколько набор признаков, характерных для данного прецедентного имени [там же: 83].

Указанные типы прецедентных феноменов делятся на вербальные и вербализуемые (т. е. поддающиеся словесному выражению). К первому типу относятся прецедентные имя и высказывание, ко второму – прецедентные ситуация и текст.

Материал для исследования был собран путем проведения цепочечного ассоциативного эксперимента с множественным количеством реакций, в котором участникам предлагалось написать не менее 30 ассоциаций на слово-стимул «искусство». В качестве информантов выступило 20 русских студентов, в настоящий момент обучающихся в Пермском государственном национальном исследовательском университете по программам бакалавриата. Информанты были сбалансированы по полу (мужчины и женщины) и возрасту (от 18 до 25 лет). Принципиальным условием было владение информантами одним или более иностранным языком на уровне не выше среднего: исходя из положения, что изучение иностранного языка приравнивается к новой точке зрения в прежнем миропонимании, мы полагаем, что владение иностранным языком не на продвинутом уровне в меньшей степени нивелирует национальные особенности восприятия картины мира. В результате ассоциативного эксперимента было получено 602 реакции на русском языке, 17 из которых представляют собой прецедентные феномены. Таким образом, прецедентные феномены составляют у русских информантов только около 3% всех реакций.

Полученные прецедентные феномены были разбиты по типам. Самой многочисленной оказалась группа «Прецедентные имена» является и включает в себя 13 разнообразных реакций, называющих не только деятелей искусства, но и произведения и даже культурные объекты.

В реакциях информантов были названы следующие персоналии: *Айвазовский* (2 ед.), *Микеланджело*, *Леонардо да Винчи*, *Винсент ван Гог*, *Бродский*, *Иоганн Себастьян Бах*. Большинство из указанных деятелей искусства – художники с мировым именем, представляющие эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.), русское и нидерландское искусство XIX в. Творчество всех названных деятелей культуры изучается в рамках освоения школьной программы предметов гуманитарного профиля: мировой художественной культуры, музыки, истории. Стоит отметить, что упоминание информантами В. ван Гога и И.А. Бродского отражает современную моду на их творчество: постимпрессионистские произведения Винсента ван Гога до сих пор привлекают внимание дизайнеров, а фразы из стихотворений И.А. Бродского становятся прецедентными высказываниями (в частности, цитата «не выходи из комнаты, не совершай ошибку», получившая популярность в социальной сети «ВКонтакте»).

Следом за реакцией *Леонардо да Винчи* информант указывает реакцию *Мона Лиза*, обозначающую самое известное произведение Леонарда да Винчи. Это название произведения, связанное, очевидно, с именем художника, а не со словом-стимулом *искусство*. Другим прецедентным именем, называющим на этот раз литературное произведение, является реакция *этюд в белых тонах*. Это произведение принадлежит перу Н. Блейка (написано в 1949 г.). Название несет в себе отсылку к «Этюду в багровых тонах» А. Конан-Дойля, однако с указанным произведением его связывает лишь принадлежность к детективному жанру. Мы не причисляем данную реакцию к прецедентным текстам, т.к. последние обладают широкой известностью и часто воспроизводятся, в то время как «Этюд в белых тонах» известен только любителям детективного жанра.

Кроме деятелей искусства и их произведений, одним из информантов последовательно указываются известные музеи мира: *Лувр*, *Эрмитаж*, *Третьяковка* (Третьяковская галерея). Если рассмотреть данные реакции в цепи ответов информанта, то можно отметить активацию ассоциативной цепочки «искусство – субъекты и объекты искусства – места хранения объектов искусства»: *картины, творчество, художники, галерея, музеи, скульптуры, живопись, классика, духовность, Лувр, Эрмитаж, Третьяковка*. Таким образом, в ответе информанта выделяется категория «место хранения произведений искусства», которая после уточняется конкретными примерами музеев.

Обратимся к указанным прецедентным высказываниям и ситуациям. Все прецедентные высказывания указаны одним информантом: *Vita brevis, Ars longa; Дьявол кроется в мелочах*. Стоит отметить, что одно из прецедентных высказываний представляет собой крылатую латинскую фразу *жизнь коротка, искусствоечно*, которая противопоставляет постоянно воспроизводящее себя искусство непродолжительной человеческой жизни. Перевод этой фразы делает ее одной из наиболее воспроизводимых носителями русского языка по отношению к искусству. Написание реакции на иностранном языке дает основания полагать, что изначально фраза была усвоена информантом на латыни, что вновь связывается нами с учебной программой высшего образования, в которой присутствует изучение латыни и, в частности, крылатых латинских выражений в оригинале.

Как и предыдущее высказывание, выражение *Дьявол кроется в мелочах* имеет иностранное происхождение. Это идиоматическое выражение происходит от английского *Devil is in the detail* и говорит о важности даже самых незначительных деталей, которые могут иметь самые серьезные последствия. Значение этого выражения отсылает нас к пониманию искусства как мастерства, что, как было указано ранее, характерно для носителей русского языка.

К прецедентным ситуациям мы относим последовательно идущие реакции *Италия* и *Возрождение*. Они дополняют друг друга: известно, что именно Италия явила миру гениальных живописцев и шедевры изобразительного искусства, а расцвет итальянского изобразительного искусства, пришедшийся на XIV–XVI вв., именуется эпохой Возрождения. Возрождение характеризуется тенденцией к антропоцентризму: признавалось, что именно человеку принадлежит умение «выбирать прекраснейшие образцы из бесчисленнейших сокровищниц природы» [Петкова 2008: 87], а идеальные пропорции – это пропорции человеческого тела. В это время работают такие творцы как Леонардо да Винчи и Микеланджело, которые также были упомянуты в реакциях информантов. В эпоху Возрождения разрабатывается теория различных видов искусства, положения которой представлены в таких произведениях как «Трактат о живописи» Леонардо да Винчи, «Десяти книгах о зодчестве» Л.Б. Альберти и многих других. Именно в связи с этими причинами искусство прочно ассоциируется с Возрождением и его родиной – Италией.

Лингвокогнитивный анализ реакций русских информантов показал, что среди прецедентных феноменов, названных русскими информантами, встретилось только четыре, связанных с русской культурой и искусством. Это составляет менее четверти всех реакций. Остальные

прецедентные феномены – это реалии европейского искусства. Ни американские, ни азиатские реалии искусства никак не представлены в реакциях информантов. Подавляющее большинство прецедентных феноменов представлено прецедентными именами, т.е. являются вербальными. Анализ других реакций показывает, что для русских информантов характерно восприятие искусства искусства через образы природы (реакции *звездное небо; мерная река*), деятеля искусства и его инструментов (*кисть; краски; поэт; художник*), а также через собственную интерпретацию искусства как потребности души (*самовыражение; отражение действительности; самопознание*).

Библиографический список

Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997 Вып. 1. С. 82–103

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: «Александра», 1992. 478 с.

Петкова С.М. Эстетика / Рост. гос. ун-т путей сообщения. Ростов-н/Д, 2008. 163 с.

СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophydic.ru> (дата обращения: 03.06.2019)

Эренгросс Б.А., Апресян Р.Г., Ботвинник Е.А. Культурология. М.: Оникс, 2006. 480 с.

Pigaleva Mariia,

Lecturer of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

PRECEDENT PHENOMENA REPRESENTING THE CONCEPT OF "ART" IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLD-IMAGE

The article discusses precedent phenomena identified as a result of associative experiment with the stimulus word “art”. Informants were Russian students. The experiment demonstrates the representation of art in the Russian linguistic world-image, and also reflects certain patterns in the formation of associations on the stimulus word “art”.

Key words: art; precedent phenomena; linguistic world-image; associative experiment.

Пономарев Николай Филиппович
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
aprioripr@gmail.com

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

В статье предлагается объяснение фейковых новостей как относительного нового и специфического феномена медиасферы в постмодернистскую эпоху культурной конвергенции. Дается несколько дефиниций фейковых новостей как современных политических артефактов, конструируемых и распространяемых акторами в тесной кооперации с влиятельными медиа-агентами в рамках т.н. *обманных коммуникаций*. Устанавливается генетическая и инструментальная связь фейков с контекстами и феноменами т.н. *постправды*, выявляются базовые когнитивные факторы и основные социополитические последствия распространения фейковых новостей, а также анализируются возможные варианты коммуникативного противодействия фейковым медианарративам в информационной войне.

Ключевые слова: постправда, фейковые новости, медиасфера, меморатив, медианарратив, каузальные истории, медиаграмотность.

Повсеместная *социальная медиатизация* [Hjarvard 2008], поощряемая влиятельными акторами и осуществляемая профессиональными медиа-агентами, превратила *медиасферу* из репрезентации объективной реальности в коллективный эмпирико-фикциональный мир, который воспринимается и оценивается индивидами как подлинная реальность за пределами «ближнего круга». Эта медиасфера населена медиа-агентами и медиа-юзерами, которые в несимметричных взаимодействиях порождают медиасобытия, неотличимые от действий и происшествий в (еще) не медиатизированной социальной реальности.

Экспансия социальных сетей и всенародная доступность интернета породили иллюзию первичности медиа-образов социальных феноменов, которые в публичной коммуникации на сути конструируются медиа-агентами по поручению конкретных акторов и *дискурсивных коалиций* [Hajer 1993]. В результате формируются массовые знания и убеждения, которые слабо соотносятся с юридически установленными фактами или даже противоречат коллективным свидетельствам, что неизбежно обостряет социально-политические конфликты. Речь идет о регулярных и управляемых эпидемиях «фейковых новостей» как методах информационной войны в эпоху трансмедийных коммуникаций.

Фейковые новости (далее «фейки») – это медиапродукты в формате новостной журналистики, но с неопределенным истинностным значением, которые конструируются влиятельными акторами и распространяются влиятельными медиа-агентами для достижения политических или коммерческих целей, легитимируются авторитетными новостными медиа и воспринимаются целевыми группами как достоверные новости из надежных источников.

Фейки как стратегические медиапродукты создаются политтехнологами, пиарщиками и маркетологами, первоначально распространяются журналистами в формате достоверных новостей со ссылкой на надежные источники, далее медиа-агентами в развлекательном формате (со ссылкой на «авторитетные издания»), потом комментируются блогерами в социальных сетях в формате *мемористики* (компактных медиапродуктов вроде демотиваторов, вайнов, стрипов, гифок) и с течением времени превращаются в стихийные трансмедийные *меморативы* (нарративы из мемов), которые предъявляются широкой общественности как *убедительные* доказательства адекватности принимаемых акторами политических решений (см. «Дело Скрипалей» и последующие антироссийские санкции): «Представления, которые мы обретаем из фейковых новостей, играют примерно такую же роль в дальнейшем познании, что и ложные убеждения... Фейковые новости создаются совместимыми с тем, что мы знаем о реальном мире: они касаются реальных людей, часто действующих в соответствии с их реальными мотивациями и вполне возможным образом» [Levy 2017: 27].

Фейки – это маркетинговые или пропагандистские медиапродукты, которые по форме (жанру, композиции, стилистике) похожи на «жесткие новости», воспринимаются и ретранслируются медиа-агентами (журналистами и блогерами) как *подлинные* новости, но на самом деле создаются акторами-инициаторами в своих интересах для введения в заблуждение широкой общественности (и даже стейкхолдеров), являясь сплавом неверной информации, ложной информации и правды: «Одна из основных решаемых задач [фейковых новостей] – создание “управляемой реальности” через формирование симулированной действительности и озвучивание или доведение до логического конца интенций официального политического дискурса, по тем или иным причинам *не могущим* быть представленным публично» [Негров 2017: 154].

Рядовые потребители или избиратели получают фейки либо напрямую из *авторитетных* новостных медиа, либо через шеринг в социальных сетях, поэтому воспринимают их как правдивые (*свидетельские*) показания, которые не надо перепроверять, поскольку они снабжены (якобы) неопровержимыми уликами: «Улики – это обстоятельства, кото-

рые лишь в известной совокупности, связанные между собою цепью умозаключений и логикой фактов, могут составить доказательство. Это отдельные кусочки, разноцветные камушки, сами по себе не имеющие ни ценности, ни значения и только в руках опытного и добросовестного мастера связанные крепким цементом мышления, образующие более или менее ценную картину» [Кони 1896: 167].

Фейки – это эпизоды *продленного* стратегического медианарратива в жанре докудрамы (как сочетания фактов и вымыслов) о *реальных* субъектах («Белые каски» в Сирии) и/или проблемах («Победа Трампа» в США), который *наследует* достоверность от общепризнанных публичных предысторий, включая прижившиеся в медиасфере фейковые нарративы. Фейки как «правые истории» [Colbert 2005] не нуждаются в каких-либо доказательствах или свидетельствах своей истинности, поскольку транслируются надежными медиа-агентами, соответствуют мировоззрениям конкретных групп медиа-юзеров и обладают внутренней целостностью (чаще всего сюжетной связностью).

Лавинообразное распространение фейков объясняется энергичными усилиями узкого круга эгоистичных и корыстных акторов, которые эффективно эксплуатируют постмодернистские «режимы постправды» [Harsin 2015], пришедшие на смену модернистским «режимам истины» как процедурам конструирования и распознавания истинных и ложных высказываний: «Истина и не за пределами власти, и не без власти... Истина – дитя мира сего, она производится в нём благодаря множеству правил и ограничений. В нём она хранит упорядоченные воздействия власти» [Фуко 2002: 206]. Истина как ставка в идеологической борьбе производится в уполномоченных социальных институтах и распространяется в интересах и под контролем крупных политических и экономических акторов. Постмодернистский дискурс отвергает существование политически нейтральных аффективно-когнитивных координат для истинностной оценки знания [McIntyre 2018]. «Мы выработали новый закрытый дискурс посредством образов/симуляций, играющих роль действительности, и тем самым, по сути, отказались от открытого поиска исторической точности... Образ созданного события сам себе придает достоверность. Реальность – это не то, что на самом деле случилось, но то, что воспринимается как случившееся» [Уиллок 2005: 25, 33].

Медиа-агенты по поручению влиятельных акторов конкурируют друг с другом за то, чтобы навязать медиа-юзерам *правильные* знания / убеждения / мнения и побудить соответствующих граждан / потребителей к принятию существующего положения дел, к вере в непогрешимых «арбитров истины» на конкретном «рынке правды» и к социальной мобилизации / демобилизации: «Не существует никакого авторитетного

[для всех] Разоблачителя... Правда [всё равно] остается прикованной к власти, но господство “режимов истины” теперь требует народного внимания и участия в его дискурсивных играх, а не просто приверженности его продуктам» [Harsin 2015]. Когнитивный параметр «правдивость/истинность» замещается прагматическим параметром «выгодность/прибыльность» и маркетинговым параметром «заметность/привлекательность».

Многочисленные «режимы постправды» существуют в парадигме постправды, социокультурная экспансия которой обусловлена не только расширением и углублением культурной конвергенции (в частности, рекреатизации [Пономарев 2017], нарративизации и селебритизации [Пономарев 2018]) и технологических трансформаций в публичной коммуникации, но и падением общественного доверия к традиционным институтам-арбитрам истины (включая науку и власть).

Маркетизация [Ebner 2015] как всеобщая реконструкция всей социальной жизни на рыночной основе, или превращение ранее нерыночных артефактов и действий в потребительские товары и услуги (например, политических программ и социальных движений), а также модификация технологий инструментальной деятельности для оптимизации ее маркетингового сопровождения (продакт плейсмент, рекламизация игр, пиаризация новостной журналистики и т.п.), породили «промокультуру» [Wernick 1991], в которой акторы эксплуатируют публичный дискурс не столько для выявления общественных приоритетов, сколько для достижения собственных стратегических целей. Разработка концепции и дизайна потребительских товаров, культурных артефактов, политических курсов и даже новостных медиапродуктов априори подстраиваются под их (неизбежное) будущее продвижение. В результате тотальная маркетизация привела к существенным негативным последствиям для социальных взаимодействий в целом: «Мы, конечно, все постоянно подвергаемся маркетинговому дискурсу, что порождает серьезную проблему доверия: учитывая, что значительная часть нашей дискурсивной среды характеризуется более или менее явным *промо-намерением*, как мы можем с уверенностью знать, что является искренним?» [Fairclough 1995: 139].

Постправда как социокультурный *контекст* – это «некая особая квазиреальная среда, благоприятная для... ‘псевдоновостей’, как чашка Петри с бульоном агар-агара, в котором активно размножаются болезнетворные бактерии» [Чугров 2017: 45].

Постправда как социально-психологический *феномен* – это «деформированное и стереотипизированное состояние сознания, в котором стереотипы уже оторвались от реальных образов» [Чугров 2017: 46].

Постправда – это транзит от *объективной* репрезентации реальности к автономной реальности симулякров [Бодрийяр 2015].

Постправда как коммуникативная *стратегия* представляет собой отбор социальных и медиафеноменов, которые подкрепляют позицию актора, и игнорирование феноменов, которые ее оспаривают.

Постправда как культурный *артефакт* – это пристрастная как-бы правда, представленная аудитории в эмоциональных, зрелищных, развлекательных формах, которые сильнее влияют на общественное мнение и активнее подталкивают индивидов к ретрансляции, чем предъявленные факты и доказательства. Фейковые новости – это манифестация постправды в медиасфере.

В *парадигме* постправды размыты границы между фактами, мнениями и вымыслом, и, соответственно, отсутствуют *общепризнанные* критерии истинности, что разрушает базовые демократические процедуры, усиливает социальное отчуждение, подрывает доверие граждан к власти и журналистике: «Фейковые новости обесценивают и подрывают легитимность голоса компетентных и авторитетных институтов, и [даже] саму идею [существования] объективных данных, что в совокупности подрывает способность общества участвовать в рациональном дискурсе, основанном на общих фактах... Распространение ложной информации дискредитирует [сами же] точные и достоверные источники [фейков]» [Baron, Crootof 2017].

Новостные медиа, политики и корпорации как главные *агенты постправды* [Harsin 2015] адаптируются к требованиям «экономики внимания», ориентированной на усиление и удержание *любой ценой* «видимости» (visuality) продукта для потребителя: «В мире, богатом информацией, богатство информации означает недостаток чего-то другого: дефицит всего, что потребляет эта информация. То, что потребляет информация, довольно очевидно: она поглощает внимание реципиентов. Следовательно, богатство информации создает бедность внимания и необходимость эффективно распределять это внимание среди переизбытка источников информации, которые могут ее потреблять» [Simon 1971: 40–41].

Фейки одновременно мимикрируют под медиапродукты новостных медиа (и оцениваются аудиторией как правдивые / ложные) и под медиапродукты социальных сетей (и оцениваются медиа-юзерами как интересные / скучные). Эта сущностная двойственность объясняет особый статус фейков как риторических медиапродуктов в формате увлекательных новостей, которые правдоподобно подтверждают выгодные для конкретных акторов мессиджи и быстро распространяются в медиасфере за счет републикаций и шеринга. Следовательно, фейки вписываются в

вирусный маркетинг, где главное – «прилипчивость» медиапродукта (интертекстуальность, эмоциональность, аномальность и т.п.) [Jenkins, Ford, Green 2013].

Фабрикация фейков – это компонент «обманной коммуникации» [Miller, Stiff 1993]. Обмануть значит *намеренно* предъявить жертве *ложные* (как считает обманщик) свидетельства, чтобы побудить жертву *самостоятельно* прийти к нужному выводу и *добровольно* принять *ложное* (как считает обманщик) убеждение в интересах обманщика [Fuller 1976]. На практике в *когнитивно-интенциональном* аспекте коммуникация разбивается как минимум на десять прототипических кластеров: «преднамеренный обман для достижения собственных целей» (дезинформация/ложь) (1); «преднамеренное введение в заблуждение» (2); блеф (3); «наглая ложь» (4); розыгрыши (5); шутки (6); «безответственная болтовня» (7); «невинный обман» (искреннее заблуждение) (8); «искренняя и правдивая коммуникация для достижения собственных целей» (убеждение) (9); «искренний и правдивый диалог» («идеальная речевая ситуация», просвещение) (10).

Атрибуция конкретной коммуникации как просвещения или убеждения или пропаганды или обмана зависит скорее от установки наблюдателя по отношению к актору или ситуации, а также от способностей, склонностей и настроения адресата, чем от намерений актора. Обман требует от актора дополнительных когнитивных и психологических ресурсов [Buller, Burgoon 1994], поэтому при прочих равных условиях акторы предпочитают быть искренними и правдивыми, поскольку эффективность публичной риторики зависит не от силы аргументов, а от силы впечатлений. Публичные акторы, чтобы избежать обвинений в пристрастном подборе фактов, предпочитают мультимодальный сторителлинг и энтимематическую коммуникацию с *подразумеваемыми* предпосылками навязываемых умозаключений. Чем многозначнее и уклончивее «пустословие» [Harsin 2018], тем легче актерам адаптировать свои прежние суждения к новым социальным ситуациям.

Неотличимость фейков от традиционных увлекательных новостей подталкивает индивидов к «периферийной стратегии» [Petty, Cacioppo 1981], которая позволяет экономить когнитивные усилия: «Люди обрабатывают информацию быстро, потому что новая медиа-экология, рыночный контекст, профессиональная коммерческая и политическая коммуникация и особенно социальные сети [как феномены]... настроены на мгновенность, эмоции и скорее горячее, чем медленное / холодное познание» [Harsin 2010: 29].

Индивиды нуждаются в простых причинно-следственных объяснениях сложных социальных феноменов и принимают как истинную са-

мую убедительную «каузальную историю» [Stone 1988]: «Точная версия событий часто сложнее и скучнее, чем убедительный ложный нарратив» [Marwick, Lewis 2017: 38]. Более того, при оценке дальнейших событий индивиды придерживаются усвоенной «логики истории» [Czarniawska 1997] при прогнозировании и оценке дальнейших событий (эффект «продленного влияния» [Rich, Zaragoza 2016]).

Чем же объясняется доверие аудитории к фейковым новостям?

Во-первых, индивиды первоначально оценивают любые сообщения как истинные, пока не столкнутся с противоречием или опровержением: «Мы действуем в мире, где важно быстро реагировать на ситуации, и точность этой реакции обычно не самое главное. В результате человеческие когнитивные системы развились, чтобы обращаться с любыми презентациями так, как будто они истинные, кроме случаев, когда есть доказательство противоположного» [Mantovani 1995: 680].

Во-вторых, неверие и отвержение вторичны по отношению к пониманию, вере и согласию [Gilbert 1991]: «Сомнение, воздержание от суждения и приостановка неверия представляются более поздними и более сложными, чем полностью нерефлектируемое согласие» [Russell 1921: 174]. Для «приостановки веры» [Hasson, Simmons, Todorov 2005] требуются дополнительные когнитивные усилия, что противоречит установке медиа-юзеров на беспрестанную и беззаботную навигацию в медиасфере: «Чтобы избежать этого согласия по умолчанию, требуются дополнительные мотивирующие и познавательные ресурсы: если тема не очень важна для вас или у вас есть другие мысли, неверная информация, скорее всего, проскочит [в ум]» [Lewandowsky et al 2012: 112].

В-третьих, индивиды рассчитывают на соблюдение медиа-агентами принципов «кооперативной коммуникации» [Грайс 1975] и «релевантности» [Sperber, Wilson 1986], согласно которым все участники *нормальной* коммуникации предпочитают быть правдивым, уместным и понятными.

Магистральным направлением нейтрализации пагубного общественного влияния фейковых новостей считается повсеместное обучение граждан т.н. *медиаграмотности* [Aufderheide 1992] как совокупности знаний, навыков и умений, которые позволяют гражданам уверенно распознавать в новостях предвзятость и манипуляции. Однако реализация такого рода учебно-просветительских проектов в массовых масштабах наталкивается на затаенное сопротивление влиятельных акторов и корпораций, которые по той или иной причине *жизненно* заинтересованы в генерации привлекательного медиаконтента с любым истинностным значением: «Технологические платформы, на которых циркулируют фейковые новости, зависят от рекламодателей, предпочитающих попу-

лярный и привлекательный контент, который легко шерится. Такой контент не отличается ни достоверностью, ни убедительностью, ни общественной значимостью, постольку не эти критерии влияют на число лайков, ретвитов и репостов» [Moore 2016].

Фейковые новости используются преимущественно глобальными акторами, которые фактически контролируют влиятельные и/или популярные медиаресурсы. Ресурсное превосходство позволяет ограничивать доступ в медиасферу политическим «контр-историям» [Solórzano, Yosso 2002]. У конкурента как как жертвы не остается никаких других возможностей кроме попыток опровержения контраргументами или собственными интерпретациями. Даже если версия конкурента ближе к истине и проще для понимания, аудитория предпочтет уже популярную медиа-историю: «Просто сказать людям, что их история событий неправоверна, редко приводит к успеху, поскольку часто существует сильная эмоциональная привязанность к описанию, которое защищается от таких фронтальных атак» [Ross, Tomlinson 2011].

Публичное опровержение предполагает неоднократное повторение уже *усвоенной и принятой* медиа-истории, что наоборот укрепляет веру аудитории в ее истинность, поскольку активизирует эффект «социального доказательства»: «В самом прямом смысле единственный голос, который без конца повторяется, может звучать как хор» [Johnson, Seifert 1994: 131]. Более того: «Когда люди получают информацию, которая противоречит их убеждениям, они скорее укрепятся в своих первоначальных мнениях, чем изменят их» [Marwick, Lewis 2017: 38]. В любом случае «исправление не удаляет неверную информацию, но скорее неверная информация и исправление *сосуществуют* в памяти» [Lazer et al 2018: 63].

В результате единственной реалистичной стратегией борьбы с фейковыми новостями признаются противоречащие свободе слова юридические запреты и технологические ограничения, что с горечью признают разработчики «Программы противодействия вмешательству русских в избирательные кампании в странах НАТО»: «Всё что угодно, начиная с агрессивного навязывания условий соглашений с интернет-провайдерами и социальными медиа о получении услуг до электронных войн или операций в кибер-пространстве, могло бы уменьшить объем и влияние русской пропаганды» [Paul, Matthews 2016: 11].

Библиографический список

Бодрийяр Ж. Имплотия смысла в средствах информации // Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 109-119.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.

Кони А.Ф. За последние годы: Судебные речи (1888–1896). Воспоминания и сообщения. Юридические заметки. СПб., 1896.

Негров Е.О. Фейк как системообразующий признак политического дискурса: трансформация основных трансляторов // Политика постправды в современном мире. Сб. матер. по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» 22–23 сентября 2017 года / ред. О.В. Попова. СПб., 2017. С. 151–154.

Пономарев Н.Ф. Рекреатизация журналистики и политики // Сб. статей VII Международной научно-практической конференции «World science: problems and innovations». Пенза, 28 февраля 2017. С. 345–347. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28762805> ISBB 978-5-9909727-0-4 (дата обращения: 22.07.2019)

Пономарев Н.Ф. Селебритизация: дивергенция и конвергенция // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2018. №5 (21). [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://alley-science.ru/domains_data/files/364May20183/SELEBRITIZACIYa%20%20DIVERGENCIYa%20I%20KONVERGENCIYa.pdf (дата обращения: 22.07.2019)

Уиллок Д.Э. Реальность как предмет переговоров: хаотические аттракторы нашего понимания // Массовая культура: современные западные исследования / отв. ред. В.В. Зверева. М., 2005. С. 20–41.

Фуко М. Политическая функция интеллектуала // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М., 2002. С. 201–209.

Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.

Aufderheide P. Media literacy. A report of the National Leadership Conference on Media Literacy. The Aspen Institute Wye Center Queenstown, Maryland. December 7–9, 1992.

Baron S., Crotoof R. Fighting fake news. Workshop report. The information society project. Yale Law School and the Floyd Abrams. March 7, 2017.

Buller D.B., Burgoon J.K. Deception: Strategic and nonstrategic communication // Strategic interpersonal communication / ed. J.A. Daly, J.M. Wiemann. Hillsdale: Erlbaum, 1994. P. 191–223.

Colbert S. The Colbert Report: The word – truthiness'. Episode 1. 17 October 2005. <http://www.comedycentral.com.au/throwbacks/videos/the-colbert-report-the-very-first-episode-clips#first-show> (дата обращения: 22.07.2019)

Czarniawska B. Narrating the organization. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Ebner A. Marketization: Theoretical reflections building on the perspectives of Polanyi and Habermas // Review of political economy. 2015. Vol. 27 (3). P. 369–389.

Fairclough N.L. Critical discourse analysis: The critical study of language. N.Y.: Longman, 1995.

Fuller G. Other-deception // The Southwestern journal of philosophy. 1976. Vol. 7. P. 21–31.

Gilbert D.T. How mental systems believe // American psychologist. 1991. Vol. 46 (2). P. 107–119.

Hajer M.A. Discourse coalitions and the institutionalization of practice: The case of acid rain in Britain // *The Argumentative turn in policy analysis and planning* / ed. F. Fischer, J. Forester. Durham: Duke University Press, 1993. P. 43–76.

Harsin J. Post-truth and critical communication // *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. August 2018. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-757> (дата обращения: 22.07.2019)

Harsin J. Regimes of posttruth, postpolitics, and attention economies // *Communication, culture and critique*. 2015. Vol. 8 (2). P. 327–333.

Harsin J. That's democrataintment: Обама, rumor bombs, and primary definers // *Flow*. 2010. Vol. 13 (1). [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://flowtv.org/2010/10/thats-democrataintment> (дата обращения: 22.07.2019)

Hasson U., Simmons J.P., Todorov A. Believe it or not: On the possibility of suspending belief // *Psychological science*. 2005. Vol. 16. P. 566–571.

Hjarvard S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change // *Nordicom review*. 2008. Vol. 29 (2). P.105–134. Jenkins H., Ford S., Green J. *Spreadable media: Creating value and meaning in a networked culture*. N.Y.: New York University Press, 2013.

Johnson H.M., Seifert C.M. Sources of the continued influence effect: When misinformation in memory affects later inferences // *Journal of experimental psychology: Learning, memory, and cognition*. 1994. Vol. 20 (6). P. 1420–1436.

Lazer D.M.J., Baum M.A., Benkler Y., Berinsky A.J., Greenhill K.M., Menczer F., Metzger M.J., Nyhan B., Pennycook G., Rothschild D., Schudson M., Sloman S.A., Sunstein C.R., Thorson E.A., Watts D.J., Zittrain J.L. The science of fake news. Addressing fake news requires a multidisciplinary effort // *Science*. 2018. Vol. 359. P. 1094–1096.

Levy N. The bad news about fake news // *Social epistemology review and reply collective*. 2017. Vol. 6 (8). P. 20–36.

Lewandowsky S., Ecker U.K., Seifert C.M., Schwarz N., Cook J. Misinformation and its correction continued influence and successful debiasing // *Psychological science in the public interest*. 2012. Vol. 13 (3). P. 106–131.

Mantovani G. Virtual reality as a communication environment: Consensual hallucination, fiction, and possible selves // *Human relations*. 1995. Vol. 48 (6). P. 669–683.

Marwick A.E., Lewis R. *Media manipulation and disinformation online*. N.Y.: Data and society research institute, 2017.

McIntyre L. *Post-truth*. Cambridge: The MIT Press, 2018.

Miller G.R., Stiff J.B. *Deceptive communication*. Newbury Park: SAGE, 1993.

Moore M. *Inquiry into fake news*. London: Centre for the Study of Media, Communication and Power, 2016.

Paul C., Matthews M. *The Russian “firehose of falsehood” propaganda model: Why it might work and options to counter it*. Santa Monica: RAND Corporation, 2016.

Petty R.E., Cacioppo J.T. *Attitudes and persuasion: Classic and contemporary approaches*. Dubuque: William C. Brown, 1981.

Rich P.R., Zaragoza M.S. The continued influence of implied and explicitly stated misinformation // *Journal of experimental psychology: Learning, memory, and cognition*. 2016. Vol. 42 (1). P. 62–74.

Ross J., Tomlinson B. Negabehaviors and environmental sustainability // *Journal of Sustainability Education*. 2011. Vol. 2. [Электронный ресурс] Режим доступа URL:

<http://www.ics.uci.edu/~jwross/pubs/RossTomlinson-JSE2011-Negabehaviors.pdf> (дата обращения: 22.07.2019)

Russell B. The analysis of mind. London: George Allen and Unwin, 1921.

Simon H.A. Designing organizations for an information-rich world // Computers, communication, and the public interest / ed. M. Greenberger, Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1971. P. 38–52.

Solórzano D.G., Yosso T.J. Critical race methodology: Counter-storytelling as an analytical framework for education research // Qualitative inquiry. 2002. Vol 8 (1). P. 23–44.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. Cambridge: Harvard University Press, 1986.

Stone D.A. Policy paradox and political reason: The art of political decision making. N.Y.: W.W. Norton and Company, 1988.

Wernick A. Promotional culture: Advertising, ideology and symbolic expression. London: SAGE Publications, 1991.

N. Ph. Ponomarev

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

FAKE NEWS IN INFORMATION WARFARE

The article offers an explanation of fake news as relatively new and specific phenomena of media sphere in the postmodern era of cultural convergence. Fake news are considered as modern political artifacts, constructed and distributed by actors in close cooperation with influential media agents within the framework of the so-called deceptive communications. The author establishes genetic and instrumental connections of fakes with contexts and phenomena of the so-called post-truth, identifies basic cognitive factors and main sociopolitical consequences of fake news circulation, as well as analyzes variants of communicative opposition to fake media narratives in information warfare.

Key words: post truth, fake news, media sphere, memorative, media narrative, causal stories, media literacy

Русинова Ирина Ивановна
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
irusinova@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ С ГЛАГОЛОМ *ЗНАТЬ* В РУССКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ
(научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах
активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»)*

Работа посвящена структуре и семантике устойчивых сочетаний с глаголом *знать*, которые функционируют в мифологических текстах о колдунах, знахарях. В статье использованы данные Пермского края, для сравнения приводятся материалы других регионов России.

Ключевые слова: синтаксическая модель, глагол *знать*, мифологический текст, русские говоры Пермского края.

В статье рассмотрены структура и семантика устойчивых сочетаний с глаголом *знать*, которые функционируют в мифологических текстах о людях со сверхъестественными свойствами. В работе использованы данные Пермского края, для сравнения приводятся материалы других регионов России.

Глагол *знать* как самостоятельно, так и в составе сочетаний, активно используется в мифологических текстах, которые характеризуют деятельность магических специалистов, в особенности колдунов.

Стоит отметить, что лексические единицы не только с корнем *зна-*, но и с другими корнями, относящимися к интеллектуальной сфере (*вед-, уч-, грамот-, поним-*) вместе составляют большую группу. Часто слова с этими корнями называют или характеризуют человека со сверхъестественными свойствами. Кроме широко известных общерусских слов *ведьма, ведун, знахарь, знахарка*, это и другие лексемы.

Например, прилагательные и причастия *ведущий, грамотный, понимающий* в текстах мифологических рассказов могут получать значение 'обладающий магическими знаниями, умениями и применяющий их обычно для причинения вреда, вызывания болезней (о человеке)': *Вода после обмывания покойника выливалась на улицу, а ведущие люди при-*

бирали (Верх-Кондас Усольского района). Раньше много их было, **грамотных**. Злые колдовством занимались (Токари Очерского района). А вот которые, видимо, **грамотны-те** были старухи, молитвы-те знали, вот они и лечили людей-то (Усть-Зула Юрлинского района). Слушай, а пастух, знаешь, как пасёт, если он **понимаюшый** и **знаюшый**? С каждой коровы берёт с хребта волосинку. Он пасту не буэт, а закатает в тестышко и на иконку поставит на любимую. Он может и всё, пока-тал иё со словами – всё, коровы в стадо пришли. Всё, домой, на место (Камгорт Чердынского района) [ФА]. Есть люди **грамотные**, посмотрят – и у коровы молока не станет (Таволжанка Юрлинского р-на) [СРГКПО: 79].

Такие прилагательные могут использоваться в роли существительных, например, слово **учёный**: *Вот я вам скажу, у нас полдеревни было, портило только, а **учёных-то**, чтоб лечить, тут один да два были, щас-то уже никого нет. А на худое-то тут много было* (Сретенское Ильинского района) [ДА].

В литературном языке глагол **знать** является многозначным. Нас будет интересовать только 1-е значение этого слова. Оно следующее.

Знать. 1. Обладать знанием, пониманием кого-, чего-л., иметь познания в какой-л. области. *Знать живопись. Знать историю*. Однако семантика глагола **знать** не исчерпывается данной дефиницией. Для некоторых, особенно устаревших устойчивых сочетаний, актуальным является значение ‘обладать умением, уметь’: *◇ Знать грамоте устар. Уметь читать и писать; ◇ Знать читать, писать, устар. Уметь читать, писать* [БАС 6: 771].

Далее рассмотрим семантику глагола **знать** в мифологических текстах и диалектных словарях, которые отражают это значение.

Приведем примеры из пермских мифологических текстов: *Ну, вот тётя Галина, тоже она **знает**, с ней большинство-то и не ругаются, боятся, что посадит чертей-то* (Кольчуг Чердынского района). *Он **знал**: и лечил, и присушивал* (Юрич Карагайского района) [ФА].

О.Б. Христофорова в своей монографии «Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России» обращает особое внимание на глаголы **знать** и **делать** в колдовском дискурсе и называет их концептами. Исследовательница подчеркивает, что в литературе существует «тривиальное» суждение о том, что **знать** – это обладать некой тайной информацией, полученной сверхъестественным путем и выделяющей своих обладателей в особую категорию людей (**знатков**, **знающих** и т.п.) [Христофорова 2010: 173]. Действительно, если обратиться к поверьям о чёрной книге, к заговорной традиции, то становится понятно, что такой человек знает особые тексты.

Однако диалектные словари этого содержательного элемента в значении глагола *знать* не отмечают, они делают акцент на практическом применении знаний:

Знать. 4. Уметь колдовать, ворожить; быть знахарем, колдуном. [СРНГ 11: 311]; 1. Уметь лечить с помощью заговоров, наводить и снимать порчу, знаясь с нечистой силой. [СГРС 4: 274]; Уметь ворожить, колдовать [СВГ 3: 174]; 2. Уметь колдовать, ворожить [Селигер 2: 166]; 1. Уметь что-л. делать. 2. Уметь колдовать [СРГНП 1: 283].

Как нам думается, в глаголе *знать* отражается представление о разном типе знания: о знании как информации (знание текстов, представление о структуре обрядов и пр.), знании как умении (оно тренируется, многократно повторяется в действиях), знании как навыке (благодаря многократным повторениям способ действия закрепляется, становится автоматическим).

Поэтому можно предложить примерно такую дефиницию для глагола *знать* – ‘*обладать магическими знаниями, умениями и применять их с разными целями: для причинения вреда или оказания помощи людям*’.

Перейдем к рассмотрению сочетаний, созданных на основе глагола *знать*.

Глагольные словосочетания в русском языке могут быть построены по следующим моделям:

1) глагол + существительное или местоимение (с предлогом или без предлога): *купить хлеба, обратиться к нему*;

2) глагол + инфинитив или деепричастие: *просить приехать, сидеть задумавшись*;

3) глагол + наречие: *поступать правильно, повторять дважды*.

Опираясь на анализ словарной статьи **Знать** «Большого академического словаря русского языка», можно заключить, что в русском языке с глаголом *знать* в 1-м значении возможны все три модели. Но некоторые из них являются устаревшими: *знать* + сущ. в дат. п. без предлога (*знать грамоте*), *знать* + сущ. в предл. п. с предлогом *в* (*знать в математике*), *знать* + инфинитив (*знать писать*) [БАС 6: 771–772].

В мифологических текстах тоже все три общих модели представлены. Разница заключается в том, что, во-первых, конкретных реализаций моделей больше и, во-вторых, они имеют особую семантику в мифологических текстах.

1. Самая распространенная модель – глагол + существительное

Представим разновидности этой модели, прежде всего **знать + сущ в вин. п без предлога.**

1.1. Чаще всего существительное в таких сочетаниях имеет значение ‘магический текст’: *слова (заговоры, молитвы, махлушки, запуки, припуки, икоты): Алексей конюхом был. Он слова знал присушивать и разводит* (Касиб Соликамского района) [ФА]. *Этого мужика колдун не исколдует: он все запуки знает. Я вот как запуку знаю: «Колдун, еретик, ябедник, режь свое тело, пей свою кровь, между нами бог»* (Верхнее Мошево Соликамского района) [СПГ 1: 306]. [А если сглазят корову, то что надо делать?]. *А молитвы знают такие, читать молитвы. Люди знают такие молитвы, лечат старухи-те* (Коэпты Чердынского района) [ДА]. *Вот там одна есь, дак она все мухлушки знает, чё угодно может сделать. С мужиком с моим таскалась, волочилась. Ему всего наговорит, наделат – и он как зверь* (Редикор Чердынского района) [ФА].

Такие сочетания имеют следующее значение: ‘знать тексты заговоров, молитв и уметь применять их для причинения вреда или оказания помощи людям’.

1.2. Очень велика группа сочетаний, в которых существительное в вин. падеже обозначает тот или иной вид нечистой силы, с которой колдун вступает в контакт (*черти, биси, кутьки, леший, окоянный* и т. п.): *Колдуны каких-то бесей знают. Вроде человеку чё-то сделают, и, вроде, человек может умереть. Бесей знают, дак испортят человека* (Гадья Чердынского района). *Колдун чертей знает. Сделает что-нибудь над человеком, так никто вылечить не может* (Лимеж Чердынского района). *Знахарка знает слова, колдунья знает чертей* (Большой Тагьящер Чердынского района). *Кто окаянного знал, тот беда тяжело умирает* (Попова-Останина Соликамского района) [ФА].

Данные сочетания довольно трудно истолковать. Для примера можно привести дефиницию из «Фразеологического словаря русских говоров Низовой Почоры»: *Знать бесей (шишиков, маленьких, лешаков, икот)*. Знаться с нечистой силой, заниматься магией. [ФСРГНП 1: 265].

А в «Большом академическом словаре русского языка» находим следующее толкование: $\diamond$ Знаться с нечистым, нечистой силой и т.п. – это заниматься колдовством, знахарством. [БАС 6: 777]. Если мы переведем сочетание *знаться с...* с литературного языка на диалектный и вставим его в толкование из «Фразеологического словаря русских говоров Низовой Почоры», получим ‘заниматься колдовством, знахарством, заниматься магией’. Из данного толкования совершенно исчезает существенный содержательный компонент значения: носители традиционной культуры подчеркивают, что связь колдуна с нечистой силой реальна, колдун имеет разнообразные контакты с подвластной ему нечистой силой: кормит ее, где-то содержит, она принимает вид различных существ,

он отправляет ее (чаще по ветру) с вредоносной целью или дает ей трудновыполнимую работу. Поэтому, на наш взгляд, в словаре, который отражает взгляды диалектоносителя, можно использовать иное толкование: ‘находясь в контакте с нечистой силой, обладать полученными от нее магическими знаниями и уметь использовать их обычно для причинения вреда, вызывания болезней’.

1.3. Интересным представляется модель **знать + на + сущ в предл. п.**: *У нас вот Педорова в Тюленёвой жила-то, она вот на руках знала, гадала. Всё, чисто всё... знала* (Вятчина Юрл.) [ДА]. Данное сочетание имеет значение ‘уметь гадать на картах’.

1.4. Широко представлены сочетания, образованные по модели **знать + сущ. в вин. п.**, в которых существительное имеет значение ‘добро’ / ‘зло’, обозначающее цель деятельности магических специалистов (*добро, худо, проказа, хорошее, плохое, доброе* и под.): *У нас вот баба была. Так сделает: если я корову купила, я её поведу, она пойдёт, чё-ко сделает, корова уросить не будет. Видишь, к худу люди знали, и добро знали* (Нижняя Язьва Красновишерского района). [Женщин, которые хорошо знали молитвы, колдуньями не называли?] *Просто икотницы называли их, и всё.* [А почему? Они «икоту сажали»?] *Нет. Ну, они, видите, плохое знали, и хорошее знали. И плохое могли сделать, и хорошее могли сделать* (Юм Юрлинского района) [ФА].

Такие сочетания можно истолковать следующим образом: ‘обладать магическими знаниями и умениями и применять их для причинения вреда / оказания помощи людям’.

1.5. 1.6. Синонимичны вышеприведенным сочетания, образованные по модели **знать + на + сущ. в вин. п.; знать + к + сущ. в дат. п.**: *Тут вот стоит дом. Манька Яйкина была. Она и на худо, и на добро знала.* [А «на худо» – это как?] *Ну, на худо – могла плохое сделать. Человека могла нарушить. Могла вылечить* (Лобаново Юрлинского района). [А почему эти люди «знающими» считались?] *Они знали и на плохое, и на хорошее знали* (Юм Юрлинского района). *Может быть, ты сама такая, родители у тебя, может быть знаткие.* [«Знаткие» – это какие?] *Ну, знают чё-нибудь на проказу* (Покча Чердынского района) [ФА].

У нас вот баба была. Так сделает: если я корову купила, я её поведу, она пойдёт, чё-ко сделает, корова уросить не будет. Видишь, к худу люди знали, и добро знали (Нижняя Язьва Красновишерского района) [ФА].

2. Модель **знать + наречие** (наречное сочетание) тоже широко представлена в текстах мифологических рассказов.

2.1. Прежде всего, представим сочетания, образованные по данной модели, и синонимичные приведенным выше: ‘обладать магическими знаниями и умениями и применять их для причинения вреда / оказания помощи людям’: *Ну, по-худому она не знала, на доброе знала, лечить могла тоже* (Лобаново Юрлинского района). *Говорили, что мама знала – по ту и эту сторону* (Усть-Уролка Чердынского района) [ФА].

2.2. Активно в сочетаниях, образованных по данной модели, используются наречия и наречные сочетания, обозначающие объем магических знаний и умений или высокую степень воздействия на людей (*всё, много, маленько, толсто* и под.): *Колдун всё знает. Захочет – оборотнем тебя сделает: волком, зайцем ли. Вот тогда парня, Гришку, сделал. Пропал. Всем колхозом искали* (Юрич Карагайского района). *Старые-то старики здорово знают. Говорят, они по воздуху слова выпускают. Те слова находят человека и на него падут* (Пыскор Усольского района). *Ну, вот она по картам смотрит. Вот я приходила к ней узнать, куплю нет я дом. И она мне сказала: «Переедешь, купишь дом, но нескоро, получишь бумагу – по этой бумаге ты получишь деньги и купишь дом».* *Вот она далеко знала* (Ныроб Чердынского района). *Устята глядела, глядела да и говорит: «Чё ино мается вы с коровой-то? Я идь маленько чё-ко знаю. Я приду к вам ночёвать сёдни. Дайте мне-ка ниточку, кусочик хлеба* (Коэпты Чердынского района) [ФА].

3. Модель **знать + инфинитив** используется нечасто, сочетание в этом случае указывает на конкретный вид магической деятельности специалиста: *Отсушивать, присушивать она знает* (Половодово Соликамского района) [ФА]. Подобные сочетания широко представлены, по данным О.Б.Христофоровой, в Верхокамье: *А катальщик-от был знатной ... знал портить-то; Она знатная была ... она и ворожить знала; Там знали спортить, знали и лечить* [Христофорова 2010: 175].

Подведем итоги: в текстах мифологических рассказов глагол *знать* образует устойчивые сочетания с существительными, наречиями и инфинитивом.

В отличие от литературного языка, глагол *знать* в колдовском дискурсе актуализирует деятельностный аспект знания, которое осмысливается как умение производить те или иные магические действия.

В мифологических текстах, кроме общеязыковых, представлены синтаксические модели, невозможные для современного литературного языка:

- глагол и существительное с предлогом,
- глагол и инфинитив.

Сочетания с глаголом *знать* могут иметь общее значение – ‘обладать магическими знаниями и умениями и применять их с разными це-

лями' – и более узкие, указывающие либо на конкретную цель, либо на конкретный способ магического воздействия.

Библиографический список с сокращениями

БАС – Большой академический словарь русского языка. Том. 6. М.-СПб.: Наука, 2006.

ДА – Диалектологический архив при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12-ти вып. / ред. Т.Г. Паникаровская, (Вып. 1–7), Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под. ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург, 2001–2018.

Селигер – Селигер: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–7 / гл. ред. А.С. Герд. СПб.; Тверь, 2003–2017.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1 (А–Н). Пермь: Книжный мир, 2000.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сорокалетов, С.А. Мызников. Т. 1– 51. М.; Л. / СПб., 1965–2019.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х т. / под. ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2003–2005.

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010. 432 с.

ФА – Фольклорный архив при кафедре русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета.

Фразеологический словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х томах / составитель Н.А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.

I. I. Rusinova

Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

SYNTACTIC MODELS OF STABLE COMBINATIONS WITH VERB TO *KNOW* IN RUSSIAN MYTHOLOGICAL TEXTS OF PERM REGION

The work is devoted to the structure and semantics of stable combinations with the verb to know, which function in mythological texts about sorcerers, healers. The article uses data from the Perm Territory; materials from other regions of Russia are presented for comparison.

Key words: syntactic model, verb know, mythological text, Russian dialects of the Perm region.

Сун Цзясюань
студентка филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
295641440@qq.com

НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу названий лекарственных травянистых растений в китайском и русском языках в аспекте мотивации. Сравнительное изучение названий лекарственных травянистых растений в русском и китайском языках вносит вклад в описание лексики двух языков и особенностей познания мира их носителей, а также способствует развитию теории перевода.

Ключевые слова: названия лекарственных травянистых растений, мотивация, китайский язык, русский язык.

Растения тесно связаны с человеческой жизнью, они не только являются важной частью природы, но и приносят в жизнь людей красоту и дарят радость. Названия растений, безусловно, отражают и национальную культуру. Сравнительный анализ названий китайских и русских травянистых растений дает возможность выявить как сходства, так и различия в китайском и русском языках и культурах.

Сегодня фитонимика стала объектом исследования в многочисленных статьях, диссертационных работ и монографиях. Большое количество работ выполнено на материале русского языка. В. А. Меркулова в монографии «Очерки по русской народной номенклатуре растений» проанализировала семантическую мотивированность русских народных названий растений [Меркулова 1967]. Работа В. Б. Колосовой «Лексика и символика славянской народной ботаники» посвящена характерным для традиционной культуры славян представлениям о растительном мире [Колосова 2009].

Фитонимы китайского языка в целом относятся к недостаточно изученному классу терминологии, хотя еще в книге «Китайские целебные травы» Ли Шичжэнь 1578 г. впервые описывает названия лекарственных растений и их применение в китайской медицине [李时珍 2009]. В книге Дуан Шиюй, Цюй Вэньюн, Чжу Гэнчжи «Китайские иероглифы и наименования растений» анализируются названия растений в китай-

ском языке, особое внимание уделяется скрытым культурным смыслам, стоящим за наименованиями растений в традиционной китайской культуре [段石羽 曲文勇 朱庚智 2009].

Сопоставительные работы по китайским и русским названиям растений до сих пор являются редкими. Было опубликовано лишь несколько статей: «Сравнительный анализ мотиваций названий растений в русском и китайском языках» [关瑜 张志军 2014], «Фитонимы с метафорической мотивированностью в русском и китайском языках» [Ян Жуй 2008] и некоторые др.

Источником анализируемого материала послужили книги «Китайские иероглифы и наименования растений» [段石羽 曲文勇 朱庚智 2009] и «Большой атлас лекарственных растений» [Сафонов 2018]. В книге «Китайские иероглифы и наименования растений» описаны 533 вида растений, объектом нашего анализа стали 163 вида растений. В книге «Большой атлас лекарственных растений» описаны 260 лекарственных растений. Объектом нашего анализа стали названия 134 видов растений (только лекарственных травянистых растений, которые произрастают в Китае, названия, состоящие из одного или двух иероглифов).

Т. В. Жеребило в «Словаре лингвистических терминов» рассматривает мотивацию как «процесс выбора и закрепления мотивирующего признака в названии» и описывает несколько этапов этого процесса «1) выделение в обозначаемом объекте (денотате) мотивирующего признака (мотива) – признака объекта, который обуславливает название, является мотивом, основанием названия; 2) синтез информации о мотивирующем признаке в виде образа; 3) появление в языковых единицах (словах, фразеологизмах, словосочетаниях) внутренней формы – способа закрепления информации о мотивирующем признаке» [Жеребило 2001: 162].

В данной работе под мотивацией понимается причина возникновения, развития и изменения слова, иными словами, это тот признак, который лежит в названии предмета. «Мотивация есть относящийся к прошлому акт отражения признака предмета в его названии средствами языка» [Омашева 2017: 23].

Анализ фитонимов, образованных в результате метафорического переноса, позволил выделить 4 типа мотивации: 1) мотивация по отличительным признакам, 2) мотивация по времени сбора/цветения и месту произрастания, 3) функциональная мотивация, 4) мотивация по особенностям произрастания, 5) культурная мотивация. Рассмотрим подробнее каждый из указанных типов мотивации

1. Мотивация по отличительным признакам

Основой мотивации по отличительным признакам являются характеристики растения, которые могут быть непосредственно восприняты.

По нашим подсчетам, 32,1% русских фитонимов (43 из 134) обнаруживают мотивацию по отличительным признакам. Среди китайских фитонимов такие составляют 38,7% (63 из 163).

1.1 По форме

По форме всего растения. В русском языке название *хвоц* растение получило за сходство с хвостами некоторых животных, в особенности лошадей [Меркулова 1967: 117]. Ср. в китайском языке: 狗脊 (gou ji, рус. вудвардия японская), букв. «собачий спинной хребет». Это растение похоже на собачий спинной хребет.

По форме листьев. Русское название *вербейник* связано со схожестью с листьями вербы. Ср. в китайском языке: 虎掌 (hu zhang, рус. аризема Тунберга), букв. «тигровая ладонь». Листья этого растения похожи на тигровую лапу.

По форме цветов. Цветы *звездчатки* похожи на звезды. Ср. в китайском языке: 鸡冠 (ji guan, рус. целозия гребенчатая), букв. «петушинный гребень». Ее цветы похожи на петушинный гребень.

1.2 По цвету всего растения или его части. В русском языке наименование *белена* растение получило благодаря серо-зеленым листьям с беловатым оттенком [Фасмер 1986: 147]. Ср. в китайском языке: 红草 (hong cao, рус. горец восточный), букв. «красная трава». Цветы этого растения красные.

1.3 По вкусу. «Слово *кислица* имеет общеславянское распространение для обозначения различных кислых плодов и трав, и кушаний из них» [Меркулова 1967: 73–74]. Ср. в китайском языке: 甘草 (gan cao, рус. солодка): буквально «сладкая трава». У это растения сладкий вкус.

1.4 По запаху. Русское название *душица* дано этому растению за его приятный запах. «Общерусское и этимологически прозрачное слово, образованное от дух ‘запах’» [Меркулова 1967: 139–140]. Ср. в китайском языке: 香菜 (xiang cai, рус. Кинза), букв. «приятный овощ». Это растение всегда приятно пахнет.

2. Мотивация по времени сбора/цветения и месту произрастания

По нашим подсчетам, из 134 русских фитонимов с метафорической мотивацией только 6 образованы на основе мотивации по времени и месту (4,5% общего числа названий), из 163 китайских фитонимов 11 образованы на этой основе (6,7 %).

По времени. В русском названии *майник* также прослеживается связь с месяцем цветения растения, народное название *майноцветка*. Ср. в китайском языке: 菊 (ju, рус. хризантема): 菊 в китайском языке означает «конец». В году хризантемы расцветают наиболее поздно.

По месту. Растение *подорожник* растет вдоль дорог. Ср. в китайском языке: 水蓼 (shui liao, рус. водяной перец), букв. «водный горец». Растение растет на мелководье.

3. Функциональная мотивация

Нами выделено 11 русских фитонимов, получивших название на основе функциональной мотивации (из 134 метафорически мотивированных единиц, это составляет 8,2 %). В китайской фитонимии таких названий больше – 13,5%. Фитонимы данного типа мы разделяем на две группы.

3.1 Названия, указывающие на применение растений при лечении различных болезней. Растение *коровяк* используется в народной медицине, когда у коровы пропадает молоко. Ср. в китайском языке: 益母 (yì mǔ, рус. Пустырник), 益 в китайском языке означает «пользу», 母 – «женщина». Это растение полезно для здоровья женщин.

3.2 Названия, указывающие на применение растений в хозяйственно-бытовых целях. Русское название *воронец* дано растению в связи с тем, что из его ягод изготавливали чернила и стойкую черную краску для тканей. Ср. в китайском языке: 藍 (lan, рус. горец красильный), 藍 в китайском языке означает «синий цвет». Его стебель и листья используются для окрашивания в синий цвет.

4. Мотивация по особенностям произрастания

По нашим подсчетам, 5,2 % русских фитонимов (7 единиц из 134) получили названия на основе этой мотивации. В китайской фитонимии таких названий больше – 11,7 % (19 единиц из 163).

Жесткие чешуйки соцветия *бессмертника* не вянут и не теряют окраски даже тогда, когда соцветия срезаны. Ср. в китайском языке: 独活 (du huò, рус. дудник Гмелина): буквально «самостоятельно жить». Это растение не боится ветра и не колеблется на ветру.

5. Культурная мотивация. Среди различных элементов языка словарный запас является наиболее чувствительным к культурному влиянию. Названия лекарственных травянистых растений также отражают традиционную культуру, мифологические представления и верования. Растение *девясил*, по старым поверьям, имеет девять волшебных сил. Как лекарственное растение, девясил помогает при многих болезнях, оберегает здоровых. «В этом названии отразилась магия числа «девять». Предполагалось, что растение излечивает от девяти недугов» [Меркулова 1967: 104–105].

Таинственные «животные» двух древних легенд о драконе и фениксе на протяжении тысячелетий были наиболее важными для китайской нации и стали уникальными культурными символами Китая. Неко-

торые названия лекарственных травянистых растений часто содержат компоненты «дракон» или «феникс», чтобы показать их необычность, это такие названия, как 龙须 (рус. плаунок крючковатый), букв. «борода дракона», 凤尾 (рус. саговник), букв. «хвост феникса».

Таким образом, изучение метафорической мотивированности названий лекарственных травянистых растений выявило следующие особенности образования фитонимов в русском и китайском языках.

1. В обоих языках можно выделить одинаковые типы мотивации названий лекарственных травянистых растений.

2. Среди всех типов мотиваций названий лекарственных травянистых растений в китайском и русском языках мотивация по отличительным признакам составляет самую большую долю от всех названий растений, и часто выбираются такие характеристики, как форма, цвет и запах растения. Это объясняется тем, что уникальные характеристики предметов являются основой и отправной точкой понимания мира. Большинство людей воспринимают внешний мир через визуальный канал. Доля наименований с культурной мотивацией невелика. Кроме того, в русском языке и китайском существуют различные легенды, связанные с лекарственными травянистыми растениями.

3. Русский язык относят к флективным синтетическим языкам. Существительные в русском языке часто образуются с помощью префиксов и суффиксов («подорожник», «бессмертник») и т.д. Связь между китайскими словами и между компонентами композита часто основана на логических отношениях, китайские слова записываются иероглифами.

4. В русском языке чаще дают новые названия неизвестным ранее растениям, в китайском образование новой номинации происходит на основе уже существующих. Например, 蜀葵 (shu kui), где 蜀 в китайском языке является названием места, 葵 – это род, к которому это растение принадлежит. В русском языке ему соответствует конкретное слово *алтей*.

5. Среди официальных названий лекарственных травянистых растений в русском языке большое количество названий из иностранных языков (из латинского языка больше всего, это 20 от 52 заимствованных слов). Латинский язык сыграл немалую роль в обогащении русской лексики (в том числе и терминологии), связанной преимущественно со сферой научно-технической и общественно-политической жизни. В китайском языке заимствованных названий не было обнаружено.

Библиографический список

Гуань Юй, Чжань Чжицзюнь. Сравнительный анализ мотиваций названий растений в русском и китайском языках». 2014. (05) : 62–63. (关瑜 张志军. 对比分析俄汉语植物称名的理据性[J]).

Дуан Шиюй, Цюй Вэньюн, Чжу Гэнчжи. Китайские иероглифы и наименования растений. Синьцзян, 2009. (段石羽, 曲文勇, 朱庚智. 汉字与植物命名 [M] . 新疆 : 新疆人民出版社, 2009).

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.

Ли Шичжэнь. Китайские целебные травы». Пекин, 2009. (李时珍. 本草纲目 [M] .北京: 华文出版社, 2009.)

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 260 с.

Омашева Ж. М. Названия лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках: мотивационно-словообразовательный и лингвокультурный аспекты. дис. ... кандидата филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2017.

Сафонов Н. Н. Большой атлас лекарственных растений. М.: Мир и образование, 2018. 310 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987.

Ян Жуй. Фитонимы с метафорической мотивированностью в русском и китайском // Вестник БДУ. 2008. № 4. С. 46–49.

Song Jiaxuan

Student of Philological Faculty
Perm State University

NAMES OF MEDICINAL HERBACEOUS PLANTS IN CHINESE AND RUSSIAN: MOTIVATIONAL ASPECT

The study of the motivation of the language is one of the important tasks of science. This paper is devoted to the analysis of the names of medicinal herbaceous plants in Chinese and Russian languages in the aspect of motivation. A comparative study of the names of medicinal herbaceous plants in the Russian and Chinese languages contributes to the description of the vocabulary of the two languages and the peculiarities of the knowledge of the world of their carriers, and also contributes to the development of translation theory.

Key words: Names of medicinal herbaceous plants, motivation, Chinese, Russian.

Федорова Ирина Кимовна
доцент кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
abanico@yandex.ru

ПЕРЕВОД КУЛИНАРНОГО РЕЦЕПТА В АСПЕКТЕ КОНЦЕПЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

В данной статье изучается перевод кулинарных рецептов и его роль в современной межкультурной коммуникации. Знакомство с кулинарной культурой других стран является одной из ключевых тем межкультурного диалога. В научной литературе бытует мнение, что кулинарные рецепты достаточно редко выступают в качестве объекта перевода, однако на практике в целом ряде ситуаций оказывается необходим его качественный перевод. В связи с развивающимися экономическими и академическими контактами между Россией и Китаем переводы кулинарных рецептов составляют важную часть культурных трансферов между нашими странами. Эмпирическую базу исследования составили результаты эксперимента по переводу кулинарных рецептов с китайского языка на русский язык студентами магистратуры в рамках обучения русскому языку как иностранному. При анализе результатов работы учитываются принципы и методы европейского и китайского переводоведения, которые в свою очередь выступают в качестве одного из детерминирующих факторов культурного трансфера.

Ключевые слова: кулинарный рецепт; культурный трансфер; транслатологическая классификация текстов; оперативная информация; эмоциональная информация; когнитивная информация; письменный перевод, принцип «Синь-Да-Я»

Знакомство с кулинарной культурой других стран является одной из ключевых тем межкультурного диалога. В связи с быстро развивающимися культурными контактами следует особо отметить интерес к китайской кухне в России и к русской кухне в Китае. Заметим, что в обеих культурах есть немало сходных блюд, например, русские пельмени и китайские цзяоцзы, русская и китайская лапша, борщ в России и Ло сун в Китае и т.п. В то же время в их рецептуре, истории и традициях употребления могут обнаружиться как сходства, так и различия. Кулинарная тематика составляет предмет активной межкультурной коммуникации, участниками которой могут быть представители различных культур:

люди делятся своим опытом в сети Интернет, обсуждают рецепты, проводят кулинарные мастер-классы на радио, телевидении и т. д. В этом плане сопоставительные и переводческие исследования помогают быстрее обнаружить эти сходства и различия. Хотя в научной литературе бытует мнение, что кулинарные рецепты достаточно редко выступают в качестве объекта перевода, мы не можем полностью согласиться с данной точкой зрения. Профессиональный перевод кулинарного рецепта может потребоваться в случае социально-сопроводительного перевода или в ситуации устного последовательного перевода кулинарного мастер-класса, теле- или радиопередач на кулинарные темы, а также в ситуации перевода интернет-видео. Отдельного внимания заслуживают кулинарные тексты в письменной форме, поскольку рецепты мы часто используем в письменной форме коммуникации в виде публикаций в журналах, поваренных книгах, на упаковке пищевых продуктов или на интернет-сайтах. В данной ситуации заказчику может потребоваться полный письменный перевод кулинарного рецепта. Перевод с листа может потребоваться в бытовых ситуациях общения. Таким образом, кулинарные рецепты становятся важной частью культурных трансферов.

Понятие культурного трансфера (переноса) стало использоваться в европейской научной парадигме с 80-х г. XX в. благодаря работам французских исследователей М. Эспань, М. Вернер. Оно обозначало процессы «рецепции и трансформации инокультурного наследия в принимающей культуре» [Boidin Caravais: 2005]. В исследованиях особое внимание уделяется социо-культурной специфике посредников культурного переноса [Espagne 1999: 2], в качестве которых выступают путешественники, переводчики, преподаватели, эмигранты, деловые люди и т. д., деятельность которых способствует возникновению культурного многообразия [Joyeux-Prunel 2002].

Исследование межкультурных взаимодействий неизбежно предполагает изучение их языкового и дискурсивного аспектов, а центральная роль в культурных трансферах отводится текстам и переводам. Переводы рассматриваются как результат и своеобразная «материальная основа» культурного переноса. По мнению немецкого исследователя Йозефа Юрт, «переводы занимают особое место среди феноменов культурного переноса. Достаточно отметить тот факт, что история переводов составляет важный элемент во взаимоотношениях между культурами» [Jurt 2007: 106]. На наш взгляд, говоря о культурных трансферах не следует упускать из внимания и теоретические воззрения на перевод. Нередко господствующие переводческие парадигмы в той или иной культуре предопределяют не только репертуар переводимых текстов, но и стратегии перевода.

В качестве эмпирической базы для настоящего исследования мы отобрали несколько кулинарных рецептов блюд китайской кухни и предложили выполнить их перевод на русский язык китайским студентам, проходящим обучение по программе магистратуры «Теория и практика переводческой деятельности» в Пермском национальном исследовательском политехническом университете. Анализ переводов проводился с опорой на теоретические положения концепций европейского и китайского переводоведения. В частности, мы опирались на принципы транслатологической теории текста, развиваемой европейскими и российскими исследователями К. Райс [Райс 1978], К. Норд [Nord 2001], И.С. Алексеевой [Алексеева 2008], в основе которой лежит соотношение видов информации в тексте. Также нами принимались во внимание три принципа перевода Синь 信, Да 达, Я 雅, развиваемые в работах китайских ученых Янь Фу и Лю Мицин. Понятия используются для изучения трех основных взаимосвязанных аспекта перевода: содержание оригинала, язык перевода и стиль. На наш взгляд, теории перечисленных ученых созвучны теории культурных трансферов западноевропейских исследователей. В частности, отмечается, что Янь Фу, известный переводом произведений западных мыслителей, «был одним из первых китайских мыслителей, кто мог обозревать чужую культуру извне как единое целое» [Мартынов, 2016]. Исследователь Лю Мицин полагает, что «изучение теории перевода должно ... исходить из реалий языка и культуры данной страны, особенно их необычных черт (heterology)» [Щичко: 2004: 19].

Коммуникативное задание кулинарного рецепта – предписать определенные действия по приготовлению конкретного блюда. Ведущая форма коммуникации – монологическая. Исходя из транслатологической классификации текстов, предложенной И.С. Алексеевой, мы можем отнести кулинарный рецепт к примарно-оперативным текстам. Как следует из названия, в таких текстах основным видом информации является оперативная, которая «представляет собой побуждение к выполнению определенных действий, и с коммуникативной точки зрения содержит предписание, которое может быть как скрытое так и явное» [Алексеева 2008 :107]. Отмечается, что «рецепт, как и инструкция, предназначен для любого носителя языка, то есть для широкой аудитории, причем целевая аудитория может включать как профессиональных, так и несведущих реципиентов» [Там же, с. 108]. Рассмотрим примеры передачи оперативной информации в переводе. В скобках дается дословный перевод изучаемого сегмента информации.

В подавляющем большинстве примеров оперативная информация в текстах на китайском языке передается при помощи инфинитива, как показано в примерах ниже.

1) 我们用 (мы залить) 沸腾的水在锅里把整个猪肉煮汤一下, 然后把它翻转一下。我们切 (мы нарезать) 成小方块。我们将炖好的猪肉块移入我们把它放入 (мы положить) 耐热容器中。

Залить кусок свинины кипятком в кастрюле, с обеих сторон. Нарезать свинину на кусочки. Выкладываем тушеные куски свинины в огнеупорную посуду.

2) 在一个小锅里加入 (добавить) 茶叶, 盐、五香粉和酱油, 加水。然后将鸡蛋放进去, 煮沸后, 用小火煮 (варить) 30分钟。

В небольшой кастрюле смешайте чай, соль, порошок из специй и соевый соус, добавьте воды. Затем положите яйца в один слой и, доведя до кипения, варите на медленном огне в течение 30 минут

3) 首先将鱼洗干净 (мыть), 用刀把鱼的两面划一下 (резать) 刀口, 然后均匀地涂抹 (замазывать) 一点盐

Сначала вымойте рыбу, затем разрежьте рыбу с обеих сторон и посыпьте ее солью.

В целом передача инфинитива в переводе не составила труда, однако примечательно, что в ряде примеров инфинитив сопровождается местоимением мы (我们), что сделало возможным заменить в переводе инфинитив личной формой глагола изъявительного наклонения даже в тех случаях, когда местоимение не использовалось.

В ряде случаев оперативная информация передавалась при помощи повелительной частицы 请 (qǐng, в дословном переводе означающей «давайте» или «пожалуйста»), как это наблюдается в следующем примере.

4) 请将菠菜洗净 (пожалуйста очистить), 切碎 请把鸡蛋打成 (пожалуйста разбить) 蛋液 请在煎锅中倒入 (пожалуйста насыпать) 植物油, 用油干煸葱花爆香, 然后请放入鸡肉并煎炒2分钟 请煮沸 (пожалуйста вскипятить) 水, 然后放入菠菜 1-2分钟后把鸡蛋倒入锅中煮沸煮沸 1-2分钟。在用餐之前, 我们将少许食用盐放入汤中。

Подготовленную свинину нарезать тонкими ломтиками. Шпинат промыть и мелко нарезать. Яйца взбить. Перекалить в сковороде растительное масло, обжарить измельченный лук, а затем выложить курицу и жарить 2 мин. Довести до кипения воду, опустить поджаренную курицу, затем шпинат и через 1-2 мин взбитые яйца, довести до кипения и про-

варить в течение 1-2 мин. Перед подачей к столу положить в суп немного соли.

В текстах оригинала нами также были найдены немногочисленные примеры передачи оперативной информации лексическим способом.

5) 面条是许多中国菜不可缺少的 (обязательно существовать) 必须存在的 组成部分。

Лапша является незаменимым компонентом многих китайских блюд.

Переводческое решение – функциональная замена наречия на прилагательное в сочетании с компрессией (опущен глагол *существовать*).

В целом при передаче оперативной информации студенты руководствовались принципом «Да» (达), который означает передачу содержания текста нормативным языком перевода. Этот аспект заставляет обратить внимание на различие норм исходящего и принимающего языков.

В китайском языке тональность императивного предложения, указывающего на просьбу о совете, должна быть спокойной. В китайских кулинарных рецептах оперативная информация выражается тремя основными способами: 1) при помощи глагола в инфинитиве (с возможностью добавления местоимения *мы*) и 2) при помощи императивной частицы 3) лексически (таких примеров было найдено меньше). В отличие от русского языка, китайские глаголы не изменяются по лицам. Поэтому важной переводческой трансформацией при переводе на русский язык стало использование личных форм глагола в индикативе или в императиве, что соответствует нормам принимающей культуры. В редких случаях использовался инфинитив, более характерный для письменной коммуникации. В целом при передаче данного вида информации с китайского на русский язык в переводческих решениях наблюдается большое разнообразие.

Перейдем к анализу передачи когнитивной информации. Когнитивная информация в изучаемых рецептах выражается в названии ингредиентов, блюд, а также в использовании имен собственных. Также немало когнитивной информации содержится в описании истории блюд. Осложняющим фактором перевода стало наличие культурно-обусловленной информации. Приведем несколько примеров.

1) 在古代, 小麦面条被称为“汤饼” 搭配汤食用的饼 («бин» для супа)” (中国传统食品 汤饼; 根据宋代的一位科学家黄朝英的解释, 在古代, 面团中的所有菜肴都被称为“但是由于制作方法的不同他们却又都不同。

В древности пшеничная лапша называлась «суповым пирожным» (汤饼, tāngbǐng.); согласно объяснению учёного сунской эпохи Хуан Чао-

ина (黃朝英), в древние времена все блюда из теста назывались «бин» и отличались методами приготовления (переводческое решение – транслитерация + переводческий комментарий).

2)

当时,老百姓赞颂苏东坡为地方办了这件好事,听说他喜欢吃红烧肉,到了春节,都不约而同地给他送猪肉,来表示自己的心意。苏东坡收到那么多的猪肉,觉得应该同数万疏浚西湖的民工共享才对,就叫家人把肉切成方块块,用他的烹调方法烧制,连酒一起,按照民工花名册分送到每家每户。他的家人在烧制时,把"连酒一起送"领会成"连酒一起烧"结果烧制出来的红烧肉,更加香酥味美,食者盛赞苏东坡送来的肉烧法别致,可口好吃。众口赞扬,趣闻传开,当时向苏东坡求师就教的人中,除了来学书法的、学写文章的外,也有人来学烧"东坡肉"。

Су Дунпо, тронутый радушием жителей, приказал поварам нарезать подаренную свинину на маленькие кусочки и потушить мясо «на слабом огне с небольшим количеством воды», намереваясь раздать её горожанам вместе с вином, чтобы те устроили праздник. Как водится в легендах, повара, конечно же, всё перепутали и приготовили мясо в большом количестве вина. Однако, народу новое блюдо понравилось – оно отличалось удивительным ароматом и необыкновенным вкусом. С тех пор так и готовят. Кстати, говорят, изначально блюдо называлось Дунпо Жоу, что можно перевести, как «Мясо, преподнесенное как ответный подарок» и только потом его стали называть менее церемониально (использован прием транслитерации + переводческий комментарий).

В представленных примерах когнитивная информация проявляется в названии блюд и исторических личностей. При передаче когнитивной информации студенты руководствовались принципом «Синь» (信), направленным на достоверность передачи содержания оригинала. Согласно исследователям, «переводчику следует понимать значение каждого слова оригинала, но не переводить значение каждого слова» [Щичко 2004: 20]. В большинстве случаев переводческим решением была транслитерация, и этот способ представляется наиболее эффективным, учитывая разъясняющий характер переводимого текста. В ряде случаев в переводах удачно сочетается транслитерированное китайское название блюда и название его российского аналога (цзяоцзы / пельмени). Однако такое переводческое решение возможно при условии сходств между контактирующими культурами. В отдельных случаях делался переводческий комментарий. В целом стратегию перевода когнитивной информации характеризует направленность на исходящую культуру. Пере-

водческий комментарий ставит целью объяснить культурную специфику китайской культуры реципиенту. Использованию данного приема также способствовал стиль текстов на исходящем языке, где нередко делаются комментарии по поводу традиций употребления блюда. Так, например, в рецепте пельменей указывается, что это блюдо традиционно едят на китайский Новый Год, но также его принято есть перед путешествием, так как есть поверье, что это приносит путешественнику удачу.

В изучаемых текстах мы нашли ряд примеров эмоциональной информации, которая не является типичной для кулинарных рецептов и присутствовала не во всех текстах. Тем не менее, присутствие эмоциональной информации позволяет выразить отношение к определенному блюду, передать ощущения от его вкуса, сделать своеобразную «рекламу» блюда. Приведем примеры.

1) 在中国的北方流传着这样的一句话“好吃不过饺子” (дословно: «Нет пельмени вкуснее»)

На Севере Китая ходит поговорка: «Нет ничего вкуснее, чем пельмени».

В примерах ниже приводится характеристика блюда:

2) 非常清淡 (вкус легкий – 口味清淡), 美味 (красивый, прекрасный вкус-鲜美的味道) 且健康 (полезный – 健康的) 的菜肴。

Очень легкое, вкусное и полезное блюдо.

3) 这道面条准备起来很简单 (очень легкий), 但同时又很美味 (красивый вкус-美味), 营养丰富 (богатое питание) 这道饭菜用所有可用食品准备而成

Очень простое в приготовлении блюдо, но в то же время – вкусное, сытное и питательное. Готовится кушанье из всех доступных продуктов.

В данных примерах стоит обратить внимание на необычную для русского языка сочетаемость. В китайском языке прилагательное «красивый» может использоваться для характеристики вкуса еды. Таким образом, значение в китайском языке шире, чем в русском, т. е. имеет место векторная лексическая лакуна [Муравьев, 1975:14].

Заметим, что данная часть работы потребовала от студентов наибольших усилий. При передаче эмоциональной информации использовались сразу два принципа. Это уже выше упомянутый принцип «да», направленный на соблюдение норм переводящего языка, а также принцип «Я» (雅 уй – дословно означает изящный, изысканный; элегантный). По мнению китайского исследователя Ван Мэняо, «невозможно достичь абсолютной точности перевода из-за того, что в каждом тексте присутствует красота звучания, красота смысла, красота духа и красота формы изложения» [Ван Мэняо, 2014: 13]. По этой причине при передаче эмо-

циональной информации использовалось наибольшее количество трансформаций. В приведенных примерах использованы приемы компрессии и лексические приемы дифференциации, поскольку переведенные дословно высказывания звучали бы непривычно для русскоязычного читателя.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Объектом нашего исследования стал учебный культурный трансфер, в фокусе которого перевод кулинарных рецептов с китайского на русский язык. Стратегия перевода зависела от вида информации в текстах. Ядро стратегии составила передача оперативной информации, средства выражения которой в рабочих языках во многом совпадают (использование инфинитива) но и различаются (нормы русского языка допускают большее разнообразие в использовании грамматических форм). В целом данный вид информации был передан полностью. При передаче когнитивной информации использовалась стратегия, ориентированная на оригинал с использованием переводческого комментария. В этой связи объем когнитивной информации в текстах перевода оказался выше, чем в оригиналах. Передача эмоциональной информации потребовала более разнообразных и комплексных переводческих действий. Основной причиной стала широкозначность лексики и различие в нормах сочетаемости рабочих языков. Ведущими приемами стали дифференциация, синонимическая замена, объединение синтаксических структур и компрессия.

Была предпринята попытка теоретического осмысления результатов перевода, что позволило прийти к следующим выводам. Хотя китайский и западный подходы к переводу не совпадают полностью, мы можем найти в них некоторые общие моменты. Они отражают три ключевых измерения перевода, а именно: содержание, выбор языковых средств, а также стилеобразующие черты текста. Все это важно при переводе кулинарного рецепта. Содержание – это референтная ситуация, которая отражена в рецепте: какие ингредиенты и в какой пропорции использовать, в какой последовательности добавлять их во время готовки, какие конкретные действия необходимо предпринять. Все это требует точного перевода и не должно допускать различных интерпретаций. Если проводить терминологические аналогии, мы можем сказать, что этот аспект перевода максимально проявился при передаче когнитивной информации. Особенно это касается культурно значимой информации. Чтобы удачно выполнить перевод кулинарных рецептов, мы должны опираться на сопоставление культур и специфику мышления их носителей, но вместе с тем важно учитывать особенности рабочих языков. Языковое измерение перевода заключается в анализе языковых средств,

используемых в оригинальном кулинарном рецепте в сопоставлении с теми возможностями, которые нам может предоставить язык перевода. Не всегда эти возможности совпадают. К примеру, русский и китайский языки очень разные по структуре и по способу выражения многих категорий, и это определяет требования к переводу. В качестве примера можно привести разные возможности для передачи повелительного наклонения, отвечающего в кулинарном рецепте за передачу оперативной информации. Наконец, стилистическое измерение перевода заключается в том, чтобы увидеть способ связи формы и содержания в каждом конкретном тексте. При переводе кулинарного дискурса очень важно, как преподносится содержание: делается это в нейтральной форме или в тексте присутствует эмоциональная информация. К примеру, многие кулинарные программы по телевидению подают материал в живой эмоциональной форме, где большую роль играет юмор. В письменном тексте мы тоже можем увидеть некоторые стилистические приемы, отражающие отношение автора к конкретному блюду (напитку) или к традиции его употребления. В этом плане перевод должен соответствовать ожиданиям реципиента от определенного типа текста.

По нашему мнению, использование нескольких различных концепций при проведении исследования помогает расширить взгляды на теорию и практику перевода. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности переводчиков и могут учитываться в различных ситуациях межкультурного общения. Сделанные наблюдения и тексты перевода также могут послужить наглядным материалом в лекционных курсах и на практических занятиях по лингвокультурологии, лексикологии, в преподавании русского и китайского языка как иностранных.

Библиографический список

Алексеева И.С. Текст и перевод: вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.

Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Ван Мэняо; [Место защиты: Высш. школа перевода]. Москва, 2014. 153 с.

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Янь Фу и Гексли: как «Эволюция и этика» сделалась «Теорией природного развития» // Вопросы философии. 2016. № 9. // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1494&Itemid=52 (дата обращения 01.11.2019).

Муравьев, В. Л. Лексические лакуны (На материале лексики фр. и рус. яз.). Владимир: Владимир. пед. ин-т, 1975. - 97 с.

Щичко В.Ф. Китайский язык: теория и практика перевода. М.: Восток-Запад, 2004. 223 с.

Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории пере-

вода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 202-228.

Boidin Caravias C. L'Horizon anthropologique des transferts culturels // Revue Germanique internationale, n°21, janvier 2004, 268 p. // URL: <http://journals.openedition.org/nuevomundo/339> (дата обращения 29.08.2019).

Espagne M. Les Transferts culturels franco-allemands. Paris, PUF, 1999. 296 p.

Joyeux-Prunel B. Les transferts culturels. Un discours de la méthode // Hypothèses, 2002, numéro 1, pp. 149-162. // URL: <http://www.cairn.info/revue-hypotheses-2002-1-page-149.htm> (дата обращения 29.08.2019).

Jurt J. Traduction et transfert culturel // De la traduction et des transferts culturels. Textes réunis par C. Lombez et R. von Kulesa / ed. L'Harmattan, 2007. P. 92–111.

Nord C. Translating as a Purposeful activity: Functionalist Approaches Explained. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press 2001. 154 p.

I.K. Fedorova

Associate Professor of Department of Linguistics and Translation
Perm State University

Associate Professor of Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Polytechnic Research University

COOKING RECIPE TRANSLATION IN THE CONTEXT OF EUROPEAN AND CHINESE TRANSLATION THEORIES

The purpose of this article is to study the cooking recipe in the context of modern intercultural communication. It is known that cooking culture is one of most important topics of cultural exchanges. In academic literature there are very frequent opinions that cooking recipe translation is uncommon and unusual. However we can not completely accept this point of view. we can report that in very many circumstances people needs a high quality translation of cooking recipes. The development of economic and academic contacts between Russia and China translations are the central part of cultural transfers. In the case study we will exchange our experience of cooking recipes translation from Chinese into Russian accomplished by Chinese students within the framework of learning russian as foreign language. The analysis of results is based on basic framework of chinese and russian translation theories because this concepts are also the important part of cultural transfers.

Key words: cooking recipe, cultural transfer, translation text typology, prescriptive information, emotional information (expressivity), cognitive information, written translation, translation strategy, principle «Sing-Da-Ya».

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1–94

Антипина Зоя Сергеевна
старший преподаватель
кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
afaneor@yandex.ru

«ЛИЦО ГОРОДА МОЛОТОВА» В МЕМУАРАХ ГЕОРГИЯ СИЛЬНИЦКОГО: СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ ГЛАЗАМИ РУССКОГО РЕПАТРИАНТА

В статье рассмотрены мемуары русского репатрианта из Китая с т.з. сохранения русской идентичности в среде эмигрантов и особенностей формирования образа советского города глазами русского не-советского человека. Подтверждается тезис об особой роли русской классической литературы в жизни русских эмигрантов XX века. Советский промышленный город в мемуарном тексте характеризуется главным образом через интеллектуальные и культурные центры (университет, театр с классическим репертуаром) и природные достопримечательности (река Кама).

Ключевые слова: воспоминания репатриантов, русский Китай, национальная идентичность, образ места.

Среди эмигрантской мемуаристики особое место занимают воспоминания репатриантов, которые после значительного пребывания за границей попали в Советскую Россию. Зачастую это люди, уехавшие из Российской империи детьми или же родившиеся в семье эмигрантов, так что их восприятие исторической родины опиралось не на личный опыт, а на культурную память окружающей среды. По возвращении «родное» было во многом «новым» и часто воспринималось в особом ракурсе.

Воспоминания представителей русской эмиграции в Китае занимают особое место в мемуаристике русских диаспор и потому, что тот русский мир в Китае, который появился после революции 1917 г. и Гражданской войны в России, в силу ряда исторических причин просуществовал относительно недолго – в конце 1940 – в 1950-х гг. часть бывших российских граждан вернулась в Советский Союз, другая – уехала в Австралию, Южную Америку и Соединенные Штаты.

Георгий Георгиевич Сильницкий – советский и российский лингвист, профессор Смоленского педагогического института. Он родился в

1930 г. в Шанхае, вырос на территории, подконтрольной французской администрации. В январе 1948 г. семья Сильницких приехала в Пермь, тогда – город Молотов. Здесь прошли юношеские годы автора и здесь, как он впоследствии написал, его «“я” нашло свое естественное жизненное проявление», «ощущение “себя на месте”» [Сильницкий 2016: 67]. Здесь Георгий Сильницкий окончил историко-филологический факультет Пермского университета, учился в одно время с профессором Е.Н. Поляковой, известными пермскими писателями В. Радкевичем и Львом Давыдычевым. Воспоминания, которые в начальном варианте имеют подзаголовок «Четыре круга спирали одной жизни» и посвящены Шанхаю, Перми, Ленинграду и Смоленску, написаны в 2010-е гг. Первые две части о китайском и пермском периоде жизни Георгия Сильницкого опубликованы Пермским университетом в 2016 г.

Эти мемуары не единственные в своем роде. В поле зрения современных историков находится целый ряд подобных текстов, которые создавались в разное время – начиная с 1950-х гг. и до начала XXI в. [Смирнов]. Их тональность, идейные и социально-политические оценки различны и во многом зависят от того, на какой этап жизненного пути автора пришлись годы эмиграции и возвращение в Россию, от обстоятельств жизни в Китае. Детство и отрочество юного Георгия Сильницкого в Шанхае были сравнительно спокойными – в относительном достатке и безопасности, которую обеспечивала французская администрация, в окружении семьи и близких: «В этом тревожном житейском море, отголоски которого достигали и моего детского сознания, относительным островком стабильности был постепенно налаживаемый домашний уклад жизни нашей семьи» [Сильницкий 2016: 7].

Как многие дети эмигрантов, он воспринимал и усваивал русскую культуру не непосредственно – в повседневном широком общении или по обязательным курсам школьной подготовки, а преимущественно в близком семейном кругу и по немногим доступным книгам, песням и фильмам, и в постоянной соотнесенности с инокультурным внешним миром. Автор отмечает особое ощущение русскости, которое обострялось и иноязычным окружением, и эмиграцией в целом: «с самого раннего возраста я стал ощущать свое существование как причастность двум противостоящим друг другу в языковом и ментальном планах миров. При этом второй, иноязычный мир все в большей мере втягивал меня, как и моих сверстников по школе и улице, в русло той гибридной русско-англоязычной цивилизации, которая составляла сферу моего жизненного пребывания за пределами тепличного оазиса ограниченного, искусственно поддерживаемого русского мира» [Там же: 15].

Важную роль в восприятии русской культуры сыграла русская классическая литература. Этот общий тезис подтверждается при обращении к творчеству русских поэтов китайской и американской ветвей русской эмиграции [Арустамова, Кондаков; Забияко, Эфендиева]. Для юного Георгия Сильницкого пристрастие к чтению возникло благодаря популярной литературе – произведениям Э.Р. Берроуза, Л. Чарской, а в особенности романам С.Р. Минцлова о российской истории, быте и нравах русской провинциальной жизни («Под шум дубов», «Клад»). Следующим этапом стало приобщение к миру русской классики в семейном воспитании: «Отец спорадически проводил со мной возникающие “к слову”, мало связанные между собой общеобразовательные беседы, читал обожаемого им Пушкина или “Вечера на хуторе близ Диканьки” Гоголя» [Там же: 8]. Настоящее погружение в мир русской литературы XIX века совпало с периодом перестройки мыслительной и внутренней духовной жизни подростка. И поскольку социальное окружение было иноязычным, чуждым домашней среде, решающее влияние на героя оказал письменный текст: «...мое вынужденное болезнью отключение от внешней действительности и погружение в свой внутренний мир имело результатом мой решительный поворот к русской классической литературе как к естественной для меня духовной среде обитания. <...> Отныне я жил в двух мирах – в действительном мире школы и улицы и воображаемом мире русской дореволюционной литературы» [Там же: 21]. Таким образом, именно через богатство художественной литературы на родном языке автор знакомился с родной историей и культурой и усваивал ее, что позволяло обретать корни, отвечать на неизбежный внутренний вопрос о собственном месте в мире, формировать личностную идентичность.

Мемуары репатриантов, родившихся в эмиграции, по понятным причинам могут быть лишены того острого чувства утраты, которая вызывается личными трагическими обстоятельствами изгнания с родины. Родители Георгия Сильницкого, попавшие в Китай из Владивостока еще совсем юными, не претерпели долгого изгнаннического пути по России. Да и жизнь на Дальнем Востоке была далека от традиционного воплощения русского. Поэтому в мемуарах Георгия Сильницкого Россия оказывается не утрачиваемой, а обретаемой.

Первым российским городом, через который автор знакомился с российской жизнью, оказалась индустриальная Пермь. Однако мемуары представляют нам прежде всего «университетский город с интенсивной культурной жизнью» [Там же: 57]. Кроме университета, ставшего вскоре местом учебы автора, еще два городских топоса являются для него определяющими – театр оперы и балета и река Кама.

В пермском театре случилось полноценное знакомство с музыкальной культурой: «Теперь же я получал возможность по своему изволению выбирать из широкого репертуара театра музыкальные произведения, известные мне ранее лишь по их названию и по имени создавших их композиторов» [Там же: 60]. Пространственной доминантой в городском ландшафте для мемуариста стала река Кама: «Лицо города Молотова (древней Перми) определяется его расположенностью на левом берегу великой реки Камы» (58). Расположение городских улиц и главных зданий тоже размещаются в пространстве относительно Камы, с ней же автор связывает главные размышления о своей жизни и о будущем, она же является той природной силой, которая наполняет автора жизненной энергией и восполняет духовный вакуум. Вот как соединяются в мемуарном тексте городское пространство и жизненная траектория автора: «проспект Карла Маркса постоянно ассоциировался в моем подсознании с дорогой, ведущей в прошлое, тогда как вид, открывающийся в западном направлении с высокого берега Камы, символизировал туманное, но манящее будущее. Это будущее слилось в моем воображении со зрительным образом единственного знакомого мне созвездия Большой Медведицы, легко различимого на небосводе над Камой» [Там же: 59].

Эти впечатления от Камы и ее роль в городском пространстве значительно отличаются от воспоминаний Анатолия Королева, который во время литературных встреч неоднократно проговаривал, что особенной Камы в его детстве не было: «реки никакой фактически в моей памяти нет» (Королев 2011).

Образ Перми в мемуарах Георгия Сильницкого примечательны еще тем, что город очерчивается крупными штрихами, которые соотносятся с масштабностью градостроительных проектов Советской России. Вспоминая о первом выходе в город, к старым деревянным домикам и мосту через Каму, автор размышляет «о символичности этого контраста между грандиозностью строительства нового и наследием ветхого прошлого в современной России» [Там же: 57].

Вненаходимость автора (и после приезда в Советскую Россию, и во время написания мемуаров) позволяет сразу схватывать общий композиционный облик послевоенного индустриального города. Возможно, потому образ Перми-Молотова во много похож на парадную открытку или юбилейный городской альбом, которые в изобилии издавались в СССР во второй половине XX в. Вероятно также, что это можно было бы отнести к особенностям авторского восприятия. Вот что он пишет о своих университетских товарищах: «Наиболее яркие фигуры, находящиеся в центре внимания университетской общественности, выделялись мне в своего рода эстетическом свете, как законченные художественные

образы, сошедшие со страниц какого-то литературного произведения из студенческой жизни» [Там же: 70]. Точно так же, как некий художественный образ, представляется автору, по-видимому, и город Молотов – с прямыми широкими проспектами, полноводной Камой, новой монументальной застройкой.

Мемуары Георгия Сильницкого предлагают нам новый, жизнеутверждающий взгляд на советскую повседневность 1940-1950-х годов: «мой начальный в России период “от Перми до Тавриды” характеризовался моим постепенным вживлением в новообретенную родную почву, в процессе которого были заложены мировоззренческие основы всего моего дальнейшего существования» [Там же: 122]. И во многом это обретение себя и обретение исторической Родины происходило через классическое культурное наследие и через русскую словесность.

Библиографический список

Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Начало пути: стратегии поэтического самоопределения в ранней лирике О. Скопиченко, М. Визи, Е. Грот // Филологический класс. 2019. № 2. С. 90-97.

Забияко А. А., Эфендиева Г. В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.

Анатолий Королёв: «Я озабочен утяжелением ноши существования человека...» [интервью Д. Бавильского] // Частный корреспондент. 19.06.2011. URL: http://www.chaskor.ru/article/anatolij_korolev_ya_ozabochen_utyazheleniem_noshi_sushchestvovaniya_cheloveka_23674 (дата обращения: 09.12.2019).

Сильницкий Г. Г. Освоение прошлого. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2016. 129 с.

Смирнов С. В. Воспоминания русских репатриантов из Китая // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург. 2008. С. 371-382.

Z.S. Antipina

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

“FACE OF MOLOTOV CITY” IN THE MEMOIRS BY GEORGY SILNETSKII: SOVIET LIFE THROUGH THE EYES OF RUSSIAN REPATRIE

The article examines memoirs written by Russian repatriate Georgy Silnetskii. The author of the article focuses on two aspects of the memoirs: the strategy of maintaining of the Russian identity in diaspora and specificity of shaping the image of the Soviet city viewed by Russian non-Soviet person. It is argued that Russian classical literature played very important role in life of Russian immigrants in the 20th century. In Silnetskii's memoirs the Soviet industrial city is shown by means of description of intellectual and cultural centers (university, theatre) and landscapes (Kama river).

Key words: memoirs of repatriate, Russian émigré culture in China, national identity, the image of the place.

Князева Евгения Александровна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
evg-knyazeva@mail.ru

АНАГРАММА В ЦИКЛЕ О. СЕДАКОВОЙ «ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА»

В статье анализируются особенности функционирования анаграмм на материале стихотворного цикла О. Седаковой «Тристан и Изольда». Особое внимание обращается на анаграммирование имён героев средневековой легенды, а также на воспроизведение в текстах звуко-буквенного состава ключевых мотивов цикла. Кроме этого, рассматриваются некоторые христианские образы, значимые для художественного мира поэзии О. Седаковой.

Ключевые слова: анаграмма, цикл, мотив, христианский контекст.

Анаграмма как средство тексто- и смыслопорождения исследовалась до сих пор преимущественно лингвистикой, однако есть примеры и её литературоведческого изучения. Так, например, В.С. Баевский и А.Д. Кошелев выявляли анаграммы в поэзии Н. Некрасова, В. Соловьёва, А. Блока, В.Н. Топоров – в стихах на «римскую тему» Ф. Тютчева, Вяч. Иванова, О. Мандельштама и др. Обобщая результаты, к которым они пришли, следует признать необходимость рассмотрения особенностей функционирования анаграмм в аспекте трёх сторон коммуникативного события. *Креативная* сторона интересна с точки зрения степени осознанности-неосознанности использования автором принципа «звуковой имитации» ключевого слова или слова, не включенного в процесс выражения основного идейного содержания. *Рецепция* предполагает актуализацию «предсуществующего смысла», т.к. произведение, как считал Н. Гартман, «нуждается в понимающем или узнающем сознании, которому оно может явиться» [Гартман 1958: 127]. Обращение к *референтной*, «предметно-смысловой», стороне позволяет нам анализировать анаграмму в «составе произведения». Вслед за А.П. Скафтымовым мы полагаем, что «в произведении искусства *нет ничего случайного* (здесь и далее курсив мой – Е.К.), нет ничего, что не вызвано было бы конечной устремленностью ищущего творческого духа» [Скафтымов 1972: 23]. В связи с этим необходима «*полнота пересмотра* всех слагающих произведение единиц» и «*сосредоточенность* анализа на точке функционального схождения <...> значимости всех

компонентов» [Скафтымов 1972: 28]. Именно эту задачу мы и будем решать на материале цикла О. Седаковой «Тристан и Изольда».

Цикл включает в себя 15 текстов. Первые три – вступления, создающие контекст восприятия того мира, в котором почти нет Тристана и Изольды как героев. Они незримо присутствуют в ткани текста как узоры бытия. Не случайно в первом вступлении возникает мотив «шитья» (знаковым проявлением его в поэзии Седаковой являются такие строки: «мы вышьем и выткем свое мирозданье...»): «МоНашеСкое пЛаТЬе /Сошьем Себе иЗ Тьмы, /холоДной воДы поПрОсим /и СеверНой Зимы: /она прЕкРаСна, как ТопаЗ, /но С ТРещиНой вНуТри. /Как белЫй ТопаЗ у Самых гЛаЗ, /когда СиДяТ обЛокоТяСь /и гЛяДяТ На фоНаРи» [Седакова 2001: 101]. За счет богатой аллитерации («обломков» анаграммы) имена героев как будто постепенно проявляются в тексте: отголоски давней легенды обретают полноту звучания во времени, приближенном к современному слушателю. Монашеская одежда – знак вхождения в иной мир, облеченный во тьму. Но в нём есть свет, который овеществляется в кристалле топаза с трещиной внутри – драматическим надрывом, мечом, разделяющим двух влюблённых. В сочетании «с трещиной внутри» воспроизводится звуковой состав имени «Тристан», в ряду «холодной воды», «зимы», «белый топаз у самых глаз» – «Из(с)ольда». Седакова намеренно актуализирует «внутреннюю форму» слов. Известно, что Изольда – древнеанглийское сложное слово: «ис» – лед, «вальдан» – господствовать, Тристан восходит к латинскому «tristis», имеющему несколько значений: 1) печальный, скорбный, 2) мрачный, угрюмый, 3) предвещающий беду, зловещий, 4) опасный, грозный, 5) горький. В них уже намечена судьба героя, фабульная канва истории о нём.

Имена, звуки которых рассыпаны в тексте, как будто бы говорят сами за себя: «Тебе понравятся они /и весь рассказ о них. /Быть может, нас и нет давно, /но, как вода вымывает дно, /так мы, говоря, говорим одно: /послушайте живых!» [Там же: 102]. Речь стремится к обнаружению изначальной истории Тристана и Изольды (дна), возможной только в живом говорении. В его описании подчёркивается горечь потери: «Когда я начинаю речь, /мне кажется, я ловлю /одежды уходящий край /кажется, я говорю: Прощай, /не узнавай меня, но знай, /что я, как все, люблю» [Там же]. Слово растворяется в звуке и гаснет. Возникает желание схватить ускользающее, но не для того чтобы зафиксировать означаемое, а для того чтобы обнажить означаемое чувство. «И еСЛи эТо ТоЛько ТЛеН, /и еСЛи эТо в аДу – /я На колеНях у КоЛеН /Стою и гЛаЗ Не Сведу. /И еСЛи Дальше говоРиТь, /ГЛаЗа ЗакРыТь и СЛова ЗабыТь /и руки разжать в уме - /оДежда будеТ говоРиТь, /как кРовь моя, во мНе» [Там же]. Долгий взгляд в темноту, стоя на коленях, как

фигура безнадежного ожидания героини, прерывается нарастающим в ней говором судьбы. Тот же самый «жест» характерен и для поэтессы. Не случайно в имени «Изольтда» мы находим отзвуки ее имени – Ольга Седакова. И та, и другая выражены в лирическом «я»: «Я знаю, что руки мои в крови /и сердце под землей». Жертвенность Тристана («Сердц[ТС]е») неизбежна. Обременённость надындивидуальной волей предопределяет невозможность быть с любимой и гибель (в сочетании «под Землей» «слышится» Изольтда). История играет и автором, делая его убийцей всех, с кем он «имеет дело» в тексте, автором, деконструирующим созданные до него варианты легенды. Слово у Седаковой тоже утрачивает себя, угасая перед произнесением другого, тоже, в свою очередь, исчезающего: «Но свет, который мне светом был /и третий свет надо мной носил /в стране небытия – /был жизнью моей, и правдой был, /и больше мной, чем я» [Там же: 103]. Свет дарует миру слово, но слово лишь его слабый отблеск, мерцающий в «ткани» текста.

Итак, можно заметить, что творческий хронотоп исполняющего первое вступление строится на ключевых знаках мифа о Тристане и Изольтде: вода (океан), любовь, горечь, вина и смерть. Сквозным для всего цикла оказывается мотив тоски – чувства, изначально присущего океану и данного в качестве испытания человеку. В отличие от Изольтды, Тристан предстает перед нами как самостоятельная фигура, имеющая устойчивые характеристики: плывущий, раненый, безнадежно тоскующий. Он противопоставлен совокупному образу мифологических героев, как водная стихия – огненной (ср.: «Плыви, как раненый Тристан» [Седакова 2001: 118] – отшельник с подаяньем отпустил «как погорельцев двух, сбравших на пожар» [Там же: 126]).

Ориентиром в потоке жизни становится звезда. В одном случае поступок Тристана за счет сравнения с ней «просветляет» героя («Мы только так избегнем горя, /отвагой чище, чем вода» [Седакова 2001: 117]), в другом, что показано в тексте «Карлик гадает по звездам», герой оказывается разъят на части и «в себя забит, как гвоздь». Фонетическая перекличка слов «Звезда» – «Гвоздь» (анаграмма «Изольтды») вызывает вопрос: «Кто этикие гвозди вынимает?» Карлик требует ответа-возмездия у Бога: «и ты мученья чистый свет /прочтёшь по мне, как я по звездам!» [Седакова 2001: 124]. Чтение по самому себе – боль и свет одновременно, потому что чистое сердце не говорит, а слышит: «Мой слух наготове», Бог «только слышащее сердце /рвет, словно письмо любви./ И сердце просит: - Разорви!» [Там же: 24]. Человек может лишь молить, но не вопрошать. Так (позволим себе напрашивающуюся параллель) «монах старинный», задаваясь вопросом, кому он подобен, вернул свое мирское отражение (божеский человек не имеет тени): «... зеркало жи-

вое, /крылатое, сторожевое, /журча, спускается к нему - /и отражает ту же тьму, /какую он борол» [Там же: 22]. В знании обретает себя человек. Желая вернуться к Богу, он должен «горе горем прикрывая, слово словом заслоня» собрать всю тьму вокруг себя – «и в ней пройдёт». Нести чужую тьму в себе означает возрождать духовное свечение: «И в ней огонь его горит. /И свет, как притча, говорит» [Там же].

Непосредственный выход в христианский контекст Седакова делает в стихотворении «Ночь». На фонетическом уровне это выражается в анаграммировании слов «роза» и «крест»: «СКвоЗь иЗгоРодь иЗ РоЗ пРоСовывая РуКу /пРеКРаСнейший РаССкаЗ воСпиТываеТ муКу» [Седакова 2001: 125], на образном – в отсылках к явным библейским персонажам («бегущий Агасфер», «Вечный Жид», «Владыка Радости, висящий на кресте»), а также к символике шиповника. Последняя напоминает о цикле Седаковой «Дикий шиповник», в частности о тексте «Ты РаЗвеРнешься в РаСшиРенном СеРдце СтРаданья...» [Там же: 20] Здесь шиповник предстает и как образ мироздания-сада, и как знак неразделённой любви, и как садовник «со спрятанной раной участия», красной розой. Шиповник также – троичный Бог, проникающий в каждое страдающее сердце. Если в одном случае он «ранящий», то в другом – садовник-Христос сам оказывается «ранен» любовью к людям. В стихотворении «Ночь» функция шиповника, на наш взгляд, аналогична. Введение этого образа связано с мотивом наказуемой любви.

Не случайно в тексте «Мельница шумит» Тристан, обращаясь к Богу, просит его «пРоСТить», отпустить на волю сердце, «бРоСиТЬ жиЗнь, как шаР ЗолоТой, Невидимый уму» [Там же: 128]. Шар катится в темноту судьбы, подобно клубку Ариадны, который Тесею помог найти выход из лабиринта. Аналогия возникает из переклички сюжетов средневековой легенды и античного мифа. Также «бросить шар» – значит кинуть жребий, отдавая себя во власть «странной силы», облик которой, «одинокий, пустой», может показаться «первой и лучшей звездой». Следует вспомнить и любимую Седаковой историю о золотых шарах Франциска Ассизского. Она писала, что рождение стихотворения для неё так же «единственно и чудесно», как появление золотого шара. Добавим: слово чудесно, как отблеск света, но трагично как шевеление тьмы.

Завершается цикл монологом отшельника, обрамлённым фразой: «Да сохранит тебя Господь». Она выражает веру, которая может стать для Тристана спасением. Счастье, как пишет Седакова, – «простая /простая коЛьБеЛЬ, Лыковая ЛюЛЬка, /раскачанная еЛЬ» [Там же: 127]. На фонетическом уровне здесь явно воспроизводится слово «люблю». Кроме того, простое бытие сравнивается с плачущим неразумным ребёнком. Вера в отшельнике сопоставляется с зарытым в поле кладом. В

последних строфах снова анаграммируется «крест»: «в пРопаСТи Конца», «недосягаемом СТекле ЗаКРыТого ларца» [Там же: 129].

Поэт, как монах, принимает в себя окружающую темноту, ибо только ему под силу преобразование её в свет: «И задуй мне душу, как свечу, /при которой темноты не видно. /Что ослепнет, то и светится» [Там же: 93]. У него одна цель – ловить «губами целебными» «пораненный воздух», внести его «на руках, как ребенка грудного, /в зацветающий куст» [Там же: 49]. Отсюда ключевой мотив всего творчества – исцеляемое, возделываемое слово. Текст – сад, над которым трудится рука садовника. Поэт создает метаязык, способный гармонизировать в сознании современного человека многообразие культурных источников. Не случайно некоторые исследователи отмечают, что у Седаковой принципиально замкнутый словарь, куда допускаются только узнаваемые слова.

Анаграмма в данном случае оказывается средством проверки связи между текстом и «кодо(во)проницаемым, изоощрённым» читателем, «выступающим как дешифровщик криптограмматического уровня текста» [Топоров 1987: 193]. Важно также, что анаграмма актуализирует смысл, не только лежащий внутри слова, «по ту сторону» буквального значения, но и рождающийся на стыке лексических единиц, способных откликаться друг на друга, вступать в «диалогические» отношения.

Библиографический список

Гартман Н. Эстетика. / Пер. с нем. Т.С. Батищевой и др.; под ред. канд. фило-соф. наук А.С. Васильева. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 692 с.

Скафтымов А.П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках / Сост. Е.И. Покусаева, вступит. ст. Е.И. Покусаева и А.А. Жук. М.: Художественная литература, 1972. 543 с.

Седакова О. Стихи / Сост. А. Великановой. Вступ. ст. С. Аверинцева. М.: Эн Эф Кью/Ту Принт, 2001. 576 с.

Топоров В.Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 195–239.

E.A. Knyazeva

Associate Professor of Russian Language Department
Perm State University

ANAGRAM IN THE CYCLE OF O. SEDAKOVA “TRISTAN AND ISOLDE”

The article analyzes the features of the functioning of anagrams on the material of O. Sedakova's poetic cycle “Tristan and Isolde”. Particular attention is drawn to anagrama the names of the heroes of medieval legend, and reproduction in lyrics sound-letter part of the key motifs of the cycle. In addition, some Christian images significant for the artistic world of O. Sedakova's poetry are considered.

Key word: anagram, cycle, motive, Christian context.

Масальцева Татьяна Николаевна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alba@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В ПЕРМСКОЙ ГАЗЕТЕ «ЗВЕЗДА» ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»

В статье рассматриваются особенности художественно-публицистических текстов в пермской газете периода «оттепели»: тематика, жанровая палитра, особенности творческой манеры пермских публицистов.

Ключевые слова: региональные газеты периода «оттепели», художественная публицистика, очерк, фельетон.

Советские газеты периода «оттепели» запомнились читателям текстами отечественных публицистов, представляющих авторскую точку зрения на проблемы общества. Газетная публицистика этого периода вызывала огромный интерес у аудитории. В период «оттепели» происходили глобальные перемены: активно развивалась общественная мысль, культура, экономика, наложившие отпечаток на последующие десятилетия: «статистика неопровержимо доказывает: десять лет, когда страной управлял Хрущев, были лучшими в советской истории. Вторая половина пятидесятых — время феноменальных достижений советской экономики» [Млечин 2012: 7]. СМИ этого периода «стали более терпимыми, человечными, тематика их публикаций приблизилась к реальной жизни. Стало возможным высказывать ранее не поощрявшиеся идеи. Публиковать произведения, показывающие не упрощенную идеологизированную схему жизни, а рисующие сложности и противоречия бытия, поднимающие проблемы нравственного выбора» [Гуревич 2004: 51], «сквозь строки о победных реляциях начинала проглядывать реальность повседневной жизни, постепенно выстраивались проблемные подходы к восприятию действительности» [Стровский 1998; 187]. В газетах оттепели возникал «феномен публицистического “прочтения” духовных и социальных вопросов современности силами журналистики, ориентированной на массовую аудиторию» [Марущак 2009].

Востребованным жанром в газете «Звезда» рассматриваемого нами периода был портретный очерк, чаще биографический, авторы которого старались продемонстрировать читателю процесс поиска героя, его дви-

жение мысли «в процессе открытия, изобретения, создания художественного произведения, а также о чувствах, которые владели в это время человеком» [Григорьева 2010: 167]. О популярности таких публикаций свидетельствуют цифры: в 1956 году было опубликовано 30 портретных очерков (8 из них юбилейных), в 1957 году – 27 очерков (11 юбилейных).

Основным героем был человек-труженик, изобретатель, творческий человек, ученый. Поскольку в передовых статьях газеты речь шла об ускорении научно-технического прогресса и соединении науки с производством, очерки посвящались труженикам, применявшим новаторские методы в своей работе. Портретные очерки выходили под рубриками «Рассказы о советских людях», «Наши земляки», «Передовики шестой пятилетки», «За технический прогресс», «Знатные люди колхозной деревни», «Передовики социалистического соревнования», культивируя в читателе любовь к труду и уважение к труженику.

В заголовках авторы часто обозначали профессию и фамилию героя: «Композитор Александр Клещин» (1957, 7 февр. (№ 32)), «Мастер лесозаготовок К.И.Пьянкин» (1957, 11 янв. (№ 9)), «Доярка Ксения Кетова» (1956. 13 мая (№ 9)), «Почетный шахтер М. Ф. Яркин» (1956. 13 мая (№ 9)) и т.д. Как правило, эти очерки сопровождались фотоснимками героев публикаций.

Авторы портретных очерков газеты «Звезда» старались представить своих героев не только передовиками производства, но и реальными живыми людьми. Например, Н. Фоминых в очерке «Доярка Ксения Кетова» изобразил свою героиню жизнерадостной девушкой, которая радуется успехам своего колхоза, узнав о своей победе в соцсоревновании, радостно поёт частушки, с душой рассказывает о своих подопечных коровах, тянется к знаниям, которые творчески воплощает в жизнь.

Внимание журналистов «Звезды» привлекали и люди творческих профессий, вдохновлявшие советский народ на трудовые подвиги, дающие «пищу для души». В очерке О. Подъянова «Композитор Александр Клещин» рассказывается о музыканте, который вырос и учился в Коми округе, прошел серьезную подготовку в музыкальном училище им. Гнесиных, и писал мелодии на стихи коми-пермяцких авторов «о труде и судьбах советских людей». Диапазон приемов создания образа героя был достаточно широк, начиная от характеристики его трудовой, художественной или научной деятельности и кончая сведениями о творческих замыслах; основными творческими методами были для публицистов «Звезды» воспроизведение речи героя в диалогах с окружающими, деталей окружающей обстановки, главный акцент делался на творческих исканиях личности, путях её становления.

Юбилейные очерки посвящались знаменитым людям прошлого, формируя систему ценностей советского читателя. В этой системе отводилось должное место «великому русскому писателю» Ф.М. Достоевскому, «представителю украинской культуры» И. Франко, «выдающемуся теоретику и талантливому распространителю марксизма, борцу за научное материалистическое мировоззрение» Г.В. Плеханову, «крупнейшему деятелю итальянской революционной демократии» Дж. Гарибальди, «основоположнику великой русской музыкальной классики» М.И. Глинке, «рыцарю революции» Ф.Э. Дзержинскому, «выдающемуся мастеру русской оперы» Л.В. Собинову, «мастеру портрета» В.А. Тропинину, «певцу русской природы – пейзажисту» И.И. Шишкину. Авторы юбилейных очерков пытались помочь читателю сформировать соответствующую советской действительности систему взглядов на историю, науку, искусство. Например, А. Цветова в очерке о Рембрандте сосредоточила внимание читателя на постоянной борьбе художника за правдивость изображения: «Глубокая народность, чувство правды, страстная любовь к жизни и человеку делают искусство Рембрандта близким нашей современности» (1956, 12 мая (№ 111)). Некоторые юбилейные очерки перепечатывались из центральных газет: например, тексты публициста Д.И.Заславского («Великий мастер английской сатиры», 1956, 27 июля (№ 148); «Федор Михайлович Достоевский», 1956, 9 февр. (№ 33)) или украинского литературоведа А.И. Белецкого («Великий украинский писатель и общественный деятель», 1956, 26 авг. (№ 160)).

Был востребован в «Звезде» периода «оттепели» и путевой очерк. 14 марта 1956 года текстом «Соликамск» открылся цикл путевых очерков под рубрикой «Города нашей области». Всего было опубликовано 8 очерков, посвященных городам Соликамску, Кудымкару, Красновишерску, Кунгуру, Гремячинску, Кизелу, Краснокамску, Александровску. Авторы путевых материалов интересовало развитие малых городов области. Повествование о темпах строительства промышленности, трудовых успехах коллективов предприятий дополнялось рассказом о прошлой жизни городов, их культурной жизни и описаниями красот окружающей природы. Так в очерке Б. Работкина «Кунгур» (1956, 24 мая (№ 120)) имелось развернутое описание кунгурской ледяной пещера, которую посещают экскурсанты со всех концов Советского Союза. В очерке Н. Фоминых «Кудымкар» (1956, 11 апр. (№85)) характеризовалась и оценивалась деятельность профессионального ансамбля песни и пляски – «профессиональной гордости всего коми-пермяцкого народа». Описание и анализ проблем малых городов дополняли их образ, делая его максимально приближенным к реальности: в очерке С. Завьялова

«Красновишерск» (1957, 6 июня (№136)) критиковалось некачественное водоснабжение города, жители Кунгура отмечали отсутствие внимания городских властей к благоустройству улиц.

В 1957 году публикация путевых очерков продолжалась в рубрике «Этого не было на карте»: речь шла о молодых городах и поселках Пермской области, основанных в послевоенные годы (Коспаш, Широковский, Чайковский, Гремячинск). Читатель мог убедиться: советский народ «отодвигает» тайгу, железными дорогами соединяет населенные пункты. Строятся дома, стадионы, ясли и школы, дома культуры и клубы, открываются кафе, аптеки и ателье мод, асфальтируются улицы, которые еще недавно были лесными тропинками – авторы с чувством гордости рисуют образы развивающихся городов для благополучной жизни человека-труженика. Например, В.Чесноков в очерке «Боровск» (1957, 24 июля (№ 172)) описывает город: «Бурное развитие промышленности вызвало и рост города. Молодой Боровск ширится с каждым годом. Там где лет двадцать назад шумели сосны, вырос город с прямыми улицами, с двух- и трехэтажными домами. Примечательно то, что город строится быстро и неплохо благоустраивается... В отличии от других городов области Боровск утопает в зелени... есть все, что должно быть в городе: несколько библиотек, школы, клубы, хороший стадион, много магазинов, детские сады и ясли».

Весьма популярен в газете «Звезда» был и жанр фельетона, публиковавшийся в соответствующей рубрике. «Рубрика-ремарка “фельетон” оказывается далеко не лишней, читателя как бы заранее предупреждают – не верь глазам своим! Это только внешне похоже на сказку (статью, детектив), а по сути – фельетон» [Шибяева 2001]. В пермской газете «Звезда» под рубрикой «Фельетон» в 1956-1961 гг. было опубликовано 173 материала: фельетонные тексты появлялись примерно раз в две недели, в данном жанре работало большое количество авторов. Проблемами, отраженными в фельетоне, были проблемы с трудовой дисциплиной, халатность и безразличие к работе, казенщина, бюрократизм и равнодушные руководства, бытовое хамство, отсутствие порядочности и т.д. Возрождается стихотворный фельетон, который для газеты создают пермские поэты А.Матросов (1957, 4 авг. (№ 182)) и Б.Ширшов (1957, 17 июня (№ 10)).

С 1956 года в пермской газете «Звезда» появилась рубрика «Сор из избы» – сатирический мини-журнал, в котором публиковались маленькие фельетоны и язвительные четверостишья, иллюстрируемые карикатурами. Выходили эти выпуски на четвертой полосе издания. Материалами рубрики были как отрывки из писем читателей в редакцию, так и

фельетонные тексты - отклики на обращения читателей (с пометками «По письму читателей» или «Из письма читателя»).

Постоянным автором рубрики «Фельетон» был автор, пишущий под псевдонимом «Г.Алешин». По материалам исследования М.Н.Матвеевой этот псевдоним принадлежал литсотруднику газеты Герману Александровичу Меньшикову (ПГАСПИ. Ф.78.Оп.12.Д. 258). Именно он был назначен руководителем группы по рубрике «Сор из избы» [Матвеева 2015: 51].

Объектами сатиры для Г. Алешина чаще всего являлись руководители разных уровней, для которых бюрократия, казнокрадство, волокита и самодурство были нормой жизни (фельетоны «Химкомбинаторы», «Горгаз и керогаз», «Бахусовы радетели», «Куда кривая вывезет» и др.). Он часто обращался к письмам читателей газеты в поисках тем для своих публикаций, использовал формы и стиль разных жанров (фельетон-драма, фельетон-сказка, фельетон – эпистолярный роман), выбирал такой образ повествователя, глазами которого ситуация выглядела бы максимально комичной. Так в фельетоне «Невысказанные мысли» (1957, 9 февр. (№34)) повествование ведется от лица главного героя, который рассказывает о своих мытарствах после, счастливой женитьбы на любимой девушке. Руководитель предприятия, на котором работает главный герой, оказался недоволен выбором молодожена: «невеста не из их тresta», поэтому отказывается предоставлять жилье, потом предлагает дать «расчет по собственному желанию». В фельетоне Г. Алешина объектом сатиры оказывается не только проблема с жилищным вопросом, но и отсутствие человечности и желания услышать своих подчиненных у руководства.

Журналисты «Звезды» старались сделать газету интересной читателю, во всем многообразии показывая в своих публикациях жизнь области. Особой популярностью в «Звезде» в исследуемый период пользовались очерки и фельетоны, которые выходили, чуть ли не в каждом втором номере газеты. В период «оттепели» особенно востребованным был фельетон, осуществлявший критику элементов государственной системы, порядков социалистического социума, действий администрации, нравственности советских граждан.

Библиографический список

Григорьева Л.М. Биографический очерк в современной российской журнальной периодике. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. М., 2010. [Электронный ресурс] // URL:<http://www.dissercat.com/content/biograficheskii-ocherk-v-sovremennoi-rossiiskoi-zhurnalnoi-periodike>. Дата обращения: 20.06.2019.

Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. Учебное пособие для вузов. М.: Изд.-во Аспект Пресс, 2004.

Марущак А.В. Отечественная публицистика периода оттепели. Барнаул, 2009.: [Электронный ресурс] // Сайт электронной библиотеки диссертаций // URL: <http://www.dissercat.com/content/otechestvennaya-publitsistika-perioda-ottepeli/> Дата обращения: 01.12.2019

Матвеева М.Н. Художественная публицистика регионов периода оттепели: творческий портрет журналиста «Звезды» Г. Алешина . Дипломная работа. Пермь: ПГНИУ, 2015.

Млечин Л.М. Брежнев. Разочарование России. СПб.: «Питер», 2012 // URL: <http://www.litmir.me/br/?b=153921&p=1>. Дата обращения: 20.06.2019.

Стровский Д.Л. История отечественной журналистики новейшего периода: лекции по курсу. Екатеринбург, 1998.

Шibaева Л. В. Жанры в теории и практике журналистики. Ростов: Изд-во Ростовского гос. университета , 2001: [Электронный ресурс] // <http://www.evartist.narod.ru/text3/82.html>. Дата обращения: 20.06.2019.

Masaltseva T.N.

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

ARTISTIC JOURNALISM IN THE PERM NEWSPAPER “ZVEZDA” OF THE “THAW” PERIOD

The article deals with the features of artistic and journalistic texts in Perm newspaper of the “thaw” period: themes, genre palette, features of creative manner of Perm publicists.

Key words: regional Newspapers of the “thaw” period, artistic journalism, essay, feuilleton

Моисеева Анна Александровна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
akunevich@mail.ru

АНДЕРСЕНОВСКИЕ АЛЛЮЗИИ В СТИХОТВОРЕНИИ Н.С. ГУМИЛЕВА «КИТАЙСКАЯ ДЕВУШКА»

В статье анализируется стихотворение Н.С. Гумилева «Китайская девушка» в контексте долговременного увлечения автора китайской образностью. При этом особое внимание уделяется образу механической птицы, который появляется в указанном произведении Н.С. Гумилева, предположительно, под влиянием сказки Г.Х. Андерсена «Соловей»; определяются его значение и функции.

Ключевые слова: образы Китая и китайской девушки, образ механической птицы; поэзия Н.С. Гумилева, сказки Г. Х. Андерсена; аллюзии; взаимодействие русской, европейской и китайской культур.

Об увлечении Н.С. Гумилева Китаем и образами китайской культуры говорилось неоднократно. При этом общеизвестно, что это увлечение не было вызвано непосредственными впечатлениями от пребывания в стране, поскольку в Китае, в отличие от государств Африки и Европы, поэт, к сожалению, никогда не был. Как отмечает в своей статье О.И. Федотов, Н.С. Гумилёв шёл к этой теме «наощупь, стихийно, питаюсь не реальными впечатлениями, а мифами о загадочной стране на Востоке» [Федотов 2003: 2]. По общему мнению, это увлечение было порождено знакомством с литературой о Китае и некоторыми образцами китайского и стилизованного под китайское искусства. Исследователями установлен факт знакомства Н.С. Гумилева с трудами известного русского миссионера-синолога XIX века о. Иакинфа (в миру – Никиты Яковлевича Бичурина), также не вызывает сомнений и интерес поэта к китайским коллекциям Кунсткамеры, существенно пополненной за период руководства этим музеем академиком В.В. Радловым (с 1894 по 1918 гг.), а также парижского музея Гимэ.

Однако есть основания предполагать, что интерес Н.С. Гумилёва к Китаю только укрепляется в процессе ознакомления с плодами научных экспедиций и исследований, а произрастает из визуальных, эмоционально-окрашенных впечатлений детства. В частности, Е.Ю. Раскина пишет: «Косвенное, опосредованное знакомство Гумилёва с китайской культурой началось в ранний царскосельский период, поскольку в Екатеринин-

ском дворце, Китайской деревне и Китайском театре было сосредоточено немало китайских “диковин”» [Раскина 2008: 95]. Спроектированные в XVIII веке по приказу Екатерины II Китайский театр – рунированное здание придворного летнего театра – и расположенная неподалеку от него Китайская деревня – комплекс из десятка одноэтажных домиков в китайском стиле («шинуазри») и трёх стилизованных же мостов, Драконова, Крестового и Большого китайского, – несомненно, могли ассоциироваться у художника слова с детством и ранней юностью, проведенными в Царском Селе. Возможно, отчасти и этим, а не только литературными ассоциациями с творчеством А.С. Пушкина, Ф. Рабле и Ш. Бодлера, объясняется формирование особой семантики рая, которой наделяется образ Китая в стихах Н.С. Гумилева: «В рамках мифа о грехопадении и покидании “заветного рая”, намеченного в начале “Путешествия в Китай”, Гумилёвский Китай может естественным образом рассматриваться и как “возвращенный рай” <...>» [Баскер 1991:21].

Ассоциация «рай – детство» относится к числу весьма распространенных в мировой культуре, и наличие её в ассоциативном комплексе «китайских стихов» Н.С. Гумилева подтверждается присутствием в них же образов детей и детства: *Тот дом, где я играл **ребенком**, / Пожрал беспощадный огонь <...> Казалось, все радости детства / Сгорели в погибшем доме <...>*» (Н.С. Гумилев «Дом») [Гумилев т.2, 2000:224]; *Из дому слышно гуденье, / Там занимаются **дети**, / Новорожденный кричит. / Тот, кто живет этой жизнью, / Полное знает блаженство. / Что ему деньги и слава, / Если он верит, что **детям** / Должно его пережить?* [Гумилев 2000: II, 56].

Наконец, главными героями недописанной «китайской поэмы» Н.С. Гумилева «Два сна» (1918 г.) являются дети: *благодравная* девочка Лай-Це и *большеголовый* мальчик Тен-Вей, к которым относятся в тексте слова мудрого посла из Тонкина: *Здесь, в мире горестей и бед, / В наш век и войн и революций, / Милей забав **ребячих** – нет, / Нет глубже – так учил Конфуций* [Гумилев 2000: II, 348]. Сохранившиеся фрагменты поэмы пронизаны атмосферой идиллической первой детской влюбленности, доброй сказки, несмотря на обилие экзотических деталей восточного быта (наподобие *старинного бронзового дракона на каменных воротах* или *варенья из персиковых лепестков*), напоминающей читателю не столько о классических древнекитайских текстах, сколько о райском розовом садике андерсоновских Кая и Герды. В этой связи представляется уместным вспомнить свидетельство биографа поэта В.К. Лукницкой: «Всегда любил первую свою книжку – сказки Андерсена. Ахматова рассказывала, как Гумилев ревниво хранил эту книгу и, уже знаменитым поэтом, любил перечитывать ее» [Лукницкая 1990: 18].

В уже упомянутой выше работе исследователя Е.Ю. Раскиной обосновывается мысль, что определяющим для «китайских стихов» Н.С. Гумилева является влияние Юдифь (Жудит) Готье (псевдоним – Мендес), родной дочери горячо любимого им другого французского писателя, Т. Готье, хозяйки литературного салона «Отель Синего Дракона», автора сборника стихов «Яшмовая книга» (1867) и романа «Императорский дракон» (1869). Естественно, однако, предположить, что «определяющее» влияние, конечно же, не было единственным.

Гипотеза первичного моделирования художественного образа Китая Н.С. Гумилевым посредством детских впечатлений и представлений о «рае детства» (включая образы любимых сказок автора) может быть полезна для понимания одного из самых загадочных «китайских» текстов Н.С. Гумилева, стихотворения «Китайская девушка» (1914 г.).

Помимо вопросов, связанных с его происхождением (авторское стихотворение или перевод чужого текста неустановленного автора, авторизованный перевод с русского на французский или наоборот), произведение интересно уже хотя бы тем, что относится к числу не слишком многочисленных в поэтическом наследии Н.С. Гумилёва ролевых стихотворений от женского лица: оно построено как развёрнутое высказывание непосредственно от лица китайской девушки:

*Голубая беседка
Посредине реки,
Как плетеная клетка,
Где живут мотыльки.*

*И из этой беседки
Я смотрю на зарю,
Как качаются ветки,
Иногда я смотрю;*

*Как качаются ветки,
Как скользят челноки,
Огибая беседки
Посредине реки.*

*У меня же в темнице
Куст фарфоровых роз,
Металлической птицы
Блещет золотом хвост.*

*И, не веря в приманки,
Я пишу на шелку
Безмятежные танки
Про любовь и тоску.*

*Мой жених все влюбленней;
Пусть он лыс и устал,
Он недавно в Кантоне
Все экзамены сдал.
[Гумилев 2000: I, 368]*

О.И. Федотов отмечает, что это стихотворение предвосхищает «по сути дела, все основные мотивы “Фарфорового павильона”»: «мотивы расположившейся “посредине реки” “беседки”, которая превратится потом в “павильон”, “челнока” – прообраза лейтмотивной “лодки остроносой”, “маленькой лодки”, “лодки моей” и “лёгкой ладьи”, а также фирменно-китайский эпитет “фарфоровых” по отношению к “розам”, который будет вынесен в название цикла и в зачин инициального стихотворения (“павильон фарфоровый”))» [Федотов, 2003: 5] и считает его главную героиню той же самой девушкой, что *С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов, / Внимательно слушая лёгкие, лёгкие звоны* в стихотворении Н.С. Гумилева «Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец...» (1911 г.) [Гумилев 2000: II, 190].

Между тем, в тексте, написанном от лица «китайской девушки», перечисленные мотивы, во-первых, имеют негативные семантические оттенки, не характерные для поздних стихотворений «Фарфорового павильона»: беседка здесь – отнюдь не дружественный приют, а *клетка, темница*; челноки же, вместо того, чтобы возить героиню по течению бурной реки, *скользят, огибая беседки*, в одной из которых она заточена, т.е. проплывают мимо. Во-вторых, наряду с указанными мотивами, присутствуют те, что не имеют прямых аналогов в других текстах Н.С. Гумилева. В частности, хотелось бы обратить внимание на образ *металлической птицы, у которой блещет золотом хвост*. Очевидно, это именно её, в совокупности с *фарфоровыми розами*, героиня в следующей строфе относит к *приманкам*, которым она *не верит*.

Мотив приманки, ложной, искусственно созданной и губительной для героя / героини ценности, возникающий в связи с образами не настоящих, искусственных птицы и роз как представляется, генетически восходит именно к сказочному миру Г.Х. Андерсена, в первую очередь, к его знаменитым сказкам «Свинопас» (1841 г.) и «Соловей» (1843 г.).

«В эстетике Андерсена природа противопоставляется искусственности, жизнь – “механике”. В этом противопоставлении ясно слышны отзвуки романтической эстетики» [Сильман 1974: 6]. Именно поэтому, когда в сказке «Свинопас» дочь императора отвергает предложение принца из-за «неинтересных» подарков, живого соловья и настоящей розы, но готова целоваться со свинопасом ради обладания затейливыми механическими игрушками, горшочком и трещоткой, она совершает одну роковую ошибку за другой. По этой же причине чуть было не погибает император, отказавшийся от дружбы с живым соловьём, ради удовольствия обладать его драгоценной механической копией в сказке «Соловей».

Что касается незадачливой подруги свинопаса, Г.Х. Андерсен не сообщает читателям, дочерью какого именно императора она является, однако национальность императора из сказки «Соловей» уже не вызывает никаких сомнений, поскольку уже в самом начале сказки автор напоминает о следующей нехитрой истине: *В Китае, как ты знаешь, и сам император и все его подданные – китайцы* [Андерсен 1974: 257].

Именно на механического соловья – соперника подлинного певца – больше всего похожа загадочная металлическая птица с блестящим золотом хвостом из стихотворения Н.С. Гумилева: *Стоило завести птицу – и она начинала петь одну из мелодий настоящего соловья и поводить хвостиком, который отливал золотом и серебром* [Андерсен 1974:261].

Показательно, что основополагающая для осмысления андерсоновской сказки тема творчества напоминает о себе и в стихотворении русского поэта: *Не веря в приманки – отвергая искушение императоров и их дочерей? – героиня Гумилева сообщает: Я пишу на шелку / Безмятежные танки / Про любовь и тоску* [Гумилев 2000: I, 368]. В каком-то смысле она сама оказывается соловьём, заточенным в роскошной беседке-клетке, наподобие андерсеновского персонажа в период благоволения к нему императорского двора.

Отметим, что эпитет «безмятежные» в отношении стихов о любви и тоске для русского читателя звучит достаточно странно, даже не вполне естественно, но можно предположить, что его выбор объясняется спецификой «западного» восприятия восточной поэзии в целом, как тяготеющей к созерцательной безмятежности и отстраненности буддизма, изображению вечной гармонии бытия.

Любопытно, что китайская девушка избирает для своих стихов классический японский жанр лирики танка, а не, к примеру, китайский юэфу или цзюэцзюи, что, вероятно, вызвано желанием автора соединить в сказочном образе Китая достоинства нескольких восточных культур.

Собственно, и у Г.Х. Андерсена император Китая на протяжении сказки ведёт формально дружественную переписку с императором Японии, в ходе которой последний и присылает ему в дар поющий механизм.

Способность китайской девушки к созданию стихов – творчеству как таковому – представляется весьма значимой не только в контексте андерсоновских аллюзий, но и непосредственно в свете развития китайской темы в поэзии Н.С. Гумилева: если в предшествующих «китайских» стихах она была намечена пунктиром (при желании с темой творчества могут быть соотнесены мечта героя о возрождении древних плясок *в зарослях алоэ* из стихотворения «Царица» 1908 г. [Гумилев 2000: I, 189] , образ писателя Рабле как предводителя мореплавателей в «Путешествии в Китай» 1909 г. [Гумилев 2000: I, 209], мотив лёгких звонов фарфорового колокольчика-сердца в стихотворении «Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец...» 1911 г. [Гумилев 2000: II, 190], наконец, песня китайца в «Возвращении» 1912 г. [Гумилев 2000: I, 340]), то в большинстве последующих, вошедших в состав гумилевского сборника 1918 года «Фарфоровый павильон», она существенно усиливается. Сам образ традиционно олицетворяющего Поднебесную Империю китайского дракона постепенно «начинает восприниматься как покровитель поэзии и поэт, одно из воплощений творческого начала» [Моисеева 2017: 16], в подтверждение чего можно привести следующие цитаты:

*Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам*

(Н.С. Гумилев «Я и Вы», 1918) [Гумилев 2000: II, 16]

*И в этом павильоне несколько
Друзей, одетых в платья светлые,
Из чаи, расписанных драконами,
Пьют подогретое вино*

(Н.С. Гумилев «Фарфоровый павильон», 1918) [Гумилев 2000: II, 45]

*Во взоры поэтов, забывших про женщин,
Отрадно смотреться луне,
Как в полные блеска чешуи драконов,
Священных поэтов морей*

(Н.С. Гумилев, «Поэт (Я слышал из сада, как женщина пела...)», 1918) [Гумилев 2000: II, 54].

Способность представительницы женского пола к творчеству, актуализированная в стихотворении «Китайская девушка», в первую очередь, наводит на весьма банальную для исследований творчества Н.С. Гумилева ассоциацию с его первой женой А.А. Ахматовой, которой

уже было ранее (в 1912 году) официально посвящено одно из «китайских» стихотворений мужа – «Возвращение», где появляется загадочный андрогинный образ поющего спутника-китайца с чёрной косой. По свидетельству биографов, отношения супругов в 1914 году, перед отправкой Н.С. Гумилева на фронт, оставляли желать лучшего: «был такой случай: Николай Степанович предложил АА развод (!)» [Лукницкая 1990:163], чему воспрепятствовало возмущение матери поэта, Анны Ивановны Гумилевой.

Возможно, именно переживанием семейного кризиса в совокупности с предчувствием социальной катастрофы (именно в июле 1914 года, когда было написано стихотворение «Китайская девушка», начинается Первая мировая война) объясняется возникновение в рассматриваемом тексте негативных мотивов заточения и приманки, как отмечалось выше, не характерных для присущего Н.С. Гумилеву восприятия Китая в качестве некоего идеального «райского» пространства. Этими же биографическими факторами, вероятно, может быть объяснен также и недобрый иронический контраст между образом идеального сказочного возлюбленного, чьё появление казалось бы закономерным в жизни девушки-соловья, и намеренно приземлённым образом её жениха в тексте: *Мой жених все влюбленней; / Пусть он лыс и устал, / Он недавно в Кантоне / Все экзамены сдал* [Гумилев 2000: I, 368].

Сказочное детство, развёрнутому изображению которого, по видимому, должна была быть посвящена упоминавшаяся ранее «китайская» поэма Н.С. Гумилева «Два сна», неожиданно уступает здесь место старению. Впрочем, объяснение этому также можно найти в знаменитой андерсоновской сказке: гармония в отношениях между соловьем и императором устанавливается после того, как певец отгоняет от прежнего друга его смерть. При этом побывавший на самом краю жизни владыка естественно воспринимается читателем как старый, несмотря на то, что подлинный его возраст не указывается в произведении. Такому восприятию способствует и противопоставление в тексте двух императоров, старого и нового: *Провозгласили уже нового императора, но народ толпился на улице и спрашивал первого приближенного императора о здоровье своего старого повелителя* [Андерсен 1974: 264].

В произведении «Китайская девушка» избавления ожидает именно одаренная творческой способностью героиня, отвергшая искушение искусственными розами и птицей, однако хватит ли сил освободить её лысому и усталому жениху-чиновнику, остаётся открытым вопросом.

Библиографический список

Андерсен Г.Х. Сказки и истории, пер. с датского. Т.1. Кишинев: Лумина. 1974. 576 с.

Баскер М. Гумилев, Рабле и «Путешествие в Китай»: К прочтению одного прото-акмеистического мифа // Н. Гумилев и Русский Парнас: Материалы научной конференции 17-19 сентября 1991 г. / Сост. И. Кравцовой, М. Эльзона. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, 1992. С. 5–24/

Гумилев Н.С. Собрание сочинений в 3-х томах. Стихотворения. Поэмы. М.: Олма-Пресс, 2000. 3 т.

Лукницкая В.К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. 302 с.

Моисеева А.А. Образ китайского дракона в поэзии русского модернизма // Диалог культур: Россия и Китай на новом Шелковом пути: материалы междунар. науч. конф., (г. Пермь, 11 апр. 2017 г.) / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. иссл.-ун-т. Пермь, 2017. С. 98–104.

Раскина Е.Ю. Образы китайской культуры в творчестве Н.С. Гумилева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. №4 (2) С. 93–97.

Сильман Т.И. Сказки Андерсена // Андерсен Г.Х. Сказки и истории, пер. с датского. Т.1. Кишинев: Лумина. 1974. С. 5–22.

Федотов О.И. Китайские стихи Гумилёва. Версификационная поэтика цикла. // Литература. № 37 (508), 2003. С. 2–7.

A.A. Moiseeva

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

ALLUSIONS TO ANDERSEN IN POEM BY N.S. GUMILEV “CHINESE GIRL”

In this article you can find analysis of the poem “Chinese Girl” by N.S. Gumilev in the context of his long-term passion of Chinese images. At the same time the author analyzes an important image of mechanical bird which, probably, connects with fairy-tale “The Nightingale” by Andersen. Also we try to determine its value and functions.

Key words: images of China and Chinese Girl, image of mechanical bird; lyrics by N.S. Gumilev, fairy-tales by Andersen; allusions; interaction of Russian, European and Chinese cultures.

Роготнев Илья Юрьевич
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
rogotnev05@mail.ru

ПУШКИНСКИЕ ДВУСТИШИЯ НА ПЕРЕВОД «ИЛИАДЫ»: РЕГИСТРЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье предлагается описание уровней литературной поэтики на материале сверхкратких поэтических текстов. Анализ авторитетных теоретических концепций позволяет говорить о двух базовых уровнях поэтики литературного произведения. Применение данной концептуальной модели в анализе текста позволяет говорить о нескольких регистрах анализа, которые могут варьироваться в зависимости от поставленных филологом вопросов, но всегда должны выстраиваться с учетом двуслойной природы литературной поэтики.

Ключевые слова: поэтика, филологический анализ, внутренняя форма произведения, содержание.

Структура литературного произведения является одним из базовых вопросов теоретической поэтики. В то же время из актуального поля современной филологической науки проблема изъята достаточно давно: некоторые модели литературного произведения изложены теоретиками в классических трудах и «реанимируются» в основном в учебных аудиториях. Вопрос об адекватной структурной модели произведения имеет большое значение в аналитической практике, где он трансформируется в проблему уровней (и регистров) филологического анализа. Как правило, отечественные учебные издания по теоретическому литературоведению и анализу текста рассматривают в качестве базовых категории «форма» и «содержание» (с разной степенью детализации этих «уровней»). На наш взгляд, наиболее плодотворные теоретические поиски в литературоведении прошлого столетия были связаны со снятием формально-содержательного дуализма при описании произведения как целого.

В настоящей работе излагаются аналитические и теоретические размышления, сформировавшиеся у автора в ходе обучения студентов-филологов литературоведческому анализу: описан опыт учебного разбора двух небольших поэтических текстов и методологическая рефлексия по поводу полученных результатов и примененных процедур. В методических целях мы попытались дать метаописание текстов и их интерпретацию, избегая употребления категорий «Форма» и «Содержание».

1. Учебный анализ текстов

Наш анализ мы постараемся снабдить элементами рефлексии касательно того, в каком регистре необходимо располагать тот или иной вывод, то или иное наблюдение. В качестве промежуточной конструкции («строительных лесов» для последующей рефлексии) предлагаем модель четырех уровней анализа.

Аналитическая практика литературоведов, как правило, разворачивается в следующих регистрах: 1) анализ поэтического языка (в узком смысле) – речевого строя произведения, включая фонику и стилистику; 2) толкование образного строя (субъектной организации, пространства и времени, сюжета, художественной подробности) – слоя эстетических подобий. Этим вопросам, пожалуй, не избегает ни один литературовед, однако ими анализ текстов не ограничивается; введем в нашу конструкцию еще два уровня: 3) реконструкция некоторой Системы – индивидуального поэтического кода (в качестве примеров назовём классическую работу Р.О. Якобсона о статуе в поэтической мифологии А.С. Пушкина [Якобсон 1987], которая нашла продолжение в структуральных исследованиях [Лотман 2003; Вайскопф 2003, и др.]); 4) выявление связей текста с т. н. действительностью, то есть контекстом произведения. Вспомним, например, исследования «духовного пути» Пушкина, когда в концептуальное жизнеописание включаются интерпретации текстов; образцами таких исследований можно считать работы Б. Васильева [Васильев 1995], И.З. Сурат [Сурат 1990] или относительно недавнюю статью Т.А. Касаткиной, в которой эксплицированы методологические проблемы духовно-биографических разысканий [Касаткина 2016]; во всех названных трудах ставится проблема мистической любви поэта к Мадонне и её отражения в жизни и поэзии Пушкина. Этот пример нам понадобится для иллюстрации одного из наших выводов.

В 1830 году А.С. Пушкин написал два стихотворения по случаю издания русского перевода бессмертной поэмы Гомера:

1) НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;

Старца великого тень чую смущенной душой.

[Пушкин 1959: 325]

2) К ПЕРЕВОДУ ИЛИАДЫ

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,

Боком одним с образцом схож и его перевод.

[Пушкин 1959: 336]

Второй текст не предназначался для публикации и был в рукописи старательно зачеркнут рукой поэта: вероятно, физическое увечье Н.И. Гнедича (переводчика «Илиады») не представлялось Пушкину допустимым предметом для шутки.

Первое двустишие является хвалой Гнедичу и его переводу. В первом регистре мы можем проанализировать язык хвалы – полный сугубо книжных оборотов, как то: эпитет *божественная*, инвертированный перифраз *старец великий*, устойчивый символ *тьень* в значении ‘дух, призрак’. Названные единицы являются не столько тропами (оказиональными экспрессивными средствами), сколько топосами – выразительными «общими местами». Тропом является композитивное словосочетание *Слышу умолкнувший звук* (оксюморон). Ослабленным оксюморонам, едва ощутимым в силу многозначности глагола является и сочетание *чую душой* (основное значение *чувать* связано с активностью органов чувств). С этим же глаголом образован еще один оксюморон на ту же тему: *тьень чую*.

Чаще всего студенты определяют размер двустиший как гекзаметр, который здесь не только конвенционален (опознается как маркер определенных поэтических тем), но и аллюзивен (отсылает к метрике принятого Гнедичем перевода). Основу размера, как принято считать, составляет дактилическая стопа, которая может претерпевать спорадическое усечение до хорей, а также аранжироваться анакрузами – сверхсхемными слабыми слогами в начале стиха. Таким образом, гекзаметр – это разновидность дольника, употребляемая, как правило, в антологической поэзии. У Пушкина же дольник превращается в тактовик. Междиктовый интервал (объем безударных позиций между ударными слогами – иктами) варьируется не от 2 до 1, но от 2 до 0 (именно широкая амплитуда колебания отличает тактовик от дольника): один ударный слог *тьень* во втором стихе занимает позицию целой стопы. Такие усечения третьей стопы с последующей цезурой уже модифицируют гекзаметр в пентаметр – размер античных эпиграмм (о русском гекзаметре и его вариациях в поэзии Пушкина см.: [Бонди 1978]).

Метрика, ритмика, строфика могут рассматриваться как иконические знаки. Метрическая основа, гекзаметр/пентаметр, напоминает (изображает) поэтический размер перевода, который в свою очередь призван напоминать гекзаметры Гомера. Метризация речи служит здесь очевидным знаком чужой метризованной речи. Значимое метрическое смещение рассчитано на знатоков, понимающих как структурную изысканность, так и жанровую маркированность пентаметра. «Как известно, поэтический язык Золотого века, регламентированный жанровой спецификацией, более или менее ограниченным репертуаром лирических сюже-

тов, вовсе не безграничным набором топосов и поэтических формул, был, тем не менее, необычайно богат благодаря практически безграничным возможностям оркестровки всех этих элементов. Однако требовался поистине утонченный слух, чтобы уловить заново обретенные нюансы, возникающие, например, в результате того, что тот или иной топос перемещен в новый жанровый контекст. Едва ли таким слухом обладала широкая читательская аудитория пушкинского времени. Зато поэты пушкинского круга представляли собой не только авторское, но и читательское сообщество, они составляли тот круг адресатов, в обращенности к которому процветал и развивался поэтический язык Золотого века как язык корпоративный, не поддающийся эквивалентному переводу на язык прозы или общеупотребительный разговорный язык» [Виролайнен 2015: 94].

Нюансировка размера в данном и сходных случаях не знак, но целый перформатив: это не диалог, осуществляемый посредством поэтического нюанса, а нюанс, являющийся осуществленным диалогом. Нюанс не столько иконический знак *поэтической изысканности или искушенности*, сколько сообщение-факт: *я нюансирую твою форму*.

Прочитанный как внешний слой произведения, текст не только наращивает иконическую знаковость над символической, но и обнаруживает «дырки» (аналитическая метафора Ю.М. Лотмана) – знаки отсутствующие. Текст двустушия не содержит имен – ни Гнедича, ни Гомера. Чтобы понять знаменательность этих «дырок», нам необходимо окончательно перейти во второй регистр – уровень анализа эстетических подобиий, образов.

Топосы и игра метрики вводят нас в круг переговоров живых и мертвых поэтов. Тропы-оксюмороны манифестируют главную черту этих переговоров: субъект слышит неслышимое и чувствует сверхчувственное. Чтение перевода «Илиады» является процессом медиумическим, мистическим. Имя Гомера не названо, поскольку встретился субъект с самим Гомеровым духом; имя Гнедича отсутствует, поскольку его голос в переводе не звучит. «Дырка» на месте имени является высшей хвалой переводчику: слышен не русский гекзаметр Гнедича, но *божественная эллинская речь*. В мире подобиий, уловленном в сети поэтического языка, происходит таинственный процесс: субъект разговаривает с духами посредством текста Гнедича как медиатора.

Второе из приведенных двустушиий, напротив, является хулой, на что и указывает недвусмысленно его «низкая» стилистика (*крив, бок*). Хула эта реализована в именовании объектов их собственными именами: *Гнедич, Гомер*. Впрочем, мы не смогли бы ощутить этого, не будь перед нами двустушия-хвалы. На уровне Системы (в третьем регистре)

можно увидеть иконическую переакцентировку символического знака. Имя *Гнедич* уже не только означает некоторый референт, но показывает акт именованья.

Имя *Гомер* становится метонимической единицей: текст замещен автором текста (ведь Гнедич был *преложителем* «Илиады» Гомеровою, а не самого Гомера). Отношения *люди/тексты* спутаны и в других тропах: в метафоре *бок* (здесь ‘аспект текста’ назван как ‘половина человеческого тела’), в организующем композицию сравнении (неполное сходство людей отражается в неполном сходстве текстов). Таким образом, в тропологии двустийшия (метонимии, метафоре, сравнении) выражена некоторая концепция, точнее, здесь в сети поэтического языка поймано событие мира подобий (внутреннего мира): **тексты сращиваются с людьми**. Той же логике подчинен исходный каламбур: Гнедич «крив» физиологически (‘одноглаз’) и филологически (‘неточен’).

Метрика хулы аналогична рассмотренному нами случаю хвалы. Здесь, однако, включается и игра ритмики. Первая стопа первого стиха имеет усеченную, хореическую схему (безударный–ударный), но заполнена схема двумя ударными (спондей): *Крив был*. Таким образом, начинается текст с трех ударных слогов: ***Крив был Гнедич***. Это сверхударное ритмическое вступление озвучивает дисгармонию или даже словесную брань.

Стиль, тропика и ритмика вводят нас в мир сниженных подобий: Гомер *слепой*, а Гнедич *крив*, субъект не встречается с духами, а видит в книге персону переводчика – и потому произносит хулу.

Нетрудно заметить, как начинают расходиться третий и четвертый регистры. На четвертом уровне тексты друг другу противоречат: перевод не то мистически хорош, не то ужасно фальшив (было ли второе лишь поэтической шуткой, решать не беремся). В регистре третьем, однако, поэтики двустийшия могут быть противопоставлены, но именно в рамках **одной системы**. Хвала переводу выражена на языке подчеркнуто книжном, хула – на сниженном. Хвала избегает прямого указания лиц, хула – именуется. Хвала вводит в круг таинственного разговора с духами – хула осуществляет брань с лицом. Стабильным остается одно: оба двустийшия осуществляют метрическую, ритмическую и тематическую нюансировку гекзаметра. Режим корпоративного диалога остается условием поэтики. Две поэтики при аналитическом сличении могут быть сведены в одну. Едина и **концепция**: хороший перевод не включает голоса переводчика, а оставляет читателя наедине с духом источника, плохой же плох именно тем, что профанирует источник неотъемлемым присутствием фигуры *преложителя*.

В сущности, мы имеем поэтически воплощенное отношение к художественному переводу вообще. Непосредственно перевод присутствует в произведениях как образ перевода, или – как два противоположных образа. Вещь проникает в мир подобий только как подобие вещи. При этом она может предстать в поле речи субъекта как подобие позитивное или негативное, принципиальным оказывается само поле. Вырабатываемые в стихах идеи в каком-то смысле первичны по отношению к фактам действительности: пушкинские тексты знают идею хорошей «Илиады» и идею «Илиады» плохой; в силу различных причин с переводом Гнедича «сцепляется» первая идея.

2. Структура художественного произведения

Дихотомии «Форма – Содержание» можно противопоставить подход Ю.М. Лотмана, который обнаруживает игру значений на всех уровнях текста (включая фонический). Возникающие значения, однако, можно, на наш взгляд, распределить по группам, проведя их кластеризацию. Чтобы пояснить принципы предлагаемого распределения, нам придется кратко охарактеризовать некоторые постулаты и гипотезы, которых мы придерживались.

Не вдаваясь в проблему функций художественной литературы, отметим её принципиальное свойство: она должна быть отчетливо противопоставлена речевой коммуникации во всех её функциональных разновидностях; литература обладает эксклюзивным правом на свободную игру с дискурсивными структурами социальных коммуникаций (обиходно-бытовых, деловых, научных, религиозных, медийных) именно за счет того, что она противопоставлена коммуникации как таковой. Произведение должно, таким образом, задавать дистанцию между собой и дискурсами нехудожественными – осуществлять ощутимое смещение речемыслительных структур.

Эту функцию выполняет версификация, принципиально противопоставляющая поэтический дискурс иным сферам общения: членением текста на стиховые ряды «достигалось “расподобление” языка художественной литературы, отделение его от обычной речи» [Лотман 1996: 35]. Сгущение экспрессивных единиц (тропов и синтаксических фигур) может играть ту же роль. Явления стиха и художественная стилистика могут рассматриваться как элементы **внешнего** слоя поэтики.

Другой слой произведения нередко называют *художественный мир*, подразумевая при этом фиктивную реальность, выступающую референциальным планом текста (наиболее подробный анализ категории «художественный мир» и её эвристического потенциала представлен в работе: [Кондаков 1996]). Речь идёт о мире подобий, воображаемых лиц, событий и отношений, описываемых академическим литературоведени-

ем с помощью понятий «герой», «сюжет», «коллизия», «пространственно-временная организация», «предметная деталь». А.П. Чудаков перечисляет компоненты «мира художника»: «человек, его вещное окружение – природное и рукотворное, его внутренний мир, его действия» [Чудаков 2016: 301]. Необходимо, однако, добавить к этому перечню окружение не «вещное»: пространственно-временной континуум, социокультурную среду, а также тех, о ком часто забывают исследователи-позитивисты, – духов и богов. Этот уровень поэтики, следуя эстетической мысли А.А. Потебни, называют также **внутренней формой** произведения, противопоставляя её форме внешней, чисто речевой.

Поэтика, таким образом, имеет **двухуровневую структуру и представляет собой двойную систему смещения**: речевой цепочки (означающих) и референтного слоя (подобий). Основными формами организации речевой цепи являются стих (согласно Ю.М. Лотману, первичная форма) и проза (форма вторичная, отрицание стиха). Следуя этой логике, можно говорить и о двух типах организации мира референций – фантастике (как первичной форме) и правдоподобию (форме вторичной, отрицании фантастики).

Для идентификации текста как художественного достаточно ощутимого смещения на любом из двух уровней. Простейшей формой литературы можно считать поэтическое повествование о событиях фантастических – таковы, к примеру, стихотворные сказки А.С. Пушкина. Наиболее сложными в рамках данной модели окажутся такие произведения, как «Капитанская дочка». Литературные мемуары, где смещение референции не всегда ощутимо, будут пограничным феноменом художественной словесности, как и тексты ораторских жанров. Версификация, метафорика, фантастика, художественный психологизм, игра композиции – всё это средства смещения и элементы поэтики как системы смещений. Именно поэтика является, на наш взгляд, предметом литературоведческой науки, отчетливо очерченным в трудах русских формалистов.

М.Л. Гаспаров (вслед за Б.И. Ярхо) предлагает рассматривать произведение литературы на уровнях: идейно-образном (идеи и эмоции + образы и мотивы), стилистическом (лексика + синтаксис), фоническом (явления стиха + звукопись). Феномены каждого уровня фиксируются различными «органами восприятия»: фонический — слухом, стилистический — «чувством языка», идейно-образный — «умом и воображением» [Гаспаров 2018: 372–373]. Выделение речевого слуха и противопоставление его общей языковой компетенции носит характер условный: звукопись, рифма и поэтический размер воспринимаются отнюдь не непосредственно «на слух». Обратим внимание на объединение в рамках

одного уровня явлений внутренней формы (образы, мотивы) и так называемого содержания (идеи).

Принимая в целом данную модель, предлагаем ввести в представление о внутренней форме позицию **глубинного субъекта**. Речь идет об интегральной точке зрения, в которой даны все вещи и события внутреннего мира (и нередко предстающей как динамическая система множества точек зрения), это голос и/или взгляд, который неизбежно выражается в структуре образа и в системе образов. (Не касаемся здесь проблемы точки зрения, «фокализации», широко представленной в трудах советских и французских теоретиков). Глубинный субъект, на наш взгляд, представлен, прежде всего, в системе отношений референтного слоя. В лирике он чаще всего манифестирован как *Я* и доминирует над объектами (в драме объекты доминируют над глубинным субъектом).

Если внутренний мир рассматривать как фиктивные объекты в горизонте глубинного субъекта, то к внутреннему миру можно свести и «онтологическую концепцию» (общие свойства художественной реальности), и пафос (проявленное отношение глубинного субъекта к миру), и тематику (обобщенные свойства объектов в горизонте видения субъекта – осуществляемая им генерализация). Иными словами, компоненты содержания, традиционно выявляемые в эстетическом анализе, почти целиком могут быть отнесены к внутренней форме. «Почти целиком» означает, что имеется нечто «снаружи» произведения – биографический, социокультурный, идеологический контекст, который находится в сложных отношениях с поэтикой. Таким образом, произведение обладает двуслойной структурой. Его внешний слой может быть представлен как фоника и стилистика, а внутренний – как порядок объектов и позиция субъекта. Так называемое содержание (то, что принято называть *содержанием*) в основном принадлежит субъект-объектным отношениям внутреннего мира или же располагается «снаружи» (в контексте), то есть в самом произведении не обнаруживается.

3. Методологическое описание

Поэтический текст можно представить как цепочку знаков, реализующих образ. Оксюмороны первого двустишия передают событие встречи субъекта с духом Гомера. Ту же роль выполняют «дырки» (минус-имена). Тропы второго двустишия реализуют образ неудачного перевода. Лирическое Я в этом тексте отсутствует, однако субъект отчетливо проявлен. Его насмешливое отношение к предмету реализовано в ритмике (сверхударное вступление, которое мы трактуем как «издевательскую» интонацию) и каламбурном употреблении слова *крив*. Названные семантические отношения интегрированы во внутренний мир

произведения, однако такой интеграции подлежат далеко не все значения.

Сама стихотворная форма, как мы уже отмечали, маркирует текст как поэтический. Размер очерчивает антологическую тематику, а также связь интертекстуальную (с текстом Гнедича). Модификация гекзаметра в пентаметр служит перформативом эстетического диалога. В совокупности с заглавием знаки эти создают **метатекст**, включенный в художественный текст, – они описывают произведение и параметры его соотношения с действительностью.

Основной объем речевой цепочки художественного текста читается нами как слово, принадлежащее нарратору или герою, – оно включено в порядок подобий. В то же время название произведения и другие элементы рамочного текста не обозначают феномены внутреннего мира, но описывают их (по-видимому, произведение должно включать в себя какой-то метатекстовый минимум). Так же работает аллюзия, которая не требует приписать подобию (образу) какое-то свойство, но скорее указывает на возможности прочтения. Скажем, пародийные элементы образа Фомы Опискина не означают тождества персонажа с Николаем Васильевичем Гоголем, но являются механизмом соединения образа с фигурой великого писателя в рефлексии читателя, на метауровне.

Анализ, таким образом, требует распределять значения по категориям «внутренний мир» и «художественный метатекст». Эти два кластера значений должны быть скоординированы в рамках единой непротиворечивой концепции.

В регистре анализа внутреннего мира мы видим две противоположные картины (хорошая «Илиада» – плохая «Илиада»), которые мы сводим к концептуально-эстетическому единству, постулируя континуальность художественной реальности внутри микроцикла. Внутренние миры разрастаются в художественный мир, созданный совокупностью произведений.

Итак, два содержательных отношения возникают в рамках относительного единства художественного мира, во всем континууме которого действуют общие законы. Континуальность мира и лирического субъекта характеризует не инвариант произведений, а их последовательность – большое пространство второго регистра (регистра анализа образов). Мы могли бы не вводить третий регистр (Система) вовсе, развивая представление о континуальности подобий поверх дискретности речи и границ между речевыми произведениями.

Связь подобия с действительностью предстает парадоксальной: художественный мир знает две идеи для некоторой вещи, но в обращение пускается лишь одна. Позволим себе далеко идущий вывод: так на-

зываемое «содержание» находится снаружи, но том смысле, что содержанием снаружи становится то, что является формой внутри. Сам образ становится идеей в случае его коннекций с социальными фактами. Приведем один пример. В жизнетворческом пути Пушкина знакомство с Марией Раевской нашло свою идею в усвоенной поэтом куртуазной лирической традиции (мистический эрос Данте, Петрарки, Жуковского), что запустило, возможно, создание образа мистической возлюбленной, перерастающего в Мадонну. Эта «идея» находит себе новую «вещь» – Натальи Гончарову. Во внутренних мирах литературный субъект общается с Мадонной («Мадона», «Легенда»), в реальности Пушкин встречается с Натальей Николаевной.

Таким образом, мы можем расположить единицы поэтики по трем уровням: 1) художественный текст (здесь воплощены те значения, которые распределяются по следующим уровням), 2) внутренний мир и 3) значения за рамкой внутреннего мира (мы полагаем, что они составляют художественный метатекст – описание текста в пределах самого произведения). Исследование пушкинских двустий позволило обнаружить еще два регистра анализа: 4) художественный мир как предметная реальность, объединяющая некоторое множество произведений (по сути, расширение второго регистра), и 5) социальная значимость произведения как потенциал его коннекций с социальной действительностью. При анализе произведения в пятом регистре на первый план, как правило, выходит «духовная биография» автора, которая выступает как наглядная инструкция по применению его произведений.

Категория «содержание» (обозначающая некоторую совокупность идей и чувств, облеченных в художественную форму) конструируется в учебном анализе, как правило, из результатов анализа в трех различных регистрах: атрибуты глубинного субъекта, художественный метатекст, социальная значимость произведения. Потребность в категории «содержание» связана в процессе обучения анализу, по-видимому, с необходимостью дать аналитическому процессу направление, задать искомую цель. Мы, однако, полагаем, что академическое литературоведение (в отличие от школьного) пользуется другими алгоритмами.

Задача филолога заключается не в том, чтобы вывести из одного аспекта произведения все остальные, но в том, чтобы согласовать аналитические результаты разных уровней между собой. Анализ поэтики уже требует координации данных описания внутреннего мира и художественного метатекста; сами эти данные получены за счет выявления значений в тексте (мы не в праве игнорировать какие-либо семантические отношения, зафиксированные в тексте). Все полученные результаты должны обладать потенциалом интеграции в (социальную, политиче-

скую, духовную) биографию – концептуальное жизнеописание автора. Этим дело не ограничивается: согласованные друг с другом дескрипции необходимо корректировать в соответствии с данными текстологического, интертекстуального, социологического, генологического и иных видов анализа (включая анализ литературного процесса и историческую поэтику). Сама координация множества дескрипций является формой «верификации», проверки концепции.

Описанная методологическая ситуация предполагает широкие возможности конструирования филологических стратегий под нужды конкретных кейсов. В то же время собственно литературоведческим можно считать анализ, который опирается на язык поэтики, что не исключает постановки и решения литературоведом биографических или социологических проблем. Как социолингвистика остается областью изучения языка (его варьирования и функционирования в связи с социальными факторами), так, например, и социологическая поэтика возможна в качестве области исследований «экстралитературных» факторов (социальный статус, репутация, идентичность и др.), воздействующих на поэтику.

Библиографический список

Бонди С.М. Пушкин и русский гекзаметр // Бонди С.М. О Пушкине. (Статьи и исследования). М., 1978. С. 310–371.

Вайскопф М. Вещий Олег и Медный всадник // Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978-2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 6–24.

Васильев Б. Духовный путь Пушкина. М.: Sam and Sam, 1995. 303 с.

Виролайнен М.Н. Лермонтов и конец XIX века // Мир Лермонтова / Под ред. М.Н. Виролайнен и А.А. Карпова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 92–103.

Гаспаров М.Л. «Снова тучи надо мною...»: методика анализа // Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия. М., 2018. С. 367–394.

Касаткина Т.А. Что считать событием биографии? *История любви к Мадонне: Пушкин, Достоевский, Блок* // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 44–78.

Кондаков Б.В. Художественный мир русской литературы 1880-х гг. Ч.1. Художественный мир литературного произведения. Пермь: Издательство ПОИПКРО, 1996. 59 с.

Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.

Лотман Ю.М. Пушкин. Очерк творчества // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 2003. С. 187–211.

Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Том второй: Стихотворения 1823–1836 / Под ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1959. 799 с.

Сурат И.З. «Жил на свете рыцарь бедный...». М.: Московское культурологическое общество, 1990. 165 с.

Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 701 с.

Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. Работы по поэтике / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 145–180.

I.Yu. Rogotnev

Assistant Professor of Russian Literature Department

Perm State University

PUSHKIN'S POEMS ON THE TRANSLATION OF "ILIAD": REGISTERS OF PHILOLOGICAL ANALYSIS

The article provides a description of the levels of literary poetics. An observation of authoritative theoretical concepts allows us to talk about two basic levels of poetics of a literary work. The use of this conceptual model in text analysis allows us to talk about several registers of analysis, which can vary depending on questions posed by a philologist, but must always be built taking into account the two-layer nature of literary poetics.

Key words: poetics, philological analysis, internal form, matter of a work.

Филимонова Валерия Александровна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
melpomene96@yandex.ru

ТРАДИЦИИ ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЕВА В ЛИРИКЕ М. ВИЗИ

*Исследование выполнено при поддержке Благотворительного Фонда В. Потанина
(Грант № ГСНК-95/18)*

В статье проводится анализ поэтических традиций Николая Гумилева в творчестве поэта первой волны русской эмиграции Марии Визи. Материалом анализа являются два сборника М. Визи «китайского» периода творчества: «Стихотворения» и «Стихотворения II». Ключевым элементом поэзии Гумилева, оказавшим влияние на поэтический мир Визи, стал «экзотизм» стихотворений, проявляющийся через ряд образов (лирическая героиня, образы королевы и короля, ролевые герои), тематических и сюжетных мотивов (встреча героя и героини из разных стран, путешествие в экзотическую страну).

Ключевые слова: поэзия русской эмиграции первой волны, Визи, Гумилев, поэтическая традиция.

Поэзия Н. Гумилева оказала большое влияние на представителей «восточной ветви» эмиграции, на что указывают А. Забияко и Г. Эфендиева: «Харбинскую ветвь эмигрантской лирики 20–40-х гг. давно принято определять еще и как “гумилевскую”» [Забияко, Эфендиева 2008: 10]. Для творчества М. Визи «китайского» периода (1920–1930-е годы) тоже характерно обращение к поэтике Гумилева. Однако в настоящее время нам неизвестно ни одной работы, посвященной подробному изучению традиций поэзии Н. Гумилева в лирике М. Визи. Таким образом, актуальность данной статьи определяется необходимостью рассмотреть особенности воплощения этих традиций в творчестве поэтессы первой волны.

В статье будут рассмотрены два сборника М. Визи: «Стихотворения» (Харбин) и «Стихотворения II» (Шанхай). В этих сборниках можно увидеть влияние поэзии Гумилева на поэтический мир Визи.

Наиболее яркой чертой, заимствованной М. Визи из поэтического мира Н. Гумилева, является «экзотичность» стихотворений, или, как пишет З. Минц, «романтическая экзотика дальних стран и континентов» [Минц 2004: 384]. Среди других «гумилевских» черт в лирике Визи вы-

деляются мотив движения, «странствия» [Зобнин 2000: 7], а также характерное для творчества поэта Серебряного века обращение к балладной форме стихотворений, создание своего объективного мира, избегание в лирике обращения к интимным переживаниям [Жирмунский 1997: 129].

Все эти черты находят воплощение как в первом, так и во втором сборнике Визи, но наиболее ярко они представлены во второй книге стихов («Стихотворения II»). Рассмотрим последовательно проявление тематики и элементов поэтики творчества Гумилева в лирике Визи.

Первый сборник поэтессы характеризуется значительной ролью в нем символистской поэтики в целом и блоковской в частности [Арустамова, Кондаков 2018]. Тем не менее, в некоторых стихотворениях этого сборника наблюдается обращение к «гумилевской тематике». Традиции Гумилева в этом сборнике представлены на уровне системы образов и мотивов, сюжета, а также на уровне тематики.

«Экзотичные» образы и мотивы включены в поэтический мир Визи и связаны с мифологическими пространствами («Есть короли заморские – седые...», «Я – отшельник в дикой пещере...», «На дне глубоких прозрачных озер...»). При этом конкретное указание на местность (Атлантида, град Китеж) есть только в последнем из перечисленных выше стихотворений. Основные типы пространств, описанные в стихотворениях, – земные (лес, Атлантида, королевские страны, пещера) и водные (озеро, пруд, Китеж).

Все заимствованные М. Визи у Н. Гумилева образы можно разделить на три группы: образы лирического героя и лирической героини, мифологические образы, образы ролевых героев. Образ лирической героини, которая ведет диалог с героем, встречается в стихотворении «На дне глубоких прозрачных озер...». Здесь прослеживается композиционная и отчасти сюжетная параллель со стихотворением Гумилева «Я и Вы» (сборник «Костер» (1918)), воплощенная в диалогичной композиции:

*Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.* [Гумилев Т. 3 1999: 145]

*На дне глубоких прозрачных озер,
горящих блеском звездного пожара,
мой город Китеж спрятан с давних пор.
Я там живу. И я тебе не пара.* [Визи 2005: 20–21].

Кроме того, у Визи при противопоставлении родных мест лирической героини и лирического героя описываются мифологические пространства (Атлантида, Китеж). Лирический же герой Гумилева живет в мире реальном и полностью принадлежит этому миру, а пространства, встречающиеся и посредством антитезы противопоставленные друг другу в стихотворении, – уже реально существующие, «земные», но описанные обобщенно, посредством нескольких характерных для них деталей и образов.

В стихотворении прослеживаются антитезы: природа и цивилизация, жизнь на лоне природы («естественная») и среди благ цивилизации («аристократическая»). Более того, поэт делает акцент не на месте жительства, а на образе жизни, своем и героини, – «дикарском» и светском:

*Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам* [Гумилев 1999: 145].

Второй тип образов, заимствованный Визи у Гумилева, – это образы легендарных персонажей (короли, королевы). Они фигурируют в стихотворении «Есть короли заморские – седые...»:

*У них живут, как звезды, королевы
в миндалевых и розовых садах,
и дивные слагаются напевы
народами о мудрых их делах* [Визи 2005: 41].

В этом стихотворении первого сборника также встречаются балладные черты как важный элемент гумилевской поэтики. Однако если Гумилев в большей степени делает акцент на описании внешних событий, происходящих с героями, то Визи – на их внутреннем состоянии:

*и в этой буре чувствуют родное,
и всю ее тоску хотят понять,
и все блаженство яркое дневное
на этот стон готовы променять* [Визи 2005: 41].

*В том замке высоком никто не живет,
Лишь я его гордый король,
Да ночью спускается с диких высот
Жестокий, насмешливый тролль* [Гумилев 1998: 41].

Третий тип образов, встречающийся у Визи, – это ролевые герои (образы отшельника и полярного медведя («Я – полярный медведь за железным забором...», «Я – отшельник в дикой пещере...»)). Гумилев в своей поэзии часто обращается к ролевой лирике, причем чаще всего его лирический герой выступает в качестве воина, путешественника, завое-

вателя (особенно в ранних сборниках). Однако существует стихотворение, где его герой становится животным, – «Попугай» (сборник «Жемчуга»), что позволяет сопоставить этот образ с образами Визи:

*Я – полярный медведь за железным забором,
я как пленник живу в незнакомом саду, [Визи 2005: 32].*

*Я – отшельник в дикой пещере
в отдаленном горном краю [Визи 2005: 49].*

*Мне грезится корабль в тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива [Гумилев 1998: 242].*

Ролевой герой Визи ощущает себя пленником, заключенным в природном пространстве (сад или пещера). Единственным выходом из этого плена становится для него побег от реальности в прошлое, сон о Родине, что характерно и для героя гумилевского стихотворения.

Во втором сборнике гумилевские традиции тоже прослеживаются на уровне образов, мотивов и сюжетов. Здесь появляются новые образы, которых не было в предыдущем сборнике, а мотив путешествия становится одним из преобладающих.

Важную роль в ряду ролевых героинь начинает играть образ путешественницы, завоевательницы. В стихотворении «У тебя на солнце зреют фиги...» экзотическое пространство (тропическая страна) сохраняется, лирическая героиня отправляется к месту пребывания лирического героя. В отличие от лирики Гумилева путешественником и моряком здесь оказывается женщина, направляющаяся к любимому. Подобный сюжет встречается и у Гумилева («Ангел-хранитель», «Пятистопные ямбы» и др.), однако доминируют в его творчестве связанные с ролевым героем-странником сюжеты войны, битв, путешествий, а повествование ведется от лица мужчины:

*У тебя на солнце зреют фиги
в островном тропическом саду.
Я к тебе на легком белом бриге
по морям серебряным приду. [Визи 2005: 86].*

*Все моря целовали мои корабли,
Мы почтили сраженьями все берега. [Гумилев Т. 1 1998: 84].*

Образы кораблей появляются также в стихотворении «Я не знаю, по чьему указу...». Однако лирическая героиня здесь, в отличие от предыдущего стихотворения, занимает пассивную позицию и только на-

блюдают за этими кораблями. Для нее появление кораблей оказывается важным и радостным событием:

*Только даже если это случай,
и серебряные крылья их
унесутся в розовые тучи
от убогих берегов моих* – [Визи 2005: 89].

На уровне системы образов Визи заимствует формальную (композиционную) структуру стихотворения «В твоих глазах – высокие хоромы...» у Гумилева («Портрет мужчины»). Но у Визи это не просто описание внешности и внутреннего мира человека. Поэтесса обращается к «вечным» проблемам (в частности, к проблеме бедности и богатства внутреннего мира человека), в то время как Гумилев сосредоточивается только на характеристике внешнего облика, внутреннего мира, судьбы мужчины:

*В твоих глазах – высокие хоромы,
несчитанных сокровищ подземелья,
цветущие сады, моря и реки,
и голубых далеких гор вершины,
далеких гор отроги и ущелья,
где сладко пахнет медом и цветами.* [Визи 2005: 91].

*Его глаза – подземные озера,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.* [Гумилев 1998: 266].

Таким образом, в сборнике «Стихотворения» М. Визи в основном обращается к поэтике таких книг стихов Гумилева, как «Путь конквистадоров», «Жемчуга», «Костер». Доминируют среди этих сборников мотивы и образы, соотносящиеся с первым, наиболее «символистским» сборником Гумилева. Среди заимствованных гумилевских элементов в лирике первого сборника отмечаются «экзотические» пространства, мифологические образы, ролевые герои, «балладность». Индивидуально-авторское в поэтическом мире Визи проявляется во введении ролевого героя (полярный медведь, отшельник), акценте на интимно-лирическом содержании, а не на внешнем (географическом, пейзажном) описании, введении в свой поэтический мир иных, нежели у Гумилева, пространств (Атлантида, Китеж).

Во втором сборнике Визи реже обращается к диалогу с поэзией Гумилева (к его сборникам «Жемчуга», «Колчан», «Чужое небо» и др.), чем в первом, однако в ее творчестве появляется ряд новых собственных элементов. Так, в стихотворения поэтессы включаются образы лириче-

ской героини-путешественницы, кораблей. При описании деталей внешности (глаз) и внутреннего мира человека («В твоих глазах – высокие хоромы...») Визи хотя и проводит параллель со стихотворением Гумилева, но расширяет тематику и проблематику своего произведения.

Библиографический список

Арустамова А.А., Кондаков Б.В. Традиции символизма в цветописии М. Визи // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 75–82.

Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 502 с.

Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М.: Воскресенье, 1999. 464 с.

Жирмунский В.М. Преодолевшие акмеизм // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. М.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. С. 106–133.

Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина): монография. Благовещенск, 2008. 428 с.

Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: pro et contra: личность и творчество Н. Гумилева в оценке мыслителей и исследователей: антология / СПб.: РХГИ, 2000. С. 5–52.

Марков А.В. Между викторианством, ар-нуво и ар-деко. Экфрасис в блоковской линии поэзии русской эмиграции // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: материалы конференции. 2018. С. 617–634.

Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб: «Искусство-СПБ», 2004. 480 с.

A Moongate in My Wall: collected poetry of Mary Custis Vezey / edited by Olga Bakich. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2005. 355 p.

V. A. Filimonova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

N. GUMILYOV'S TRADITIONS IN M. VEZEY'S LYRICS

The article is devoted to the analysis of Nikolai Gumilyov's traditions reflected in the work of the poet of the first wave of emigration, Maria Vezey's work. The material of the analysis is two M. Vezey's "Chinese" books: "Poems" and "Poems II". The key Gumilyov's poetry element that has influenced Vezey's poetical world is "exotism" of the poems manifested in some images (lyrical heroine, king and queen, role heroes), thematic and plot motives (meeting of the hero and the heroine who live in different countries, a trip to an exotic country).

Key words: Russian poetry of the first wave of emigration, Vezey, Gumilyov, poetic tradition.

Фу Ся

магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
fuxia262936@gmail.com

Сухоева Дарья Александровна

ст. преподаватель кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
darya.sukhoeva@gmail.com

ГЕРОЙ И СРЕДА В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА И БА ЦЗИНЯ

В статье рассматриваются образы героев, представляющих тип «лишнего человека» в русской и китайской литературах. На примере романов «Обломов» И.А. Гончарова и «Семья» Ба Цзиня авторы статьи исследуют влияние среды и семьи на формирование характера героев (Обломова и Гао Цзюесиня). Несмотря на разность эпох и культур, герои Гончарова и Ба Цзиня росли и воспитывались примерно в одинаковых условиях, что сходным образом повлияло на их дальнейшую жизнь.

Ключевые слова: «лишний человек», Обломов, Гао Цзюесинь, семья, среда.

«Лишний человек» – литературный герой, который появился в произведениях русских писателей 1830–1850 гг. Одним из первых тип «лишнего человека» в русской литературе описал Н.А. Добролюбов в статье «Что такое обломовщина?» (1859). В китайской литературе этот тип героя обозначился почти столетие спустя. Принято считать, что «китайские писатели в 1920–1930 гг. были подвержены сильному влиянию русских писателей XIX в.» (Перевод – Ф.С.) [Ван Гоцин 2016: 56].

В современном российском литературоведении образу «лишнего человека» посвящено множество исследований [Недзвецкий 1992; Краснощекова 1997, Никольский 2017, 2018; Ханбалаева, Веденяпина 2017 и др.]. Эта тема актуальна и для китайского литературоведения. Многие китайские исследования посвящены сопоставлению образов «лишних людей» в русской и китайской литературах [Ван Дэлу 1991; Ху Юньбо 2006; Пан Хун 2013 и др.]. Кроме того, есть работы об эволюции типа «лишнего человека» в китайской литературе [Чжан Хайшэн, Ву Юйюй 2008; Цянь Сюйчу 2003; Чэнь Хуэй 2015].

В настоящем исследовании рассматриваются образы героев двух романов – «Обломов» (1859) И.А. Гончарова и «Семья» (1933) Ба Цзиня, которые ранее не сопоставлялись. Предмет исследования – влияние среды на становление личности героя (Обломова и Гао Цзюесиня).

Илья Ильич Обломов и Гао Цзюесинь жили в разное время и в разных странах, что на первый взгляд делает образы этих героев несопоставимыми. Так, в китайском литературоведении традиционно отличают мировидение русских и китайских героев («Герои, представляющие тип “лишнего человека” в русской литературе, озабочены вопросами души и поиском смысла жизни. В китайской литературе подобные герои более озабочены социальными проблемами» (Перевод – Ф.С.) [Ван Дэлу 1991: 26]). В настоящей работе рассматриваются сходные черты образов «лишних людей» в китайской и русской литературах.

Среда, окружавшая Обломова в детстве, оказала сильное влияние на формирование его характера. Именно барско-крепостническое происхождение героя стало основной причиной его трагедии [Добролюбов 1970; Недзвецкий 1992; Краснощекова 1997; Ханбалаева, Веденяпина 2017 и др.]. Детские и юношеские годы Обломова прошли в деревне Обломовке. На примере этой деревни Гончаров показывает типичную усадебную жизнь середины XIX в. В связи с этим В.А. Недзвецкий заключает, что Обломов – герой переходной эпохи, которая ознаменовалась «всеобщим кризисом феодально-патриархальной системы» [Недзвецкий 1992: 14].

Помимо этого, на наш взгляд, на характер Обломова оказало влияние и его окружение. Обломовцы в романе изображены как малообразованные люди, мир которых представляет собой замкнутую систему: *«Они знали, что в восьмидесяти верстах от них была «губерния», то есть губернский город, но редкие езжали туда; потом знали, что подалее, там, Саратов или Нижний; слышали, что есть Москва и Питер, что за Питером живут французы или немцы, а далее уже начинался для них, как для древних, темный мир, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми о двух головах, великанами; там следовал мрак – и наконец, все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю...»* [Гончаров 1984: 101]. Мир Обломова, в детстве ограниченный Обломовкой, со временем ограничился его квартирой (сначала в центре Петербурга, потом на Выборгской стороне, ранее – окраина Петербурга). «Петербургский быт Ильи Ильича <...> по существу, мало чем отличается от образа жизни его отцов и дедов из патриархальной дворянской усадьбы Обломовки» [Недзвецкий 1992: 14]. Несмотря на то, что Обломов был умен и образован, идеальным мир для него все-таки представлял замкнутую систему.

Обломов перенял и образ жизни обломовцев. Жители Обломовки обращали свое внимание исключительно на семейные события: рождения, свадьбы, похороны, именины, семейные праздники, встречи с родственниками и т.п. Для обломовцев размеренность, однообразие жизни и праздность были первостепенны. Так, уже взрослый Обломов холодно относился ко всему, кроме своей неизменной жизни.

Повлияло на характер Обломова и суеверие обломовцев («в Обломовке верили всему: и оборотням и мертвецам» [Гончаров 1984: 115]). Няня рассказывала маленькому Обломову русские былины и волшебные сказки, которые сформировали в Обломове боязнь жизни («Заселилось воображение мальчика странными призраками; боязнь и тоска засели надолго, может быть навсегда, в душу. Он печально озирается вокруг и все видит в жизни вред, беду» [Гончаров 1984: 120]).

Вместе с тем нежная забота родителей Обломова оказала как позитивное, так и негативное влияние на его характер. С одной стороны, он вырос добрым, светлым и нежным человеком («Кто только случайно и умышленно заглядывал в эту светлую, детскую душу – будь он мрачен, зол, – он уже не мог отказать ему во взаимности или, если обстоятельства мешали сближению, то хоть в доброй и прочной памяти» [Гончаров 1984: 161]; «Ты нежен... голубь; ты прячешь голову под крыло — и ничего не хочешь больше; ты готов всю жизнь проворковать под кровлей...» [Гончаров 1984: 353]). С другой стороны, Обломов уже с детства постепенно потерял смелость и интерес к миру: «И Илюша с печалью оставался дома, лелеемый, как экзотический цветок в теплице, и так же, как последний под стеклом, он рос медленно и вяло. Ищущие проявления силы обращались внутрь и никли, увядая» [Гончаров 1984: 137].

Образ жизни Обломова сформировался, когда он был еще ребенком («Может быть, детский ум его давно решил, что так, а не иначе следует жить, как живут около него взрослые» [Гончаров 1984: 117]). Более того, Обломов так и остался ребенком, и по замечанию Е.А. Краснощековой, это была личность «выросшего, но не повзрослевшего человека» [Краснощекова 1997: 61].

Среда, в которой находился герой романа Ба Цзиня «Семья», очень сходна со средой, в которой вырос Обломов. Действие романа «Семья» происходит, когда Китай захватило антиимпериалистическое Движение 4 мая (1919), которое повлияло на разные сферы жизни (внедрение разговорного языка, пересмотр конфуцианской этики, новые требования к образованию). Молодёжь семьи Гао и сам Гао Цзюесинь подверглись влиянию этого движения («Но вот вспыхнуло «Движение 4-го мая». Страстные статьи в газетах пробудили в нем мечты забытой юности. Вместе с младшими братьями он жадно читал сообщения из Пекина,

помещаемые в местных газетах, а потом корреспонденцию о движении 3-го июня в Шанхае. Местные газеты перепечатывали статьи из «Новой молодежи» и «Еженедельного обозрения». В единственной на весь город книжной лавке, торговавшей новыми книгами, Цзюесинь купил последний номер «Новой молодежи» и два-три выпуска «Еженедельного обозрения». Он читал, и каждое слово, точно искра, зажигало в его братьях горячие чувства» [Ба Цзинь 1956:69–70]. В связи с этим Гао Цзюесиня, как и Обломова, тоже принято считать героем переходного времени [Чжан На 2016; Хэ Хуэйлань 2009; Ши Цзиньхуа 2019].

Вместе с тем большую роль в формировании характера Гао Цзюесиня играла семья. Старик Гао (дед Гао Цзюесиня) вел эту семью по законам конфуцианства. Гао Цзюесинь был старшим внуком от старшего сына. Согласно конфуцианству, старший внук от старшего сына является продолжателем рода. Говоря о Гао Цзюесине, Чжан На утверждает, что «феодальное образование, полученное с ранних лет, не только уничтожило новый бунтарский дух Гао Цзюесиня, но и продиктовало его жизненные принципы. Понятия “скромность” и “честность”, отстаиваемые конфуцианской культурой, глубоко укоренились в его сердце» [Чжан На 2016: 29]. Гао Цзюесинь, получивший традиционное феодальное воспитание, обладал терпеливостью, которая является в конфуцианстве главным принципом решения проблем.

После Движения 4 мая на Гао Цзюесиня особенно повлияла мысль Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилеи. Старая (конфуцианская) мысль о терпеливости и новая (толстовская) мысль о непротивлении злу насилеи соединились в сознании Гао Цзюесиня. Постепенно он сформулировал особую модель поведения, в основе которой были «философия поклонов» и «непротивленчество»: *«Философия поклонов и непротивленчество действительно были очень удобны для него. <...> Сам Цзюесинь не замечал в этом противоречия. Он превратился в человека с двумя характерами – в старом обществе, в патриархальной семье, он был молодым бариниом, утратившим всякий интерес к жизни; в обществе младших братьев он превращался в представителя новой молодежи»* [Ба Цзинь 1956: 70].

Гао Цзюесинь, как и Обломов, тоже рос, окруженный любовью и заботой, кроме того, как на старшего сына, на него родители возлагали большие надежды: *«Он, как и его братья, родился красивым, с детства был очень смышлен, в семье его любил отец, в домашней школе хвалил учитель. Люди говорили, что со временем он многого добьется, и родители в душе радовались, что у них такой “примерный сыночек”»* [Ба Цзинь 1956: 63]. Но эта любовь для него оказалась «клеткой». Он не мог выступать против желания родителей, а иначе чувствовал себя виноват

тым, не заслуживающим их любви. Таким образом, Гао Цзюесинь всю жизнь оставался добрым и нежным по отношению к своей семье, не возражал против воли деда и был слаб для самостоятельного решения проблем.

Помимо сходства среды, окружающей героев (каждый из героев жил в переходное время; оба они росли в помещичьих семьях, окруженные родительской любовью), интересно и то, как они выстраивали собственные отношения с женщинами, как формировались их семьи.

Одной из характерных черт «лишнего человека», по словам Е.В. Никольского, является то, что он несчастлив в любви, «любовь становится для него испытанием, которое он не выдерживает» [Никольский 2017: 11]. И Обломов, и Гао Цзюесинь не выдержали это испытание. У обоих героев было две возлюбленных. Первая любовь Обломова и Гао Цзюесиня закончилась расставанием.

Друг Обломова Штольц полагал, что любовь девушки вызовет у Обломова энтузиазм к жизни. Однако взаимоотношения с Ольгой Ильинской не смогли изменить образа жизни Обломова. В связи с этим Н.Г. Комар, говорит об эгоизме, который помешал Обломову и Ильинской создать семью («в мире, где нет должного воспитания, готовности к семейной жизни, люди просто не умеют любить, следовательно, не могут быть счастливыми» [Комар 2012: 203]). Гао Цзюесинь в детстве был влюблен в свою двоюродную сестру Мэй. Однако семья Гао после ссоры с матерью Мэй не дала разрешения на этот брак.

В литературоведении существует утверждение, что «лишним людям» не свойственно заводить семью: «лишние люди» «очень редко заводят друзей и семью, так как сосредоточены на себе. Они часто скитаются по стране, не могут обрести себя и смысл жизни и умирают в раннем возрасте» [Кравцов, Никольский 2018: 164]. Однако если говорить о героях романов «Обломов» и «Семья», это утверждение не работает. Обломов практически не выходил из дома всю свою жизнь, а Гао Цзюесинь пожертвовал своей свободой ради дома и семьи. Каждый из них имел друзей: у Обломова это был Штольц, у Гао Цзюесиня самыми близкими друзьями были его братья. Кроме того, оба героя были женаты: Обломов – на Агафье Матвеевне, Гао Цзюесинь – на Жуйцзюе.

В конце романа Обломов женился на Агафье Матвеевне Пшеницыной. Однако этот союз нельзя назвать семьей, поскольку женился Обломов, «чтобы избежать оскорблений Тарантьева и шантажа брата Пшеницыной. После смерти Обломова его законная вдова не считает себя вправе пользоваться доходом с его имения, всё отдавая сыну Обломова, словно ее ребенок ей и не принадлежит» [Ханбалаева, Веденяпина 2017: 72]. Пшеницына к нему относилась как ребенку, как к барину, ок-

ружила его всесторонней заботой: *«Она молча приняла обязанности в отношении к Обломову, выучила физиономию каждой его рубашки, считала протертые пятки на чулках, знала, какой ногой он встает с постели, замечала, когда хочет сесть ячмень на глазу, какого блюда и поскольку съедает он, весел он или скучен, много спал или нет, как будто делала это всю жизнь, не спрашивая себя, зачем, что такое ей Обломов, отчего она так суется»* [Гончаров 1984: 363]. Пшеницына стала для Обломова второй матерью. Обломов, как ребенок, наслаждался всем, что предоставляла ему Агафья Матвеевна. Она создала для него идеальный мир, может быть, другую Обломовку, нежный сон, от которого он не хотел пробуждаться.

Гао Цзюесинь по воле своего деда женился на Жуйцзюе, которая до свадьбы была ему незнакома. В силу своего характера он не стал противиться этому браку (*«В день заключения брачного договора с ним обращались, как с куклой, и расхваливали, словно драгоценность. Он делал все, что от него требовали, не ощущая ни радости, ни горя, словно видел в этом свой долг»* [Ба Цзинь 1956: 65]). Постепенно Гао Цзюесинь все-таки полюбил свою жену, которая не так, как Агафья Матвеевна, но все же посвятила жизнь своему мужу и заботе о нем. Жуйцзюе с нежностью и трепетом создавала уют в их с Гао Цзюесинем комнате: несмотря на то, что в доме были слуги, она всегда сама ставила цветы, чтобы обрадовать мужа (*«Твой старший брат очень любит эти цветы. Неужели ты не заметил, что в его комнате несколько ваз с цветами зимней сливы? Я всегда сама ставлю их ему, боюсь, что Минфэн выберет не то, что нужно»* [Ба Цзинь 1956: 113]). Кроме того, она всегда поддерживала его, жертвовала собою ради него, понимала сложность его положения, понимала, что он вынужден нести на себе бремя главы семьи (*«Зачем же тебе принимать дурную славу непочтительного к старшим? Ведь ты должен пойти на эту жертву ради меня, но я ни за что не допущу этого»* [Ба Цзинь 1956: 359]). Однако и этот союз сложно назвать семьей. Гао Цзюесинь проявил слабость и не выступил против своих родственников, которые настояли на том, чтобы беременная Жуйцзюе покинула дом. Ее понимающая и жертвенная любовь столкнулась с его слабостью и надежанием.

Несмотря на то, что семьи Обломова и Гао Цзюесиня представляют собой трагические образцы союза мужчины и женщины, у каждого из героев появляется сын. И в данном случае очень важно отношение героев к своим сыновьям. Обломов назвал сына Андреем, в честь своего друга Штольца. Кроме того, для Обломова было важно, чтобы Штолец принял участие в воспитании его сына. Штолец обещал Обломову: *«поведу твоего Андрея, куда ты не мог идти... и с ним будем проводить в*

дело наши юношеские мечты» [Гончаров 1984: 461]. Так сын Обломова попал в другую семью и среду, гипотетически получая возможность избежать участи своего отца.

Что касается отношения Гао Цзюесиня к своему сыну, то и в этом он похож на Обломова. Главной мыслью Гао Цзюесиня становится желание лучшего будущего для сына: *«Я не смог осуществить того, о чем мечтал. Пусть же он сделает это за меня»* [Ба Цзинь 1956: 71]. Интересно при этом, что когда Гао Цзюесинь был маленьким, его родители тоже на это надеялись: *«Цзюесинь, конечно, не помнил, что, когда он сам был ребенком, родители так же горячо любили его и говорили ему точно такие слова, полные благодарности, надежды и любви»* [Ба Цзинь 1956: 71]. Таким образом, история семьи Гао, описанная в романе, замыкается в кольцо. Ситуация, произошедшая с Гао Цзюэсином, начинает повторяться с его сыном.

Подводя итог, можно сказать, что среда и семья в романах «Обломов» и «Семья» тесно связаны с формированием характера героя. Гончаров описывает, как из-за упадка усадебно-дворянской жизни разрушаются мечты Обломова, сам он распадается как личность. Подобным образом Ба Цзинь показывает, как под влиянием общественных движений и в условиях пересмотра конфуцианской этики постепенно распадается семья Гао, а Гао Цзюесинь перестает верить в себя. Вместе с тем Гончаров и Ба Цзинь затрагивают проблемы воспитания в русских и китайских помещичьих семьях: герои росли, окруженные любовью и чрезмерной родительской заботой, из-за которых Обломов до конца жизни оставался нежным, но слабым и несамостоятельным, и Гао Цзюесинь не был способен на самостоятельное решение и не мог противиться воле старших. Среда, окружавшая героев в детстве, поспособствовала и тому, что жизнь каждого из них завершилась трагично.

Библиографический список

Ба Цзинь. Семья / пер. с китайского В. Петров. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 406 с.

Гончаров И.А. Обломов / Пермь: Пермское книжное издательство, 1984. 469 с.

Добролюбов Н.А. Что такое Обломовщина? // Добролюбов Н.А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. М.: Наука, 1970. С. 170–195.

Комар Н.Г. Проблема семьи в романе И. А. Гончарова «Обломов» в контексте традиции древнерусской литературе (Обломов и Ольга) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Том 154, кн. 5. С. 195–204.

Кравцов А.Н., Никольский Е.В. Точки схождения и разбега: «лишний человек» в русской классической литературе // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28, вып. 2. С. 156–168.

Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.

Недзвецкий В.А. Романы И.А. Гончарова // Гончаров И.А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года / Ред.: Н.Б. Шарыгина. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 3–37.

Никольский Е.В. Ещё раз о проблеме «лишнего человека» в русской классической литературе // ART LOGOS. 2017. С. 7–22.

Ханбалаева С.Н., Веденяпина Э.А. К проблеме «лишнего» человека в русской литературе XIX века // Язык и текст. 2017. Том 4. № 3. С. 67–73.

Чэнь Хуэй. «Лишний человек» в произведениях китайских писателей первой половины XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 2. С. 211–212.

Ан Чжэнь. Процесс формирования характера Обломова // Газета Хубэйского педагогического института 1989. №3. С. 55–62. (安镇. 散论奥勃洛莫夫性格的形成过程. 湖北师范学院学报 1989.(3) P. 55–62).

Ван Гоцин. Издание и влияние русских произведений в течение Движения 4 мая // Газета Чжонго Чубань 2016. №9. С. 54–57. (王国庆. 五四时期俄罗斯文学著作的出版及影响 2016.(9) P. 54–57).

Ван Дэлу. «Лишний человек» в русской и китайской литературе // Социальная наука Гуйчжоу 1991. № 4. С. 24–27. (王德碌. 论中俄文学史上的“多余人”形象. 贵州社会科学 1991.(4) P. 24–27).

Пан Хун. Сопоставление образов «лишних людей» Печорина и Гао Цзюесиня // Газета Муданьцзянского университета т. 22, №1. 2013. С. 63–65. (潘虹. 多余人毕巧林与高觉新的形象比较, 牡丹江大学学报 vol.22, №1. 2013. P. 63–65).

Ху Юньбо. Анализ художественных образов «лишних людей» / Педагогический университет Внутренней Монголии, 2006. 33 с. (胡云波. “多余人”艺术形象分析与研究. 内蒙古师范大学 2006. 33 p.).

Хэ Хуэйлань. Анализ образа Гао Цзюесиня в романе Ба Цзиня // Газета Юга 2009. №2. С. 63–64. (何辉兰, 浅析巴金《家》中的高觉新形象. 南方论刊 2009. (2) P. 63–64).

Цянь Сюйчу. Анализ «лишних людей» в течение Движения 4 мая // Газета Сюехай 2003. №5. С.164-166 (钱旭初, “五四时期”零余者形象浅析. 学海 2003. (5) P. 164–166).

Чжан На. Анализ трагического образа Гао Цзюесиня в романе «Семья» Ба Цзиня // Анхуэйская Литература 2016. №6. С. 28–29. (张娜. 巴金“家”中高觉新的悲剧形象剖析. 安徽文学 2016. (6) P. 28–29).

Чжан Хайшэн, Ву Юйюй. «Лишний человек» в китайских современных романах // Журнал Чунцинского технического Института т.22 № 2.2008. С. 113–115. (张海生 吴王玉, 中国现代小说中的“零余者”形象. 重庆工学院学报(社会科学) 2008. Vol .22, No. 2. P. 113–115).

Ши Цзиньхуа. Конфликт между новой и старой культурой в романе «Семья» // Журнал Хэйлунцзянского педагогического института. т.38. № 4.2019. С. 105–107. (石进花, 论《家》中新旧文化的冲突. 黑龙江教育学院学报. 2019 Vol. 38. No.4 P. 105–107).

Fu Xia

Master Student of Philological FACULTY
Perm State University

D.A. Sukhoeva

Senior Lecturer of Russian Literature Department
Perm State University

**THE PERSONA AND THE ENVIROMENT IN THE NOVELS
OF I.A. GONCHAROV AND BA JIN**

The article examines the images of personas representing the type of “superfluous man” in Russian and Chinese literature. Taking the novels “Oblomov” by I.A. Goncharov and “Family” by Ba Jin as examples, the authors of the article analyse the influence of environment and family on the character formation of the personas (Oblomov and Gao Juexin). Despite the difference in historical epochs and cultures, the personas of Goncharov and Ba Jin grew up and were brought up in approximately the same conditions, which affected their future lives.

Key words: “superfluous man”, Oblomov, Gao Juexin, Family, Environment

Четина Елена Михайловна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
chetina@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР АНАТОЛИЯ КИМА (К ЮБИЛЕЮ ПИСАТЕЛЯ)

В статье рассматривается творчество современного писателя Анатолия Кима, своеобразие художественного мира которого определяется взаимодействием нескольких культурных кодов. Сочетание восточных и русских традиций создает специфический мотивный комплекс его прозы.

Ключевые слова: современная литература, творческий путь, художественный мир, мотив.

Известный писатель Анатолий Ким в 2019 г. отметил юбилей, ему исполнилось 80 лет. Возраст мудрости предполагает подведение итогов, осмысление художественных стратегий. В его поздних произведениях возникает образ повелителя, Хранителя Слова, который «погоняет» и подгоняет автора, отвлекает от «густой сонной одури, в которую невольно погружаются его азиатские глаза... Я велю ему идти по самому легкому и быстрому пути – дорогою Слова», – «тут и не зевай, господин писатель, не клюй носом, а скорей записывай слова».

Жизненный и творческий путь Кима проходит в причудливом переплетении дальневосточных, среднеазиатских и русских традиций. Память детства отражается в образах Востока, бесконечности пространства, идее вечного возвращения на пути метаморфоз. Предки писателя переселились из Кореи в Россию в XIX в., он родился в Казахстане, жил на Сахалине. В его первых рассказах появляется мотив дороги на далекий остров судьбы, который станет определяющим в поздних исповедальных произведениях. Библейский сюжет здесь мистически сопрягается с историей жизни писателя, метафизическими откровениями, дальневосточными преданиями и языческими верованиями. «И я ходил по дорогам вслед за Иисусом, а не сел на землю рядом с Сиддхартхой Гаутамой» [Ким 2013: 537].

Многогранность художественного мира Кима связана с открытием народной культуры. С особой теплотой он вспоминает русскую деревню: «У меня в глухой деревне Мещерской стороны, в Немятово, была

куплена заброшенная изба, которую я поднял своими руками, починил провалившееся крыльцо, купил красного кирпича и вывел над крышей разваленную печную трубу, подвел фундамент под избяной сруб, вырубив нижние сгнившие венцы... В этой избушке предстояло быть написанным всему лучшему из моего раннего периода» [Ким 2015: 12]. Погружение в русскую природу иницирует новый уровень самосознания автора и его героев. Волшебная сила русского леса помогает ощутить всеобщую связь явлений, постигнуть жизнетворящее начало Дао. Образы леса, вечного древа и универсального мифологического пантеона аккумулируют философскую проблематику известных романов «Белка» и «Отец-Лес». Прикосновение к почве определяет глубинное видение мира и сближает автора с представителями «деревенской» прозы.

Мы познакомились с Анатолием Андреевичем во время одного из московских литературоведческих симпозиумов. Писатель с гордостью назвал себя «деревенщиком», воодушевленно рассказывал о своей мещерской деревне, местных жительницах, которые стали для него примером доброты, народной мудрости и стойкости. Деревенские бабушки, по его словам, были именно такими, как их описывали писатели-почвенники, словно сошли со страниц произведений Валентина Распутина и Владимира Личутина. Реальное и ирреальное, художественное и повседневное переплетаются в его воспоминаниях о деревенской жизни. Однажды, глубокой осенью, здесь случилось чудо, которое он считает главным событием своей жизни. «Я понимал, что о таком сокровенном, чудесном, нельзя поминать вслух, но почему-то рассказывал везде и всюду, не особенно разбираясь, достойны ли слушатели того сакрального, что явлено было мне сумеречным вечером в избушке на краю деревни Немятово [Ким 2015:12]. Чудо богоявления вызывает преображение мира, который предстает в «ярком многоцветии»: «Я увидел жизнь вокруг себя совершенно по-новому, в ином освещении. Как выглядел свет жизни дотоле, тридцать пять лет назад и раньше, я плохо помнил. Словно все происходившее ранее было бесцветным, как черно-белое кино» [Ким 2015:14]. Небесный свет, раскаляющий темно-серый воздух избы, освещает душу писателя, определяет предстоящий жизненный путь. «Я весь был залит бушующими потоками света, слепящее солнце светило в глаза. И тут, не открывая их, я вспомнил о прошедшей чудесной ночи, вспомнил голос Того, который ясно произнес, что мне надобно делать: «Тебе нужно креститься... В моей душе воистину произошло внезапное преображение. Проснувшись утром, я обнаружил себя новым человеком, и надо было его потихоньку вводить в реалии прежнего существования... Чтобы удерживать в пределах прежней житейской реальности чудесную ночную бабочку метаморфозы, наутро надо было немед-

ленно что-то делать. Что-то конкретное и совершенно необходимое. И я решил, что мне должно напрямую исполнить то, что было велено Его голосом...» [Ким 2015:13–15].

Мистическое событие, произошедшее в русской деревне, знаменовало новый этап жизни и творчества Кима. Друг писателя Иннокентий Смоктуновский стал его крестным отцом: «Я принял христианство из рук Смоктуновского. Произошло это, когда мне исполнилось сорок лет» [Ким 2015:11]. Выдающемуся актеру, с которым его связывала многолетняя дружба, Анатолий Ким посвятил проникновенную книгу воспоминаний. «Крестный когда-то спас меня в роковую минуту, за руку ввел в литературу, и примером всей своей жизни – как и бывает у подлинного отца – указывал мне путь в нашем подлинном артистическом деле... И мне бесконечно грустно жить эту жизнь без своего крестного, и не утешает меня то, что я когда-нибудь уйду вслед за ним. Ибо я не верю, что мы с ним снова встретимся – в каком-нибудь из замечательных параллельных миров, как встретились однажды в этом нашем земном зеленом и синем золотистом мире» [Ким 2015:89].

Нравственно-религиозное переживание приводит к усилению исповедальности в прозе Кима, усиливает ирреальное начало. В «сумеречные девяностые» его размышления о мире приобретают трагический оттенок. Известный писатель и литературовед Алексей Варламов включает романы Кима в ряд лучших произведений российской апокалиптической прозы конца XX века. «Начиная с конца восьмидесятых годов и вплоть до середины девяностых, русская литература переживает эсхатологический бум, пожалуй, даже превосходящий по масштабам “апокалипсофию” начала века» [Варламов. 1997:73]. Варламов намечает возможность сопоставления произведений Кима с творчеством патриарха отечественной литературы Леонида Леонова. Последний роман Леонова «Пирамида» – «роман-наваждение» – представляет собой своего рода «мостик, переброшенный их двадцатых годов в наше время», аккумулирует апокалиптические мотивы XX века. Некоторые мотивы опубликованного в 1995 году романа «Онлирия» пересекаются с грандиозным трагическим текстом Леонова. Ким, как представитель «мифологической школы», воскрешает в «полуфантастическом-полумистическом повествовании о Последних Временах» жанр романа-утопии [Варламов 1997:75]. Апокалиптические настроения усиливаются в последующих произведениях писателя. Эсхатологические ожидания реализуются в романе «Радости рая», где перед «концом света – 2012» человечество переживает утрату вселенского пути и смысла существования. «Все оставив глаголу прошедшего времени, я писал эту книгу, эти простые меркнувшие на глазах строки, зная, что нигде и никто так и не прочитал

их, потому что они окончательно померкли в моих глазах, пока я добрался до этой точки. А далее было что? Я не знал» [Ким 2013:512].

Творческий диалог с произведениями русской классики трансформирует структуру произведений Кима, стимулирует расширение и предельное усложнение философского проблемного комплекса. Последние романы писателя, подобно леоновской «Пирамиде», комбинируют художественные и исторические нарративы, агиографические и апокрифические сюжеты. Пророчества и сновидения, полеты в пространствах разных миров, образы времени, которое «течет, бежит, катится, низвергается вниз, возносится вверх, летит пулей, падает прозрачными каплями в космос» – отражают искания духа. Новая эсхатология в творчестве Кима синтезирует христианские и ориенталистские мотивы, завершает этап творческих исканий. В его романах возникают образы апостолов и Спасителя, который звал за собою, «и мы шли за Ним, отбросив разом все – лодки и сети, отцов и матерей, маленьких младших братьев и собственных детей, налоговую службу и царский трон, и жреческий сан... и никто из нас не вернулся жить на прежнее место..» [Ким 2013: 513].

В романе «Остров Ионы», опубликованном в журнале «Новый мир» в 2001 году, упоминается, что герою исполнилось шестьдесят лет. Согласно дальневосточным традициям, эта дата знаменует возраст перехода и обретения нового статуса. Завершился полный календарный цикл и человек должен начать новый жизненный этап. Возраст писателя в период создания романа совпадает с возрастом героя, которому он также дает свое имя. Автобиографическое начало включено в мистический сюжет: герой-писатель и его персонажи отправляются на таинственный остров Ионы, пристанище библейского пророка. Этот путь сродни путешествию на «остров бессмертных». Дальневосточная культура содержит предания о расположенных в Желтом море островах даосов – обитатели бессмертных мужей. «Мой друг-читатель этой книги, я пригласил тебя в свободный полет, чтобы ты ощутил, как и я, что была у нас жизнь и до нашего рождения, и была она и после нашей смерти, твоя и рядом моя таинственная и привлекательная жизнь... Бессмертия не надо достигать, ведь оно в тебе, с тобой, – бессмертие надо постигать, ведь оно всегда высоко, и к нему идти и лететь далеко» [Ким 2013: .8].

Автор пишет, что свой «неистовый метароман» он первоначально хотел назвать «Свободен», но потом назвал – «Остров Ионы».

Первозданный и безлюдный остров посреди моря воплощает семантику пограничья между жизнью и смертью, идею «неисповедимой послежизни». «Опять ноги вечного пилигрима, искавшего встречи с радостями рая, привели меня к морю» [Ким, 2013:410]. Исследователи справедливо отмечают трансформацию канонов в рубежном романе-

откровении: «Писатель создает концепцию романа на основе первой фразы Евангелия от Иоанна: “Вначале было Слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог”. Подчиняясь этой концепции, А. Ким строит логоцентрическую модель мироздания, но она также оказывается несвободной от иной, высшей воли» [Русская проза 2011: 99]. Новозаветное слово, древние корейские и китайские тексты, авторские откровения о трагедии судьбы художника и пророка формируют единство художественного мира философского метаромана.

Творческая деятельность Кима, писателя и художника (его иллюстрации дополняют сочинения) длится уже более полувека. В начале пути писатель был включен критиками в когорту «сорокалетних» реалистов, сейчас он – философ, связующий христианские и мистические восточные идеи в поисках «вселенского закона, по которому живут и здравствуют в беспредельном Космосе все одухотворенные небесные тела». «Может быть, хмель от собственного творчества и есть та высшая мера радости рая, в поисках которого я прошел столько тысячелетий разных дорог, умирая и рождаясь, и, наконец, завис над этим пятачком атолло-вой отмели, в куцей секунде бирюзовой лагуны» [Ким, 2013:322].

Произведения Кима образуют единое смысловое пространство, мир параллельных жизненных сюжетов и вечных превращений. «Роман Кима напоминает волшебное зеркало, в котором читатель видит причудливое отражение своего мира и самого себя в нем». [Русская проза: 2011:97].

Библиографический список

Ким А.А. Гений: повесть о Смоктуновском. Владивосток: Валентин, 2015. 104 с.

Ким А.А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Радости рая. Владивосток: Валентин, 2013. 732 с.

Русская проза рубежа XX–XXI веков: учеб. пособие / под ред. Т.М. Колядич. М.: Флинта: Наука, 2011. 520 с.

Варламов А. О дне же том и часе никто не знает...» Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века» // Литературная учеба. 1997. № 5–6. С.69–77.

E.M. Chetina

Associate Professor of the Russian Literature Department
Perm State University

ANATOLY KIM’S WORLD (ON THE ANNIVERSARY OF THE WRITER)

The article discusses the work of the modern writer Anatoly Kim, the originality of the artistic world of which is determined by the interaction of several cultural codes. The combination of eastern and Russian traditions creates a specific motivational complex of his prose.

Key words: modern literature, creative path, art world, motive.

Научное издание

Филология в XXI веке

Выпуск 2(4) / 2019

Корректор *И. И. Разумихина*
Компьютерная вёрстка *И. И. Русиновой, И. Ю. Роготнева*
Художник *Л. Г. Писорогло*
Макет обложки *Т. А. Басовой*

Подписано в печать 11.12.2019. Выход в свет 17.12.2019
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 8,37
Тираж 500 экз. Заказ 188

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно